

33.334-43985
1734
K-43985

Библиотека Президента Чувашской Республики

Писатели

K-049965

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
обозначенного здесь срока

М т. 3 50 1990 г.т. 5000

Библиотека Президента Чувашской Республики

*Л.Я. Агаков
Ю.Г. Айдаш
А.Е. Алга
В.С. Алендей
А.С. Артемьев
П.В. Афанасьев
А.А. Воробьев
А.А. Галкин
Д.В. Гордеев
В.И. Давыдов-
Анатри
А.В. Емельянов
Г.А. Ефимов
В.З. Иванов-
Паймен
Н.Ф. Ильбек
Н.А. Исмуков
Д.А. Кибек
Г.В. Краснов
В.Е. Митта*

*Н.Ф. Мранька
(Мораньков)
П.Н. Осипов
Ю.С. Семендер
Ю.И. Скворцов
А.Ф. Талвир
Л.В. Таллеров
Н.Т. Терентьев
М.Д. Трубина
В.В. Тургай
К.С. Турхан
И.Е. Тхти
Ф.Е. Уяр
Б.Б. Чиндыков
С.А. Шавлы
Н.И. Шелеби
(Полоруссов)
С.В. Эльгер
Д.П. Юман
М.Н. Юхма*

К 83.39 (= ЧЧВ) 6-Р
П 34

Писатели

Серия основана в 2002 году
Указом Президента
Чувашской Республики
Н.В. Федорова

Редакционная коллегия

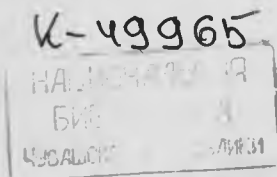
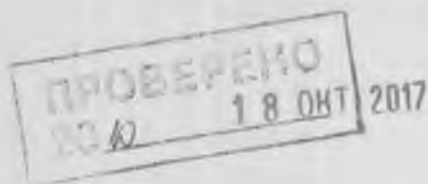
кф
С.А. Гапликов (председатель),
Р.М. Лизакова (зам. председателя),
И.А. Андреев, В.С. Григорьев,
В.Д. Димитриев, Н.К. Кириллов,
В.П. Комиссаров, И.Д. Тимофеев,
А.П. Хузангай, Г.П. Чернова

Том 6

Чебоксары
Чувашское
книжное издательство
2008

УДК 821.512.111.0
ББК 83.3 (2Рос=Чув)
П 34

ISBN 978-5-7670-1612-9

© Алексеев В.Н., составление, 2008
© Чувашское книжное издательство, 2008

В НАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО

Духовная культура каждого народа и нации создается и накапливается веками, тысячелетиями. Сегодня, живя в сложное время, мы с ужасом и стыдом осознаем, что рубеж 1917 г. более чем полвека являлся для нас роковой и непреодолимой чертой, за которую разрешалось заглядывать гуманитарным наукам лишь в целях охаивания и негативной оценки исторического прошлого народа, основ национальной духовной культуры. В исследованиях литературоведов всерьез утверждалось, что лишь Октябрьское вооруженное восстание и последовавшие за ним крутые перемены создали условия для зарождения новой, подлинно свободной литературы, которая наконец-то «обретает традиции», смывает родимые пятна проклятого прошлого и т. д. Ведь даже М. Сеспель в стихотворении «Пашня Нового Дня» с восторгом и энтузиазмом встречал первый день (точнее утро) обновленной жизни своего народа:

В могильный мрак глубокой борозды
Чувашская ложится старина.

Похороненные традиции и забытое прошлое сегодня снова ожидают в нашей укороченной памяти, теребя и укоряя нашу усыпленную совесть. Вот почему мы вновь и вновь перечитываем и переоцениваем творческие накопления классики, нередко даже проверенные, казалось бы, временем произведения литературы и искусства.

Данный сборник очерков органично дополняет сериал изданий, осуществляемых согласно проекту Президента Чувашской Республики Н.В. Федорова. В него вошли литературные портреты мастеров чувашского слова нескольких поколений. Кроме этого, в I том были включены очерки о творчестве К. Иванова, М. Сеспеля, И. Максимова-Кошкинского, П. Хузангая, Я. Ухсая, И. Тукташа, а в IV том — очерк о жизни и деятельности известного литературоведа и педагога, члена-корреспондента Академии педагогических наук СССР М. Сироткина. В серии «Замечательные люди Чувашии» запланировано издание отдельной книги о творчестве известного поэта Г. Айги. Реализация замысла такого масштаба, предпринятая впервые, дело чрезвычайно трудное, тем более непосильное одному автору

за короткое время. Пусть поэтому простит читатель некоторые элементы разностильности и абрисности в исполнении отдельных портретов, но эти недостатки вполне скрашивают лучшие очерки, глубокие по содержанию, с выверенными оценками. Представленные в сборнике имена писателей, отобранные пока в «первом приближении», в совокупности создают целостный портрет чувашской литературы, передают сложную динамику историко-литературного процесса с его взлетами, творческими порывами и трагическими потерями, издержками. Литература движется и развивается, пока живет народ. Эстафетную палочку, полученную от «патриархов», — Н. Полоруссова-Шелеби, К. Иванова, М. Сеспеля, С. Эльгера, М. Трубиной, Д. Юмана, И. Тхти, И. Максимова-Кошкинского — понесли дальше П. Хузангай, В. Митта, П. Осипов, В. Иванов-Паймен, С. Шавлы, Хв. Уяр, М. Ильбек, И. Тукташ, А. Талвир и др. Следующее за ними поколение писателей с фронтовым опытом — А. Артемьев, В. Алендей, А. Воробьев и те, кто вместе с ними в одно время пришел в литературу — Н. Терентьев, Ю. Скворцов, Г. Ефимов, А. Емельянов, Л. Таллеров и др. Отчетливо предстает в сборнике и лицо поколения, детство которого безжалостно опалила война, это — Г. Краснов, Д. Гордеев, Ю. Семендер, Ю. Айдаш, П. Афанасьев, Н. Исмуков и др. Сегодня в чувашской литературе неповторимо звучат голоса относительно молодых талантливых мастеров слова Б. Чиндыкова, В. Тургая и многих других.

В сборнике частично представлена и так называемая «возвращенная» литература (В. Митта, В. Иванов-Паймен). Их мужественный талант творцов вызывает восхищение и глубокое уважение, судьба людей, наделенных божьим даром, не сломившихся, не сдавшихся в нечеловеческих условиях существования в лагерях, переполняет нас чувством гордости за человека. Римский поэт Вергилий говорил, что «благородный человек не поднимет подлое оружие». Они верили, что сила не в оружии и власти, а в правде. Поэтому выстояли, преодолевая животный страх и желание спасти шкуру, в отличие от многих.

О народе (нации) судят по его литературе. Лучшие творения К. Иванова, М. Сеспеля, С. Эльгера, П. Хузангай, Ф. Уяра, Ю. Скворцова и др. прочно укоренились в сокровищнице общечеловеческих ценностей. И священный долг нынешних и будущих поколений чувашских писателей — достойно продолжить диалог равных с самыми передовыми философско-эстетическими идеями времени.

Ю.М. Артемьев,

научный редактор, доктор филологических наук

**Леонид
Яковлевич
Агаков
1910—1977**

*Народный писатель Чувашии (1974),
лауреат премии Комсомола Чувашии
им. М. Сеспеля (1967),
прозаик, публицист,
переводчик, автор книг
«Однажды весной»,
«Мальчик из Юманлых», «Партизан
Мурат», «Надежда» и др.*

И ДЕТЕКТИВ, И ПРИКЛЮЧЕНИЯ, И САТИРА...

Не одно поколение читателей в большой мир литературы окунулось благодаря приключенческо-детективным произведениям народного писателя Чувашской АССР Л. Агакова. Опросы показывают, что по-прежнему высок рейтинг таких книг, как «Однажды весной», «Партизан Мурат», «Золотая цепочка», «Мальчик из Юманлых» и т.д. Литературоведы его называют родоначальником приключенческого и детективного жанров в чувашской литературе.

О своем писательском кредо Л. Агаков говорил так: «Свои произведения я брал из жизни, пользовался реальными фактами».

Родился писатель 5 апреля 1910 г. в д. Сеткасы Ядринского уезда (ныне Ядринский район Чувашской Республики) в семье сельского учителя. Еще в школе начал интересоваться литературой, много читал. Во время учебы в Ядринском педтехникуме свою первую заметку напечатал в газете «Канаш». «Помню как сейчас: был необычайно обрадован этому», — вспоминал писатель.

Целый ряд заметок, статей, очерков, фельетонов были опубликованы после этого в газетах «Молодой крестьянин», «Наша деревня», в журнале «Капкан». Обуреваемый энтузиазмом, особое внимание селькор обращал на проблему развития грамотности, на борьбу с пережитками прошлого. Тогда же начал писать рассказы для детей.

Начало литературного пути Л. Агакова связано с публикацией первого рассказа «Ухабы» (1928), под которым он подписался псевдонимом Леон Линч. Первая книга «Жизнь коммуны «Волонтер» вышла в 1930 г., когда автору исполнилось всего 19 лет.

Активного автора заметили корифеи чувашской литературы А. Золотов, Иван Мучи, Н. Васянка, С. Лашман, которые не скупились на добрые слова и советы.

В 1928 г., после окончания педтехникума, Л. Агакова приглашают работать в редакцию газеты «Канаш». Частые командировки, беседы с людьми расширяют его кругозор, создают стимул для творчества. За короткое время, в 1931—1932 гг., выходят его книги «Лесной отряд», «Последняя сказка», «Бабы». Увлекаясь темой индустриализации, он пишет пьесу «Мощь» (1932), которую ставят на сцене. Конечно, молодой писатель чувствовал, что первый драматургический

Композитор
Г. Хирбю,
писатели Л. Агаков,
П. Хузангай.
1939 г.

опыт не совсем удался. Чтобы глубже изучить специфику сценического искусства, в 1932 г. он поступает на театроведческий факультет Государственного института театрального искусства им. А.В. Луначарского. «Мы слушали Н. Погодина, В. Вишневского, В. Катаева, Л. Славина и др. Ходили в Союз писателей и слушали различные дискуссии — все это пошло на пользу», — вспоминал писатель.

После окончания института Л. Агаков преподавал в театральном техникуме в Чебоксарах, работал инспектором Управления по делам искусств при Совнарком республики, руководил секцией драматургии при Союзе писателей ЧАССР. Около года ему довелось работать руководителем колхозного театра в г. Бижбуляк (Башкортостан). В 1938 г. писателя призвали в армию. Сначала с оружием в руках он защищал рубежи Родины от белофиннов на Карельском перешейке, был ранен. Затем сражался против

фашистских захватчиков на многих фронтах Великой Отечественной. Командовал стрелковой ротой, а с весны 1942 г. стал секретарем дивизионной газеты «Советский патриот». Вот как писала газета «Чувашская коммуна» в номере от 5 мая 1943 г. о войне-журналисте: «Товарищ Агаков в новой работе показал себя как смелый и опытный журналист. Он собирает бесценные материалы для статей, очерков, заметок на передовых рубежах сражений». Старший лейтенант Л. Агаков не желал оставлять фронтовые окопы, даже если его вызывали в Чувашию по делу: «Нельзя мне сейчас уходить отсюда, потому что на фронте начинаются большие события», — писал он в правление Союза писателей Чувашии.

По его инициативе в июне 1943 г. в дивизии был проведен слет бойцов и командиров-чувашей, получивших ордена и медали за подвиги.

Между боями, иногда на госпитальной койке, журналист-воин брал в руки карандаш и бумагу. Так в 1940 г. он написал остросюжетную повесть «Однажды весной». Несмотря на некоторые идеологические штампы, данное произведение стало заметным явлением в чувашской литературе. Основное действие в повести разворачивается после возвращения главного героя Тараса из Красной Армии. Он хочет поднять ослабленную голодом чувашскую деревню, но встречает ожесточенное и коварное сопротивление бандитствующих элементов. Не раз Тарас оказывается перед лицом смерти, но чудесным образом спасается.

Повесть держит читателя в напряжении: быстрая смена событий, бесстрашный и неуязвимый главный персонаж, острый сюжет... Отношения между людьми складываются драматически. Никто не знает, кто враг, кто свой. Сельским советом верховодят кулаки, которые связаны с бандой Махорки. Главный герой проходит через жестокую классовую битву, но не теряет самообладания и готовности к подвигу. Это произведение своим пафосом напоминает повесть русского писателя П. Нилина «Жестокость».

«События в повести «Однажды весной» происходили в моей родной деревне. Мне было тогда 11 лет, учился в 4 классе. Сразу не смог об этом написать. Через 16 лет, наконец, произведение созрело», — вспоминал автор.

Во время войны вышли его книги «Фронтовые ребята» (1943), «За родную кровь» (1943, впоследствии «Партизан Мурат»), «На поле боя» (1944). Героико-романтические книги на военную тематику создавал он и после войны. Повести «Золотая цепочка» (1948), «В одном городе» (1952), «Солдатские дети» (1965) полюбили

С женой,
писательницей
А. Лазаревой.

читателю. Фактически военно-патриотическая тема стала главной и определяющей в творчестве писателя. За повести «Солдатские дети», «Золотая цепочка», «Партизан Мурат» и «Синичка» он был удостоен премии Комсомола Чувашии им. М. Сеспеля.

Военно-приключенческие повести «Партизан Мурат» и «Золотая цепочка» адресованы детской и юношеской аудитории. Через многие опасные и смертельные испытания приходится пройти юным героям Мурату, Саньке и Ванюшке, они всегда находят выход из труднейших ситуаций и побеждают врага, как и следует персонажу героико-романтической повести. Конечно, в этих произведениях наряду с реалистичными эпизодами много моментов, где преувеличены возможности детей. Они умны, изворотливы. В «Золотой цепочке», к примеру,

дети выслеживают и уничтожают гитлеровского офицера Генриха Шварца и забирают золотую цепочку и часы родителей Саньки.

Вот как описывал автор в своем дневнике зарождение замысла повести: «Курская область: деревня Чернихово. Здесь рассказывают невероятные истории. Фашисты расстреляли наших сотнями. Сегодня разговаривал с одной женщиной. Деревня Веретенино сожжена дотла. Сначала окружили, выгнали 197 человек в поле и расстреляли. У этой женщины погибли семеро детей и муж. Она спаслась чудом. Остался в живых еще один мальчик...»

Положив в основу сюжета это трагическое событие, автор создал шедевр чувашской героико-приключенческой литературы, которым зачитывалось поколение 60—70-х гг. XX в. Книга поистине стала «золотой», всколыхнула многие детские души. Приключенческий мотив усиливается трагическими элементами: после уничтожения мирных жителей Ванюшка запоминает фашиста, который носит украденную золотую цепочку, взятую у убитой женщины. В партизанском отряде вызревает план мести, мальчики осуществляют задуманное: враг выслежен и уничтожен.

В повести «Солдатские дети» изображена полная тревог, лишений и надежд жизнь чувашской деревни военного времени. Здесь дети ведут себя почти как взрослые. Автору удалось показать лучшие качества чувашей, приютивших эвакуированных беженцев. Эстонские, белорусские и русские семьи встретили в чувашском колхозе юных тружеников, которые на равных со взрослыми работают для приближения Победы. Герои повести Евгений и Аркаш в конце повествования пашут землю. Они уже проводили эвакуированных. Мечтают об учебе. И вот скачет на коне председатель колхоза и объявляет о победе над фашизмом. Произведение заканчивается на романтико-лирической ноте.

Иной материал использован в небольшой повести «Синичка» (1965). Здесь чувствуется некоторая автобиографичность: сюжет построен в форме рассказа сотрудника дивизионной газеты Атнарова о любви санитарки Наталии Синичкиной и разведчика Миши Телегина. Пожалуй, Л. Агаков тему любви на войне ярко и проникновенно раскрыл одним из первых в чувашской прозе. События развиваются вокруг смелых, одухотворенных героев, молодые люди испытывают друг к другу глубокие, искренние чувства. Сюжет незамысловат: тяжело раненную Наташу спасает от смерти сержант Телегин. После выздоровления «дочь полка» работает санитаркой в медсанбате, помогает нашим разоблачить немецкого шпиона, заслуживает за это медаль. Во время боев Телегин получает тяжелое ра-

Писатель работает над романом «Надежда». 1969 г.

нение и на фронт не возвращается, работает в одном из военкоматов в тылу. Тем временем Синичкина под сильным огнем врага спасает немецкого ребенка, тоже получает ранение.

Прошло 20 лет после Победы... Неожиданно Атнаров получает письмо от Телегина и Синичкиной: они, оказывается, создали семью и живут вместе.

В романе «Надежда» автор крупным планом показал жестокую реальность войны. Здесь много глубоко достоверных, эмоциональных картин: описание поля боя, разрушенных сел и городов, показ физического и морального состояния раненых и т.д. «Кровь... Кровь на лицах людей, руки и ноги окровавлены. На шапках, дубленках и шинелях, на кругах бинтов, на полу — везде кровь.... Страшно!...» В таких

нечеловеческих условиях закаляется характер главного героя Риммы Сурской. Через жизненные коллизии героев автор показывает общественные явления, порожденные войной. Большое место в романе занимает диалог. Здесь проявилось драматургическое мастерство писателя.

В романе ярко и убедительно показан подвиг женщин на фронте. Римма не только смелая, но и оптимистичная и человечная: Сарьялова, потерявшего надежду, она вдохновляет так: «Успокойся, будь крепче духом. Другие остаются без ног, без рук, слепнут, но не сдаются». Писатель и в этом произведении события показывает через образ фронтового журналиста Васильева-Актая, в котором угадываются автобиографические черты.

В копилку чувашской детской прозы смело можно включить небольшую повесть «В одном городе», где юные патриоты наравне со взрослыми участвуют в борьбе с фашистами. Юра Репкин и его младший брат Коля с друзьями Сережей и Васей Авдеевыми в городе, занятом врагом, печатают в типографии листовки, клеют их на заборах, участвуют в минировании дорог, взрывают фашистскую технику, прячут и выхаживают раненых советских бойцов. После освобождения родного города участвуют в его восстановлении.

Не будет преувеличением, если скажем, что повесть Л. Агакова «Мальчик из Юманлых», опубликованная в журнале «Ялав» в 1960—1961 гг., а позже вышедшая отдельными изданиями, сделала революционный прорыв в приключенческой литературе. Многие десятилетия она держала читателей в напряжении. Повесть включена в школьную программу. Драматичная, эпизодами трагичная судьба подростка Илюка раскрыта мастерски. Л. Агаков делает акцент на морально-дидактической направленности произведения: молодым, не сформировавшимся личностям приходится нелегко в жестоком мире, и они попадают в воровские шайки и тюрьмы.

Убедительно представлены в книге и персонажи из преступного мира с их алчностью и жестокостью: Матви, растратчик и алкоголик, воровская шайка в составе Мелании, Артиста и Матроса и др. вовлекла Илюка в свой воровской круг обманом и хитростью. Только в детско-юношеской колонии с помощью добрых людей молодой человек становится уверенным в себе и окончательно порывает с прошлым.

Психологически верны мучительные размышления Илюка: всегда слово «вор» вызывало у него отвращение. А теперь он сам оказался вором.

Герой оказывается меж двух огней: одни толкают его на скольз-

Наедине с книгой.
1965 г.

кий путь, другие всеми силами вытаскивают из болота к праведной жизни. С первых страниц повести читателя захватывают детективные эпизоды: ограблен деревенский магазин, под мостом находят раненого человека, на полу магазина рассыпана махорка... Интересны эпизоды с подлогом: воровская шайка подкидывает нож в ограбленный магазин, чтобы подозрение пало на подростка; в колонии исчезают часы и опять обвиняют Илюка.

«Мальчик из Юманлых» — удачная детективная повесть с острым сюжетом о морально-этическом становлении человека. Конечно, здесь нет суперсыщиков типа Шерлока Холмса или Пуаро. Работа милиции и следователей показана весьма поверхностно.

В повести «Русский парень» (1980) главный персонаж — Минай Гвоздев возглавляет волостную милицию в 20-е гг. XX в. Это произ-

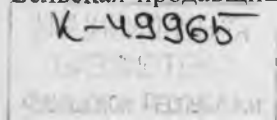
ведение чем-то напоминает повесть «Однажды весной...». Те же сюжетные коллизии, время действия. События разворачиваются в нелегкую пору установления новой власти: продотряды, вылазки кулаков, разбойники и конокрады, убийства... Народ баламутит отставной офицер Энтти: он действует хитро, исподтишка толкает людей на бунт. Дело доходит до прямой вооруженной стычки. В этой заварушке достойно держится милиционер М. Гвоздев — дальновидный сыщик. Ему приходится бороться и с двуличным милицеским начальством. Повесть остросюжетна. Автору в целом удалось раскрыть образ молодого милиционера, боровшегося с преступностью в первые годы советской власти. Весьма умело он затрагивает и тему дружбы народов. Русский милиционер Гвоздев пользуется заслуженным авторитетом среди чувашского населения: «Знаешь, говорят, что у нас новый начальник. Не слышал? Молодой, светловолосый, разговаривает на русском...». Образ бывшего уездного милицкого начальника Кумаркина, разоблаченного сельским учителем Павлом Фомичом, получился немного заданным и идеологизированным. Он — «враг народа», сын владельца мельницы, обманом проникший в милицеские органы.

Особое место в творчестве Л. Агакова занимают юмористические и сатирические рассказы. Писатель в них едко высмеивает мещан-обывателей, паразитов, лодырей, хвастунов, бюрократов, хапуг и пьяниц. Автор умело создает комические типажи, используя неожиданные ситуации, речь героев, располагает читателя, создавая запоминающиеся портреты. Например, в рассказе «Козлы» бездельники-игроки, увлекаясь домино, сами превращаются в подобие козлов. Автор высмеивает ничегонеделание здоровых мужчин, которые худеют и чахнут, глотая сигаретный дым.

Легким юмором отличаются рассказы из цикла «Были от Ивана-Черпака» о спокойном, рассудительном, скромном солдате. Когда корреспондент спрашивает, как он сбил карабином фашистский самолет, тот сбивчиво отвечает: «А чего там удивительного: взял да сбил. Упал и сгорел. Делов-то...» Герой Л. Агакова чем-то напоминает популярного Василия Теркина из одноименной поэмы А. Твардовского.

Сатирические рассказы писателя опубликованы в книгах «Дорогой зять» (1962), «Чудесное лекарство» (1967), «Секретный муж» (1977).

Одно из последних его произведений на современную тематику — роман «Самое дорогое» (1974), где события разворачиваются в послевоенной деревне. Сельская продавщица Кагаева товары отпускает

с незаконной наценкой. И вот в ее «вотчину» по распределению попадает выпускница торгового училища Лариса Логинова. Оправдывая эпиграф романа «Береги честь смолоду», автор противопоставляет честность и правдивость молодой продавщицы жуликоватому сообществу. Находятся у Ларисы единомышленники: поэт Чатта, учитель Цветков, другие честные люди. Справедливость восторжествует: Кагаева и ее компания оказываются на скамье подсудимых.

Известен Л. Агаков и как толмач. Чувашскому читателю он подарил «Повесть о настоящем человеке» Б. Полевого, «Повести гор и степей» Ч. Айтматова, «Мои университеты», «Дело Артамоновых» М. Горького, «Разгром» А. Фадеева, «Грозу» А. Островского и др.

После войны писатель-фронтовик работал главным редактором Чувашского книжного издательства (1944—1946), руководил управлением Союза писателей Чувашии (1950—1952), трудился главным редактором альманаха «Родная Волга» (1962—1965).

О популярном писателе написано немало книг и статей известными литературоведами и критиками Н. Дедушкиным, В. Долговым, Г. Федоровым и др.

Л. Агаков выпустил более 40 книг. Он был лауреатом премии Комсомола Чувашии им. М. Сеспеля (1967), ему присвоены звания «Заслуженный деятель искусств Чувашской АССР» (1968), «Народный писатель Чувашской АССР» (1974), избирался депутатом Верховного Совета ЧАССР (1951—1955). Награжден почетными грамотами Президиума Верховного Совета Чувашской АССР, а также орденом Трудового Красного Знамени. Писатель-баталист и военный журналист имел и боевые награды: орден Красной Звезды и медали.

В.А. Абрамов

Юрий
Григорьевич
Айдаш
1938

*Талантливый поэт, прозаик,
переводчик, лауреат
Государственной премии
Чувашской ССР
им. К.В. Иванова (1991), премии
Комсомола Чувашии им. М. Сеспеля
(1980), автор книг «Роза с шипами»,
«Встреча», «Лица», «Круг жизни»,
«Холмы России», «Атнер» и др.*

«ДУШИ ПОЭТА БОЛЬ КОСНЕТСЯ...»

У мя Ю. Айдаша (Григорьева) сегодня известно многим любителям чувашской поэзии. Его называют исповедальным поэтом. Он — автор более десяти книг прозы и поэзии, заслуженный деятель искусств Чувашской Республики (1996), лауреат премии Комсомола Чувашии им. М. Сеспеля (1980), Государственной премии Чувашской ССР им. К.В. Иванова (1991). Его творческие усилия высоко оценены такими писателями и поэтами, как А. Эсхель, А. Воробьев и др.

Ю. Айдаш, как и А. Воробьев, — уроженец Вурнарского района. Оба они являются тонкими лириками, вобравшими глубоко в душу заботы деревенских тружеников.

У А. Воробьева, как правило, природа олицетворена помыслами крестьянского труда: ветер, к слову, обеспокоенно ходит по улицам деревни и стучит в каждое окошко, словно колхозный бригадир; солнечный луч, проникшийся заботами весеннего сева, «ходит в поле вдоль борозд...» (Перевод подстрочный.) А вот Ю. Айдаш «с детства, с момента, как серп принял ... стал равняться на холмы родного края, на «человека-трудолюбца» («Холмы России»).

Близки два поэта и в восприятии просторов родного края. Вот что пишет старший из поэтов:

Здесь нет белоголового Казбека,
И солнце рыжий глаз косит чуть-чуть.
Смогли пригорки спины разогнуть,
Равнина задыхается от бега.

(Перевод Э. Балашова)

Ему вторит почти в унисон младший стихотворец:

Здесь ни гор седоголовых, ни морей покамест нету,
Не порхают попугаи, и бананы не растут.
Но мы верим: краше не сыскать по белу свету...

(Перевод П. Голосова)

Родина прекрасна тем, что живут тут «чуваши-волгари» («Единство»), до боли родные и близкие поэту люди. Отсюда проистекает сверхразвернутость поэтического образа, вбирающего в себя данность сегодняшнего человека и феномен вечности. Холм — это прежде всего средоточие эмпирической действительности, но вместе с

Ю. Айдаш
со сверстником
Г. Лавровым.
1962 г.

тем это и «отцова колыбель», «Козий холм», на котором его отец сложил свою голову. Холмы России кажутся поэту «постами сторожевыми».

Это — вехи истории, судьба родного племени, сородичей, что «цепями в глубь Сибири путь торили», вечность, в которой «от жестоких орд Батыя сколько пало бездыханно»... Во всем этом зримо проглядывается, что метафора *холм* приближается к философской содержательности символа, образности мифа. В этом образе вызревает облик героя чувашского эпоса Улыпа, «что присел переобуться», образ отца, что «на Мамаевом кургане ... заснул последним сном ... и чуваш лежит, принявший землю-матушку на грудь».

Чувства Ю. Айдаша кипят, по этой причине, «сгорая страстью Менелая» (образ в греческой мифологии), лирический герой живет дыханием «рыцаря Дон Кихота». Так возникает и крепнет неразделимое единство поэта с национальной и общечеловеческой культурой, формируется слияние прошлого с настоящим, холодного с теплым, обыденного с трагическим.

А между тем просторы родной земли, простирающиеся от холма до холма, все шире и шире:

День за днем длинней дорога.
За холмом, за перевалом
Мир все шире и огромней
Раскрывался предо мной.
И, когда холмы другие

Я. Ухсай
и Ю. Айдаш.
1981 г.

В. Давыдов-Анатри,
Р. Сарби, Г. Ефимов,
П. Афанасьев,
Ю. Айдаш,
Ю. Семендер.
г. Москва. 1980 г.

Взглядом вымерял усталым,
Русь великая предстала
Необъятностью земной.

(Перевод П. Голосова)

Это, фактически, программные строки, поэтическое кредо, начинающее великую сопричастность поэта-человека с родными просторами, его вскормившими.

Отмечая цельность поэтической натуры своего коллеги, А. Воробьев замечал, что весьма плодотворным в творчестве Ю. Айдаша является метод совмещения прозы с поэзией: «...Такой метод литературного творчества очень полезен: поэт, знакомый с работой в прозе, факты и события общественной жизни понимает, рассматривая их как бы изнутри, как бы расчлняя их; а прозаик, знакомый с работой в поэзии, чрезвычайно бережливо относится к сло-

весному материалу и стремится к емкой, образной фразе». И добавим — к эпической их полноте.

Замечание справедливое: взаимодействие прозы и поэзии в пределах деятельности одной творческой индивидуальности учит умению взвешивать каждую образную деталь, ценить ее органическую вписанность в художественные толщи создаваемых полотен.

В разговоре с автором настоящих строк совершенно обоснованно поэт сетовал на то, что критики порой слишком настойчиво требуют, чтобы стихотворец высказывался соответственно их требованиям и претензиям. Между тем каждый автор исходит из того начала, которое продиктовано ему творческими замыслами.

В стихах Ю. Айдаша эта ответственность чрезвычайно высока: «Колдовская сила слова окружила волшебством, Вертит мной, как хочет, снова Дразнит радостным родством» («Деревенское детство»). Во всем этом соперничество жизни и смерти — выдержит ли человек в схватке света и тьмы, не спасует ли перед надвинувшимися на него трудностями?

А что крестьянская душа?
Она сейчас, конечно, в поле.
Деды скирдуют. Хороша
Работа на гульбе, на воле!..
Вот заколачивают гроб
Из струганных дубовых досок:
Глаза закрыты. Чистый лоб.
А по лицу — совсем подросток.
...Опять к соседке помогать
Спешит старуха-повитуха.

(Поэма «Ночная встреча». Перевод В. Широкова)

Поиски, как правило, содержательны и оригинальны, насквозь пронизаны осознанием великой динамики жизни.

В творчестве поэта током бьется «любовь людей, их горечь, Сомненье, вдохновенье, И бесконечный грех, и святость, И тяга к небу в треволенье — Свободно это все и дружно». («Встреча». Подстрочный перевод.) В этих строках проглядывается способность поэта ухватить ценность человека, святость его имени и жизненного его предназначения.

В первой книге стихов молодого стихотворца («Встреча». 1972) зримо просматривается бережное обращение с образными деталями, смысловое содержание которых методично расширяется осмыслением единства стихов как цельного художественного цикла. Такое мировидение в чем-то определяется тем, что Ю. Айдаш

Писатели
Ю. Айдаш,
Хв. Уяр,
Хв. Агивер.
1984 г.

пристрастно относится к поэтическому творчеству Я. Смелякова, так же склонного создавать объемные и содержательно напряженные циклы.

Тяготение к циклизации помимо всего прочего вызвано, пожалуй, тем, что до поэтического сборника, еще в 60-е гг. XX в., у Ю. Айдаша появились в печати две повести: «При свете дня» и «Роза с шипами». Это как раз то, о чем говорил А. Воробьев: «Молодой поэт стремится даже в стихах к лиро-эпической полноте образов, как бы к поэмному мышлению».

Сами циклы основываются у поэта на стержневых образах: «Стою и слушаю затаенно сердце, Оно словно мак, промытый росой и колеблемый тихим ветерком, пропускает через себя Дыханье жизни, пытаюсь найти живительную влагу правды». (Перевод подстрочный.) Неспроста цикл этот называется «Я слушаю сердце».

Сердце ищет *Правду* жизни, что равнозначно поиску *Огня истины*. Безусловно, на этом пути не все равно и радужно, но сила, накопленная душой в течение веков, питается животворными соками народной духовности. И даже

сгорая, она оживает и воскресает, словно феникс. В этом поэту помогают глубинные образы *Души, Сердца, Огня истины, Правды жизни*. Поэтому лирический герой обращается к самому себе с заклинаниями, надеется, что *Сердце* его не подведет. В биении своего сердца стихотворец слышит раздумья древних предков, неутомимый ритм поступи времени, интонацию смены поколений и исторических эпох.

Также насыщен глубинным восприятием цикл «Горький мед». Цементирующим ядром здесь выступает *Любовь*, которая приносит не только радость, но и страдания. *Истина* — фактор познания не только вечности, но и *Любви*, потому что и то, и это соткано из нитей человеческой души.

Когда смеется суженая, для молодого человека светлеет весь мир, но порой их взаимоотношения приводят к утере надежды. И тогда непросто восстановить прерванную связь сердец. Словом, циклы, помещенные в этом сборнике, свидетельствуют о желании лирического героя найти и сохранить негасимый *Жар души*, обрести *Огонь духовности, Огонь истины* через обращение к вечным проблемам судьбы, истории общества, культуры народа.

Логическим завершением книги является поэма «Ночная встреча», где герой беседует с отцом, который вернулся с войны:

Я помню твой последний бой
И писем ласковые строки...
И вот ты сам передо мной,
Такой родной, такой далекий...
«Сынок, я — тень твоя, отец твой...»
«Отец! Неужто?» — «Вправду, я.
Смотри, мы словно отраженья:
Рука приподнялась твоя —
Я тоже повторил движенье».

(«Ночная встреча». Перевод В. Широкова)

Это ли не доказательство того, что для героя не просто необходимо обыкновенное обращение к абстрактным образам вечности и истории, нет, ему нужно общение с сокровенно родным, кровно близким, дорогим предком. Следовательно, *Встреча* — это восприятие далекой старины, встреча со своим *Сердцем*, с *Истиной*, с родным предком, с *Любовью*, это осознание дыхания своей души.

Такая концентрированность образов, их уплотненная и диффузная взаимоперекличка вживую говорят о лиро-эпике особого порядка. Или, проще говоря, о поэме, состоящей из отдельных стихотворений. Жанр этот, если можно будет так выразиться, апробирован в опытах А. Блока, В. Брюсова, Я. Смелякова и других рус-

ских авторов. Ю. Айдаш не является законодателем традиций такого жанра в чувашской поэзии. Читатели знают поэму из отдельных стихов П. Хузангая («Песни Тилли»), В. Митты («Таэр») и т. д.

Отмечена печатью особого образного осмысления и вторая книга Ю. Айдаша — «Лики» (1976). Здесь налицо цикличность другого порядка. Соответственно названию сборника поэт представляет читателю лики-портреты конкретных персонажей, наших современников.

Безусловно, нынешние молодые люди — это те, кто недавно скакал на лошадях, а затем они оседлали стальных коней. Поэтому и название первого цикла сродни настроению этих парней — «В бурлящем море». Адекватно название другого цикла — «Корни». И тут воплощены образы конкретных людей, каждый из них имеет свой неповторимый облик.

Словом, это живые лица, а не «пергамент истории». Все сказанное свидетельствует о том, что поэт чувствует себя в настоящем горниле жизни, в самом пекле истории и современности. От бьющегося *Сердца* поэт движется к *Жару души*, к *Огню истины*, с этой платформы различает конкретные лица современников, размышляет о своих корнях.

Мысль поэта целенаправленно движется к обретению эпической полноты. Правда, случается, что порой персонаж попадает в сети патетических деклараций. Говоря о ранимом сердце, он ограничивается набором таких оборотов, как «падаю», «встаю», «мокну», «воскресаю», «сгораю» и т. д.

Названия книг и циклов все же прочерчивают сквозную метафорическую линию творческих поисков Ю. Айдаша: «Слушаю сердце», «В бурлящем море», «Корни», «Круг жизни», «Встреча», «Лики», «Утреннее» и т. д.

Интересен венок сонетов «Круг жизни», в котором Ю. Айдаш снова возвращается к философским *Истинам*, ярким деятелям воплощенной художественной и реальной действительности (к Гулливеру, Цезарю и Бруту):

У каждого жизнь все-таки одна.
Одна звезда вселенского салюта.
Неповторима малая минута
Судьбы быстротекущего звена.
И все-таки зачем она дана?
Неужто для корыстного уюта,
Когда не помнишь, что довольство — пути,
Что радости животной грош цена.

(Перевод В. Широкова)

На XII съезде
чуваших писателей. 1980 г.

Разбираясь в своих внутренних позывах, лирический персонаж обстоятельно взвешивает такие расхожие, казалось, понятия, как тщеславие, самолюбие, поклонение чему-то сиюминутному. И находит верный философский индекс жизненного пути:

Не покидай меня, надежды лучик!
Отчизны солнце одолеет тучи,
Растопит злых наветов черный снег.
Когда свести придется с жизнью счеты,
То на вопрос неумолимый : «Кто ты?»
Дай сил ответить гордо: «Человек».

(«Ночная встреча»)

Холод воспоминаний, жар сердца, ответственность воли роднит персонажа со всем человечеством, с его нравственными законами, т. е. в книгах поэта мы видим его *Встречу* с живой жизнью, с бурлящими волнами судьбы. В ходе и в результате такой встречи человек крепнет духом, набирается оптимизма перед трагизмом эпох.

Но познанию законов жизни нет и не может быть конца. Новые и новые заботы души накатываются на *Сердце* человека, как волны о холм, о скалы, *холодом воспоминаний*, незабвенной *звездой детства*:

Оттенок — в красках мрачного величия
Молчит скала. Надменности полна...
Я тоже всякий раз,
На вас взглянув, себя припоминаю,
И у меня потоки слез из глаз...
И я себя, как о скалу, ломаю.

(«Волны»)

В «Круге жизни» гражданственная ответственность лирического героя, а вместе с ним и самого поэта чрезвычайно высока, она очень органично и цельно сопряжена с мотивами других стихотворений.

Прослеженные до сих пор нити творческих поисков Ю. Айдаша говорят о наличии в его деятельности определенной, строго выверенной логики художественного воплощения образной идеи. Нет, эта логика не векторная, не линейная, а ассоциативная. Один метафорический образ вызывает необходимость другого, один «бродячий» образ и «бродячий» сюжет (Дон Кихот, Менелай, «Буря мглою...», путешественник Вальтер Скотт, войны, стальная птица и т. д.) «подает руку другому». И, конечно, важны не только культурно-литературные цитаты и реминисценции, взятые из сокровищницы мировой культуры.

В сборник «Утреннее», удостоенный премии Комсомола Чувашии им. М. Сеспеля (1980), например, включена поэма «Дом». Его строит пожилой сельчанин Маркки. «Четыре года воевал Маркки. За мир, за утро с песней соловьиной, За труд, за счастье дружеской руки, Сквозь смерть и кровь дошел он до Берлина».

Герой, казалось, свое уже прожил. Нет, он не теряет чувства ответственности перед будущими поколениями.

Особой удачей Ю. Айдаша стал роман в стихах «Атнер», написанный онегинской строфой и удостоенный Государственной премии Чувашской Республики им. К.В. Иванова (1991). Ведущий герой произведения поэт Атнер, который стал средоточием трагической судьбы, вызванной XX веком. Роман вобрал в себя расстановку четырех основных героев «Евгения Онегина» и трех героев поэмы «Нарспи». Эти сюжеты дали поэту возможность разобраться в негативно-рассудочных устремлениях Сандора, в мягкости души Атнера, в кратоте порывов Илемби.

Но и тут такая расстановка героев — это не столкновение частных лиц, а обустройство извечной трагической ситуации, пронизывающее такие «бродячие» сюжеты: гибнут и Нарспи, и Илемби, социально-психологические качества Сандора определили природу черствого его характера, вовлекли в оборот трагических событий незатейливую по натуре Илемби.

Перу Ю. Айдаша принадлежат переводы поэзии А. Пушкина («Скупой рыцарь»), С. Есенина (поэма «Анна Снегина»), белорусских, азербайджанских, татарских, башкирских, венгерских, польских, шведских поэтов. Разумеется, нет на пути такого ответственного человека (Атнера, героя поэмы «Ночная встреча», многих стихотворений, Маркки и др.) розовых бликов, легкого успеха. Ибо «Звезды

плаваются в небе, звезды далеко, высоко. Звезды нас и ласкают, Но звезды и ранят нас». (Подстрочный перевод.)

Ю. Айдаш родился 22 июня 1938 г. в д. Сявалкасы Вурнарского района Чувашской АССР. Отец, участник Великой Отечественной войны, в 1943 г. пропал без вести, и на долю будущего поэта пришлось трудное, холодное и голодное детство, что отразилось в поэме «Ночная встреча», во многих стихотворениях. Первые стихотворные опыты относятся к периоду учебы в Тузи-Муратской семилетней школе. Эти опыты прекратились с началом учебы в средней школе, ибо она находилась в далекой деревне, времени на литературные занятия не оставалось.

В 1957 г. Ю. Айдаш поступил на историко-филологический факультет Казанского государственного университета им. В.И. Ульянова-Ленина, по окончании которого три года работал учителем в с. Матаки Буинского (ныне Дрожжановского) района Татарской АССР. С 1965 г. — Ю. Айдаш в Чебоксарах, где в течение 40 лет трудился на редакторских должностях в Комитете по телевидению и радиовещанию, в Чувашском книжном издательстве, в редакциях журналов «Таван Атӑл», «Хатӑр пул», был литературным консультантом Союза писателей Чувашии.

Стихи Ю. Айдаша получили широкое признание в республике и за ее пределами, они переведены на языки стран СНГ и мира; в переводе на русский язык они вышли в Москве («Круг жизни». 1977) и в Чебоксарах («Холмы России». 1981).

В течение всей своей поэтической деятельности поэт живет и дышит чувством ответственности перед временем и историей.

Я часто слышу — человек...
Но это слово многозначно:
То, как вода в ручье, прозрачно,
То грязно, точно старый снег.

Мир двояк и противоречив донельзя:

...Войны стальная птица
Исполнена зловещих сил.
Вдруг неожиданно садится
На печень Прометея, — вмиг
Души поэта боль коснется
И, как набат, зовет язык:
«Пусть человечество проснется».
(«Круг жизни». Перевод В. Широкова)

Г.И. Федоров

Александр
Егорович
Алга
1913—1977

*Н*ародный поэт Чувашии (1970),
прозаик, переводчик, публицист,
автор книг «Односельчане»,
«Жизнь и смерть», «Меч и серп»,
«Дорога в пламени» и др.

ПОЭТ-ВОИН

Одной из ярких личностей в чувашской литературе XX в. является Александр Алга. Он еще в молодые годы проявил себя как зрелый поэт, создав легенду «Шывармань» (Водяная мельница). Произведения поэта вошли в золотой фонд национального словесного искусства.

Трудным и тернистым оказался жизненный путь стихотворца. Родился Александр Бачков (впоследствии взял псевдоним Алга) 27 ноября 1913 г. в бедной крестьянской семье, в раннем возрасте остался сиротой. С 1922 г., когда в Поволжье свирепствовал небывалый голод, воспитывался в детском доме Казани. Затем окончил школу колхозной молодежи и поступил в Казанский чувашский педагогический техникум. Юноша всегда гордился тем, что его малой родиной является д. Кошки-Новотимбаево Буинского уезда (ныне Тетюшский район Республики Татарстан), откуда вышли такие известные люди, как просветитель народов Поволжья И. Яковлев и основатель чувашского театра И. Максимов-Кошкинский. Встреча в техникуме с живым классиком чувашской литературы Н. Шелеби, баснописцем Н. Евдокимовым, общение с поэтом П. Хузангаем, анализ поэтических строк совместно с критиком Д. Даниловым, участие в издании чувашского литературного альманаха «Утӑм» (Шаг) определили, что парень из д. Кошки-Новотимбаево А. Бачков непременно станет литератором. Так оно со временем и вышло. «С той поры, — писал поэт в автобиографии, — не было в моей жизни ни одного месяца, чтобы я не сочинял стихи».

После педтехникума он учительствует в Исаковской и Именевской школах Красноармейского района Чувашии. Здесь выходец из низовых чувашей пытливо вслушивается в особенности верхового языкового диалекта. Молодой поэт приходит к выводу, что богатство и гибкость литературного языка должны создаваться на основе разумного использования всех говоров.

В 1938 г. А. Алга окончил Чувашский государственный педагогический институт им. И.Я. Яковлева. Как и во всей стране, беспокойно было в те времена и в этой высшей школе. По доносам были необоснованно репрессированы многие опытные, преданные делу профессора и преподаватели. Бывали случаи гонения и на студентов. Автор книги «Чебоксары и чебоксарцы» А. Терентьев, который

Поэты
А. Алга
и А. Калган.
1930-е гг.

учился в институте в те годы, рассказывал, что отчетно-выборная комсомольская конференция вуза, шумно обсуждавшая дела организации в течение нескольких дней, чуть не исключила из своих рядов комсомольца А. Алгу только по той причине, что тот одевался как П. Хузангай, которого в то время обвиняли в национализме.

Не желая «дрознить гусей», А. Алга, будучи уже автором многих стихотворений и известной легенды «Водяная мельница», сборников «Солнечное утро» и «Стихи», по получении диплома о высшем образовании в столице не задерживается, уезжает в Ядринский район и устраивается там преподавателем педагогического училища. Этому он, с одной стороны, был рад, ибо в глубинке было спокойнее, нежели в столице. Уехал же М. Нямань к себе на родину и директорствует в семилетней школе, подался Л. Агаков в далекую Башкирию и возглавляет Бижбулякский чувашский колхозный театр,

исчез из города объявленный прихвостнем националистов молодой драматург П. Емельянов и трудится себе в краях арзамасских на учительском поприще, не чувствуя за собой особого надзора... Находишь кто-нибудь из них в то беспокойное время в Чебоксарах — не избежать бы ему застенков ГУЛАГа. Так молодой поэт стал учителем. Жил бы и работал дальше, но вскоре он получил повестку о призыве в Красную Армию. Было это в 1939 г., когда ему исполнилось двадцать пять лет. Служил воин-учитель на западной границе, надёжно освоив солдатское ремесло. А ветры западные то и дело доносили запах пожарищ мировой войны.

«22 июня 1941 г. мы стояли в летних лагерях возле города Рава Русская Львовской области, — вспоминал потом А. Алга. — На выходной день офицеры части поехали к себе домой. Командир нашего взвода лейтенант А. Набойшиков вместо себя оставил меня, своего заместителя. Утром нас разбудил шум самолетов, летящих со стороны границы. Я вышел из палатки. Через лес пролетали самолеты с крестами на крыльях. Посмотрел — четыре часа. И, как старший во взводе, скомандовал: «В ружье!» Через 2—3 минуты личный состав уже стоял в строю. Тем временем, прибежали наши офицеры. Так началась война. На восьмой день я был тяжело ранен в голову и руку. После госпиталя был направлен в Московское военно-инженерное училище и в часть вернулся офицером».

Саперам приходилось минировать и разминировать заданные участки и объекты, отправлять эшелоны под откос, ликвидировать мосты, а во время форсирования водных преград — срочно возводить фортификационные сооружения... Работали под свистом пуль, во время бомбежки под крики вечно торопящего начальства. Находиться всю войну в таких условиях — равносильно крошечному аду. Но, слава Богу, наши воины выдержали эти нечеловеческие испытания и лишения. Наперекор всему! По этому поводу Александр Егорович однажды выразился так: «Четыре года. Четыре тяжелейших ранения. Четыре ордена. И четыре поэмы в вещмешке». А каким командиром был наш земляк, мы узнаем из фронтовой характеристики, составленной 22 декабря 1944 г., где сказано: «Старший лейтенант А. Алга — боевой, способный, растущий офицер. Инициативен. Общее развитие хорошее. Инженерно-саперное дело знает досконально. Знания свои умело передает подчиненным. В работе самостоятелен. В боевой обстановке смел и решителен. Составом роты успешно обеспечивает выполнение поставленных боевых задач. Пользуется авторитетом среди личного состава. Дисциплинирован».

Молодой офицер
А. Алга.
г. Львов. 1940 г.

За проявленные мужество и отвагу А. Алга был награжден орденами Красного Знамени, Отечественной войны 2-й степени (дважды), Красной Звезды, многими медалями. День Победы отважный воин встретил в самом логове фашизма.

— Как восприняли радостную весть? — спросил я у него накануне тридцатилетия Победы, когда готовил материал для журнала «Ялав».

— В тот день, хоть война и закончилась, было не до радости. Освободили узников концлагерей и на нас, саперов, была возложена задача — организовать их временное содержание и отправку домой в свои страны. А их — тысячи и тысячи... Голодные, обессиленные, больные... Вот и взялись мы за новое дело.

В 1949 г. в Чебоксары пришло письмо из Польши. В нем была статья польского писателя Мечислава Френкеля под названием «Чувашский хлеб». «...В 1944 г., — пишет автор, — после продолжительных ожесточенных боев наконец-то в городе установилась тишина. Как родных встретили поляки советских воинов: с музыкой, цветами, красными знаменами. На улицах приступили к работе группы миноискателей. И вот передо мною их офицер. У

Поэты-фронтовики
Я. Ухсай
и А. Алга.
1945 г.

гвардейца вся грудь в орденах. В разговоре он удивил меня своей культурой и широким кругозором. Идет ли речь о русской классической литературе или о различных течениях философских учений, коснемся ли творчества нашего великого Мицкевича, — во всех этих вопросах мой собеседник разбирается очень тонко, вплоть до малейших нюансов. Какая образованность! — удивлялся я.

Через несколько дней коренастый и светлолицый советский офицер опять появился у нас. Мы, уже позабывшие вкус хлеба, были потрясены, когда наш освободитель предложил нам хлеба. И целых десять буханок! Голодный, униженный и оскорбленный немецкими захватчиками, принимая угощение, я думал, что это его благородство для меня выше Нобелевской премии.

Впоследствии стало известно, что нашим спасителем оказался офицер инженерных войск советской армии, учитель по профессии и прекрасный поэт по призванию, чуваш по национальности и человек с большой буквы Александр Алга».

Дальнейшая жизнь солдата после демобилизации была связана с родной литературой. С января 1946 г. начинает выходить журнал «Ялав» (Знамя) — литературно-художественный и общественно-политический орган Союза писателей Чувашии. На ответственном посту главного редактора — Александр Алга. В непростой период становления приходилось ему трудиться, что называется, на полную катушку, но поэт, соблюдая высокую самодисциплину, находил время и для личного творчества. Так появились новые стихи, по-

эмы, песни, рассказы о людях войны и тружениках тыла. Они вошли в книги «Четыре года», «Дорога в пламени», «Стихи и поэмы» и др., в которых воспеваются мужество и стойкость защитников Отечества.

Образ волевого, смелого, честного и правдивого человека, готового идти на многие лишения ради отстаивания чести и независимости Родины, предстает перед нами в книгах А. Алги. Таковы персонажи его поэм «Дорога сквозь пламя», «Знамя полка», «Их было двадцать восемь», «На Оudere», сборника рассказов «Рядом с другом». Такова Эвелина Мезенцева из повести «На чужбине», где русская девушка, вывезенная на рабский труд, в дневниковой форме выражает свою беззаветную любовь к Родине, ненависть к фашистам. Таковы отец, двое сыновей, дочь из семьи Гурьяновых в задуманном как тетралогия, но не завершенном романе «Меч и серп».

С именем поэта связано становление чувашской оперы. В соавторстве с композитором Ф. Васильевым на основе своей легенды он написал либретто первой национальной оперы «Шывармань» (Водяная мельница). В музыкальном спектакле повествуется о любви бедной девушки Сарби к сельскому пастуху, о чистом чувстве, растоптанном мельником Тумбаем, который утопил в пруду непокорившуюся ему девушку под предлогом соблюдения языческого поверья:

Коль девственницу бросить в пруд,
Тогда в ненастный час
Плотину воды не прорвут...

(Перевод А. Казакова)

С постановки этой оперы и начал свой творческий путь Чувашский государственный театр оперы и балета. Поэма А. Алги «Хамър ялсем» (Земляки), посвященная послевоенному переустройству села, легла в основу следующей оперы того же композитора. Драма в стихах «Когда любишь» в музыкальном оформлении композитора Г. Лебедева, поставленная на сцене Чувашского государственного академического драматического театра им. К.В. Иванова, пользовалась у зрителей успехом. Если рассматривать эти крупные сценические произведения в совокупности с популярными в народе песнями «Год за годом», «Чебоксарские липы», «В лесу кукушка», «Мне б тебя увидеть» и многими другими, то можно сделать вывод, что А. Алга является одним из самых музыкальных поэтов Чувашии.

Недужинный талант мастера слова ярко проявился и в прозе. Выше было отмечено, что его перу принадлежат сборники расска-

зов и повестей «Рядом с другом», «Юноши и девушки», «Жизнь и смерть», «Вязы да березы», роман в двух томах «Меч и серп» и др., в которых многопланово изображены созидательный труд, воинская доблесть, учеба, дружба и любовь советских людей.

Оригинально выстроенные сюжет и композиция, мастерски использованные выразительные средства помогают писателю зримо, правдиво показать народную жизнь.

В поэзии А. Алга является одним из первых, кто в своем творчестве с глубоким знанием применил классические реформы. Например, в стихотворении «Бесчеловечность и коварство», изобличающем кровавые бесчинства фашистов, автор в первых же строках ошеломляет читателя музыкой военного нашествия, сменившей рассветную тишину пограничных поселений. Все слова, подобранные с преобладанием звука «у», обеспечивают зримость и явственную слышимость ужасов начала войны: беспрестанно стреляют пушки, не утихает гул моторов в утреннем небе, взрываются снаряды и бомбы, вся округа объята пламенем и дымом... А размеренный четырехстопный анапест в стихотворении «У бранденбургских ворот» нас вводит в парадную приподнятость весны сорок пятого года.

К слову, вот как оценивает язык поэмы «Земляки» В. Митта: «Словно природный инструмент, звучащий без притрагивания человеческих рук, свободен и раскрепощен стих «Земляки». Это и есть высшая степень совершенства».

Перевод произведений художественной литературы, выдержавших испытание временем, тоже является важным и ответственным видом писательского творчества. А. Алга и здесь показал себя неутомимым тружеником. Трагедию «Гамлет» У. Шекспира, поэмы «Граф Нулин» А. Пушкина, «Гайдамаки» Т. Шевченко, «Дума про Опанаса» Э. Багрицкого, роман Ю. Збанацкого «Сеспель», стихи М. Лермонтова, Н. Некрасова, М. Джалиля, С. Есенина, П. Тычины, Н. Тихонова и мн. др. мы читаем на чувашском языке в его переводе. Немалый вклад внес А. Алга и в развитие чувашского литературоведения. Творчеству реформатора нашей поэзии М. Сеспеля, народных поэтов Чувашии Н. Шелеби, С. Эльгера, П. Хузангая, мастеров лирики И. Ивника и И. Тукташа он посвятил глубокие статьи. Всесторонним анализом творчества В. Митты отличается его предисловие к посмертной книге вышеназванного поэта «Думы и мечты» (1959).

А скольким молодым литераторам он подал руку помощи! С благодарностью писали о нем Г. Орлов, А. Лукин, А. Юман, Ю. Айдаш и другие его современники. Автор сих строк гордится тем, что среди тех, кто дал рекомендацию при вступлении в Союз писателей

Писатели

М. Ильбек,
А. Талвир,
П. Хузангай,
С. Шавлы,
В. Алагер, В. Ухли,
А. Алга.
1970-е гг.

СССР, был добрый и мудрый наставник А. Алга, народный поэт Чувашии.

Поэт и на фронте, и в годы мирной жизни был, как говорится, с народом и в народе. Редактор журнала «Ялав», консультант по вопросам литературы, ответственный секретарь, председатель правления Союза писателей республики — вот занимаемые им должности. Он был депутатом Верховного Совета ЧАССР, секретарем правления Союза писателей РСФСР, много ездил по республике и стране в составе различных комиссий и делегаций. За заслуги в литературной и общественной деятельности награжден орденами «Знак Почета» (1963), Трудового Красного Знамени (1973). В 1970 г. ему было присвоено звание «Народный поэт Чувашской АССР».

К сожалению, в идеологической работе правящей тогда коммунистической партии бывали досадные ошибки и перегибы. Это отчетливо видно из данного примера. В газете «Советская

Чувашия» от 17 марта 1947 г. опубликована информация Н. Данилова следующего содержания: «Недавно состоялось заседание правления Союза советских писателей Чувашии, на котором был обсужден доклад ответственного редактора литературно-художественного журнала «Ялав» тов. А. Алги о выполнении решения Областного комитета ВКП(б) о журнале. К сожалению, на заседании осталась незамеченной недопустимая политическая близорукость членов редколлегии журнала, выразившаяся в том, что в журнале «Ялав» не было опубликовано ни одно из постановлений ЦК ВКП(б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград», «О кинофильме «Большая жизнь», «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению», не был опубликован и доклад товарища Жданова о ленинградских журналах.

Это тем более недопустимо сейчас, когда деятельность ряда чувашских литераторов нуждается в серьезном улучшении. На том же заседании, например, справедливо указывалось на антипедагогический характер рассказа В. Андреевой «Кукла Парусси», напечатанного в №7—8 журнала «Ялав». В этом рассказе автор пытается показать никому не нужные переживания куклы, которую якобы оскорбила ее обладательница девочка Маша. Она, получив от отца новую игрушку, забросила Парусси за печку. Тогда опечаленная невниманием своей хозяйки кукла идет на услужение к мыши и нянчит у нее дочку. Как видно, рассказ явно вреден своей безыдейностью. Вместо воспитания в детях чувства крепкой взаимной дружбы он в лучшем случае прививает им чувство безразличия».

Иногда даже не верится, что вопросы литературы и искусства решались на таком примитивном уровне.

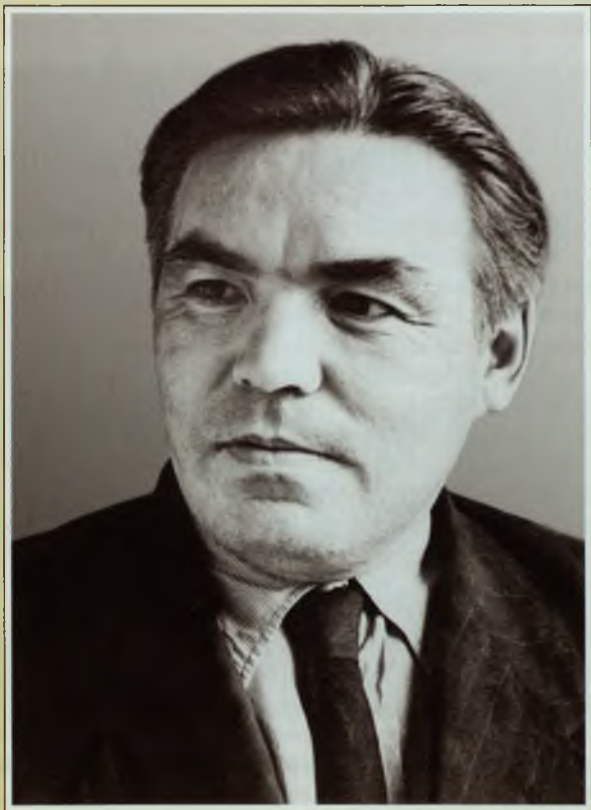
...1977 год. Май. Большая группа чувашских писателей была награждена медалью «Ветеран труда». На собрании, где вручались награды, Александра Егоровича не было: он лежал в онкологической больнице. Вручение медали возложили на меня и на П. Львова, как на членов правления.

Поэт встретил нас в синей больничной одежде. Из-за болезни ему разговаривать было трудно. Сообщаем новости литературной жизни: в Союзе состоялось чествование А. Лазаревой в связи с юбилеем, в Кувшинке идет совещание молодых прозаиков, вышел новый номер журнала «Ялав»... Все это радует ветерана литературы. В такой обстановке мы вручили ему правительственную награду. Потом Александр Егорович вышел из палаты провожать нас. Мы обернулись. Поэт стоял и махал рукой. Синие глаза выражали печаль...

В середине июня того же года мы в составе большой группы писателей и артистов выехали в Киев для проведения Дней чувашской литературы в Украине. Обширная программа встреч предусматривала выступления в Киеве, Черниговской и Житомирской областях. С большим подъемом и вдохновением работали поэты В. Давыдов-Анатри, А. Галкин, А. Лукин во главе с председателем правления Н. Дедушкиным, удивляли своими песнями наши народные артисты Т. Чумакова и М. Денисов. Выступали также лучшие украинские поэты. Особый символический смысл видели в том, что 15 июня, в день смерти великого Сеспеля, посетили его могилу в г. Остер. В Доме культуры вскоре открылся вечер дружбы. На чувашском, украинском, русском языках звучали стихи и песни. И под конец вечера председатель Киевской городской организации писателей автор романа «Сеспель» Герой Советского Союза Ю. Збанацкий сообщил скорбную весть: оборвалась жизнь большого друга украинского народа, замечательного поэта, переводчика романа «Сеспель» на чувашский язык А. Алги... Минутным молчанием отдал дань памяти опечаленный зал выдающемуся поэту, отважному солдату, человеку с большим сердцем.

Ю.С. Семендер

**Василий
Степанович
Алендей
1919—1989**

*Народный писатель Чувашии
(1983), автор книг «Солдатское
сердце», «Пчелка золотая»,
«Стрижи летают над полем»,
«Красная рубашка»,
«Ветер клонит травы» и др.*

ЖИВАЯ ВОДА ИЗ РОДНИКА ЖИЗНЕЛЮБИЯ

Мастер средней эпической формы В. Алендей относится к плеяде писателей-фронтовиков, ярко и глубоко психологично разрабатывавших в чувашской литературе военно-патриотическую тему. Лучшие его произведения воспевают мужество и стойкость советского воина-победителя.

Литературный творческий путь В. Алендея начался во второй половине 40-х гг. XX в. К этому времени он уже имел достаточно богатый жизненный опыт — фронтовые испытания, тяжелое ранение, боевые награды за проявленные храбрость и мужество. И конечно же, творческие родники писателя подпитывали детские и юношеские впечатления, спокойная, размеренная деревенская жизнь, живой интерес к народным преданиям, легендам, сказкам.

В. Алендей родился 16 октября 1919 г. в д. Кудеснеры Цивильского уезда (ныне Урмарский район Чувашской Республики). Родители его были исконными земледельцами, поэтому любовь к земле и труду хлебороба, привитая в семье, сохранена писателем на всю жизнь. Опыт работы в редакции районной газеты, на педагогическом поприще, литературно-редакторская деятельность постепенно укрепляли в молодом человеке уверенность в своих способностях, послужили импульсом для пробы пера.

В. Алендей, как и многие известные литераторы, начал писать со стихов, выпустил даже несколько поэтических сборников. Например, в 1953 г. вышел сборник его стихов «Наш дом», адресованный школьникам. И все же свое призвание он нашел в лирической прозе. С первых же творческих опытов писателя легко обозначились две темы: война и жизнь современной деревни. Его романы «Пчелка золотая» (1968), «До земли склоняются травы» (1969) повествуют о самоотверженном труде сельских тружеников во время и после войны. Пронизанные лирикой повести и рассказы даже в самих названиях содержат поэтическое начало, нередко позаимствованное из фольклора или поэтического текста: «Хоть рябина и красна...», «Плывут облака», «У желоба высокого» и др.

Повесть «Хоть рябина и красна...» (1962) весьма характерна для творческих исканий молодого прозаика. В ней на первый план выдвинуты проблемы производства, тесно переплетенные с семейно-бытовыми и нравственными коллизиями. Писатель создал образ жен-

В рабочем кабинете.
1969 г.

щины с разрушенным личным счастьем. Уход мужа к другой не сломил почтальонку Тарись, этот случай подсказал ей необходимость самой решать жизненные проблемы, противопоставлять обстоятельствам стойкость характера, волю. Проблема нравственного выбора в дальнейшем неизменно будет иметь место в каждом последующем произведении. В повести внутренняя крепость, чистота души Тарись противопоставлены внешней привлекательности Венеры. Да, действительно, красна рябина, но горька. Повесть имеет счастливый конец, а причиной этому служат не только некоторые окостеневшие каноны чувашской прозы, но и тот решающий факт, что В. Алендей предложил своему читателю образ идеальной героини как пример для подражания. И это вполне объяснимо: жизненные позиции будущего писателя сформирова-

лись в комсомольских рядах. Свои главные задачи, став писателем, он связывал с воспитанием молодого поколения, а для этого в повседневной жизни нужны живые люди, близкие к идеалу. Вот почему герои большинства произведений В. Алендея, где бы мы с ними ни встречались, в условиях военного лихолетия или в коллехтиве мирных строителей, как правило, занимают позиции лидера, проявляют лучшие человеческие качества, готовы на самопожертвование.

В целом ряде повестей и рассказов В. Алендей изображает внутренние переживания солдата, идущего на смертный бой, читателю понятен и человеческий страх бойца («Переживания солдата», 1958; «Снова шумят ветлы», 1965; «Лаох», 1968 и др.). В этих же произведениях мы видим советского воина, бесстрашно идущего на подвиг, горящего желанием отомстить врагу.

В первые годы послевоенного мирного строительства фронтовые события стали ведущей темой в творчестве В. Алендея. То, что пережито и выстрадано лично, легло в основу целого ряда повестей и рассказов. Для самого автора фронтовые будни проходили в окопе, в повседневных кровавых схватках с фашистами, пока он не получил тяжелейшее ранение и не лишился ноги. В фокусе авторского внимания в основном рядовые и сержанты, то есть срез реальной жизни, которую рассказчик знает не понаслышке. Отсюда убедительность и реалистическая глубина воссозданных им характеров, ситуаций. В упомянутом рассказе «Переживания солдата» автор воспроизвел эпизод, где совсем юный солдат готовится к бою. Эти чувства Степанова были знакомы многим, здесь на каждом шагу подстерегала солдата смерть: только что был слышен голос связиста Боконя, и вот он сидит в окопе неподвижно — погиб незаметно. Внутренняя борьба со страхом, поведение закаленных солдат и командира, их уравновешенные, спокойные действия придают Степанову уверенности, он сражается храбро, получает боевую закалку. Следует заметить, что психологию героя автор раскрыл несколько неоднолинейно, страх на какой-то миг парализует волю бойца, он готов трусливо пойти в лазарет — лишь бы увильнуть от столкновения со страшным врагом. Палитре писателя не чужды и юмористические краски. Характер солдата им раскрыт глазами настоящего художника.

В рассказе «Альма» запечатлены несколько иные стороны фронтовой жизни. Ведь на войне не только стрелять приходится, жизнь многогранна и в окопе: это и моральная поддержка молодых солдат, ожидание вестей от родных и любимых, чтение писем, сопереживание

**В. Алендей
с механизаторами
колхоза
им. Мичурина
Урмарского района.
1985 г.**

о потерях, мечтание о будущих счастливых днях... Подлинный гуманизм советского воина пронзительно глубоко раскрыт в эпизоде, где солдаты, проявляя жалость к голодной лошади, скармливают так необходимое самим сено.

Военная тематика явилась фабульной основой многих рассказов и повестей («На границе», «В окружении», «Солдатское сердце», «Трое солдат», «Путь солдата» и др.).

В целом ряде рассказов и повестей дыхание войны слышится в воспоминаниях и памяти вернувшихся с поля брани фронтовиков. Они до последнего вздоха продолжают излечивать телесные и душевные раны, активно участвуют во всех известных и малоизвестных стройках большой советской страны послевоенного периода. Есть среди них такие герои, как Антон с искалеченной судьбой («Антон-бобыль») или Константин Кириллов, вернувшийся с фронта победителем. Душа последнего беспокойна, он едет

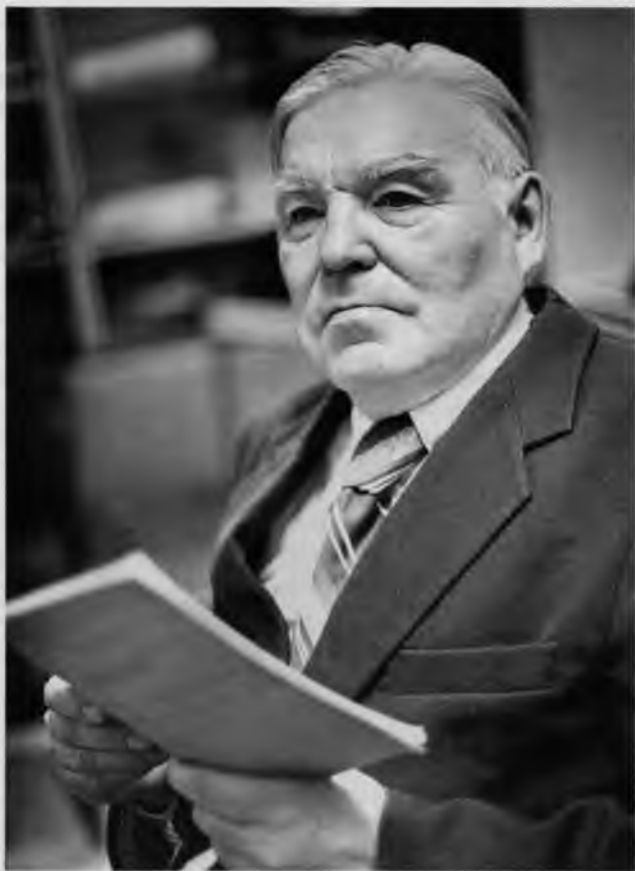
на стройку излечивать страшные раны войны, в то время в родной деревне некоторые считают его искателем легкой жизни («Приезжайте почаще»).

В творческой копилке В. Аллендея заметное место занимает роман «Пчелка золотая» (1964). Герой произведения простой колхозник Улатти, пройдя сквозь серьезные испытания, вновь найдя потерянный ориентир жизни, гибнет, спасая мальчика из-под колес идущего поезда.

Как и во многих других произведениях В. Аллендея, в романе отражена жизнь чувашского села послевоенной поры, но ее течение все еще продолжает испытывать на себе груз и тягостное влияние страшной войны. Автор крупным планом выделил характер центрального героя Улатти, замыслив показать его в развитии. Неимоверно тяжелая доля фронтовика, нечеловеческие испытания закалили его характер, но синдром войны продолжает давать о себе знать. Улатти, пройдя дорогу побед и невосполнимых потерь от Москвы до Берлина, вернулся в родное село с орденами и медалями в полную грудь. Солдат истосковался по земле, которая кормила и поила его предков, которую он теперь с любовью обрабатывает. Автор глубоким зрением высвечивает наболевшие явления в жизни села той поры: отсутствие настоящего хозяйского отношения к земле как среди простых тружеников, так и руководителей разного уровня, неумелое использование сельхозтехники, отсутствие внимания со стороны руководителей к сельской культуре и др. Сложившиеся жизненные обстоятельства, бытовые неурядицы, ранняя смерть жены приводят к тому, что его нравственные устои начинают давать сбой, солдат все чаще и чаще прикладывается к рюмке; ему кажется, что окружающие люди его недооценивают и он назойливо напоминает о том, как воевал бесстрашно с захватчиками, выплескивает затаенную обиду. К счастью, крепкая крестьянская жилка, чувство земли, любовь к природе, детям удержали Улатти от нравственного разложения. Он вовремя опомнился, обрел былую уверенность в своих силах, почувствовал двойную ответственность за будущее своих детей, оставшихся без матери. Герой с честью выдержал все испытания, выпавшие на его долю. Автор проверил его на прочность, ставя перед последним выбором. Улатти, настоящий жизнелюб, нацеленный на добрые дела, не мог поступить по-другому: ради спасения жизни мальчика он пожертвовал собой. Он и на фронте множество раз оказывался на краю гибели, силой воли побеждая страх смерти, спасал других.

Роман В. Аллендея «Пчелка золотая» занимает видное место в ряду значительных произведений на военную тематику.

**Писатель и
в преклонном
возрасте
продолжал
трудиться. 1988 г.**

Лучшие повести В. Алендея были изданы в сборнике под названием «Ветер клонит травы» в 1983 г. в издательстве «Современник» (г. Москва). Они близки тематическим единством. Это — жизнь чувашского села, повседневные заботы его жителей, их духовно-нравственные, социально-бытовые проблемы. Верный своей теме, писатель вновь и вновь возвращается к любимым героям, «испытывает» их в различных обстоятельствах, высвечивая внутренний мир их души, нравственную стойкость или пустоту, мещанский взгляд. Писатель не использует яркие, броские краски, его художественный мир прост и обычен, как сама жизнь. В повести «Запах хмеля» показана повседневная жизнь бригады хмелеводов, где в центре внимания

взаимоотношения юной влюбленной пары Феттис и Виталия. У девушки и юноши много общего: любовь к труду, высокое чувство долга, честность, принципиальность. Примером для них является отец Феттис. Умелый хмелевод Федор всю свою жизнь отдал любимому делу и оставил о себе добрую память.

Дело отца продолжает теперь дочь. Нелегко еще малоопытной девушке проявлять стойкость и волю в столкновении с такими людьми, как Пужанаров. Последний — человек аморальный и пустой, случайно оказавшийся во главе бригады хмелеводов, тормозит общее дело коллектива. И все-таки Феттис приходит к пониманию того, что с такими, как Пужанаров, нужно вести активную борьбу, выводить их на чистую воду. Бросается в глаза некоторая одноплановость образа Пужанарова, в нем чуть-чуть сгущены черные краски. То же нужно сказать и о другом образе — Олимпиаде, с некоторой ее заданностью, непроясненностью. Где и в какое время успела эта девушка растратить идеалы юности, откуда у нее безразличие к жизни, аморальные повадки?

Повесть «Ветер клонит травы» (1969) показывает несколько иной срез жизни, хотя тематически близка первой. В фабульном развитии произведения центральное место занимает жизнь одной благополучной, на первый взгляд, семьи. Казалось, ничто не может нарушить ровное и размеренное течение жизни Тихона Ивановича и его жены Вассы. Живут они в достатке: новый дом, современная мебель, нет недостатка в одежде и т.д., разве только недостает им долгожданного ребенка. Внутренняя коллизия разрешается распадом семьи, более того, в финале автор показывает нам переполненную счастьем Вассу, полноправной хозяйкой входящую в новый дом заведующего фермой Егора Кондратьевича.

В повести автор воссоздал целую галерею непростых характеров. Скажем, достаточно колоритно написан образ Павла Мустая. В нем сильна собственническая жилка человека, привыкшего жить только ради своего удовольствия. У него ни кола ни двора: подыскав себе теплое местечко (старший конюх), он потихоньку обеспечивает бабку Анисью краденым овсом, получая взамен самогонку. Послушным орудием Мустая становится слабый и безвольный Кирилл.

У каждого героя повести свой жизненный путь, иногда связанный с трудным выбором, а порой извилистый и скользкий. Автор в целом не упрощает поиски героями своего места в жизни.

К числу лучших творений В. Аллендея относится и повесть «Журавлиное озеро». В ней зрелый, достигший своего пика талант прозаика

Писатели
В. Давыдов-Анатри,
В. Долгов,
А. Калган, В. Ахун,
композитор
Ф. Лукин,
В. Алендей.
Дом творчества
«Сильби»
в Кувшинке.
1980-е гг.

проявился новыми гранями. Здесь, пожалуй, как ни в каком другом своем произведении автор затронул острые жизненные проблемы, предлагая читателю глубокий анализ внутренней жизни своих героев, их чувств, затаенных устремлений. На первом плане в повести высвеченные в душах героев чувство долга, настоящая чистая любовь, пусть запоздало проснувшейся, муки ревности, взаимоотношения человека и природы. Человеческие ценности, духовный багаж героев отражаются через отношение к природе. Автор понимает, что на наших глазах ушло в прошлое мичуринское представление об этих взаимоотношениях: человек не должен ждать милостей от природы, надо брать, дескать, выкачивать, рубить и т.д. Бесспорно, В. Алендею близка идея М. Хайдеггера: человек должен быть не господином

Природы, а заботливым пастухом. Именно такое отношение к окружающей природе свойственно бригадир Ивану Пантюхину. Красота природы ценна сама по себе, безотносительно к полезности, эстетическое бескорыстие — признак высоты духа. Главный герой этого произведения — председатель колхоза Антон Удейкин — хваткий, умелый и опытный хозяйственник. Но привычка ходить в передовиках, слава и почет приводят к тому, что он начинает жить только заботами сегодняшнего дня. В повести затронуты проблемы защиты окружающей среды. Если Удейкин делает ставку лишь на сиюминутную выгоду, ему важны проценты, то бригадир Иван Пантюхин видит перспективы, он озабочен тем, как спасти такую красоту, как Журавлиное озеро. Ведь оно нужно не только ныне живущим, но и будущим поколениям.

Стержневой конфликт накаляется и тем, что председатель колхоза, открыто противопоставивший себя остальным труженикам, не находит поддержки и взаимопонимания даже со стороны своей жены Ольги. Оказывается, ей более симпатичен бригадир Иван, у него щедрее, богаче душа. К тому же, в сердце молодой женщины до сих пор не угасли искорки чувств ранней девической любви к Ивану. Так в один тугой узел завязываются общественно-экономические, морально-бытовые и нравственно-психологические проблемы.

В. Алендей достоверно показывал трудовые будни земледельцев, изнутри прослеживал движение человеческих чувств. Но за судьбой отдельных героев не всегда ощущаешь полнокровного пульса жизни села.

Манера письма В. Алендея достаточно своеобразна. Повествователь тяготеет к интонации, синтаксису разговорного языка. То ли в этом сказывается влияние устного рассказа, издавна бытовавшего среди чувашей, то ли это проявление изначальной самобытности автора.

Творчество писателя неровно как с точки зрения художественного стиля, так и в отношении эстетического совершенства. Лучшие повести и рассказы его прочно завоевали читательские симпатии и любовь.

В. Алендей ушел из жизни в 1989 г. Несмотря на возраст, пребывал в неустанным творческом процессе, создавал образы героев, отстаивающих добро, светлые начала жизни.

Заслуги В. Алендея в развитии чувашской литературы отмечены орденом Дружбы народов, ему присвоено почетное звание «Народный писатель Чувашской АССР» (1983).

Александр
Спиридонович
Артемьев
1924—1998

*Н*ародный писатель Чувашии (1980),
выдающийся прозаик,
поэт, критик, автор книг
«Не гнись, орешник!»,
«Саламби», «Увядавшие юными»,
«Яблони в цвету»,
«Перед бурей» и др.

ВТОРЖЕНИЕ В ЖИЗНЬ

Благодатны места, окаймляющие деревню Тури-Выла Аликовского района! «Окрестность покрыта рощами, окружена полноводными озерами, изрезана оврагами. Посмотришь издали — волшебство какое: дома утопают в веселом бурлении ветел и берез, в кипении белопенных садов... Нельзя не быть замороженным этими картинами, нельзя не восторгаться этой животворной красотой!..»

Так описывал свой родной край, колыбель своих детских и юношеских лет, народный писатель Чувашии А. Артемьев.

Именно здесь 17 сентября 1924 г. в д. Тури-Выла Ядринского уезда (ныне Аликовский район Чувашской Республики) и появился на свет будущий классик чувашской литературы, талантливый автор многих романтико-психологических произведений. Судьба его примечательна и на удивление богата неожиданными событиями: с детства он пристрастился к произведениям А. Пушкина, Л. Толстого, И. Тургенева, М. Шолохова, Ф. Шиллера, Г. Гейне; еще будучи четвероклассником послал первые тетради стихов С. Эльгеру, известному мастеру слова. Причем адрес написал как чеховский Ванька Жуков — «Чебоксары, писателю С. Эльгеру».

В 1942 г. его призывают в армию, где он становится умелым связистом. Участвуя в жарких боях, он был тяжело ранен. Бедная старуха-мать получила черное известие: ее любимый сын пал смертью храбрых. Когда Александр по истечении достаточного времени неожиданно заявился домой, ошеломленная женщина не верила своим глазам...

Отец не раз рассказывал сыну о Порт-Артуре, о сражениях в войне с японцами, о далекой Маньчжурии. Будущий прозаик волею судьбы попадает в эти же края и новыми, яркими штрихами дополняет свои впечатления от рассказов отца. Так жизненные пути ведут А. Артемьева, будто бы по велению свыше, по таинственным закоулкам творческого мастерства.

Не удивительно ли в самом деле? Маньчжурские сцены и эпизоды, связанные с пустыней Гоби, с китайскими дорогами, их таинственная атмосфера оживляют со временем перипетии повестей «Саламби», «Последняя песня», рассказов «Бирюк», «Большая радость маленькой Лии», «Не гнись, орешник!» и некоторых других.

Фронтовик А. Артемьев —
заведующий
избой-читальней в родной
деревне. 1948 г.

Да и не мудрено — писатель прошел дорогами войны по территории Карпатских гор, Восточной Пруссии, Монголии и т.д. Это является одной из главных причин того, почему прозаик проникся любовью к людям инокультурных стран.

Огромную роль в формировании принципов художественного воплощения действительности сыграли, таким образом, личные впечатления. Это предопределило лирическую исповедальность сочинений, тягу к перволичному рассказу живого очевидца тех или иных событий. Так возникает феномен чуть ли не документального отображения жизни, подпитываемый непосредственной искренностью речи.

Большое значение для писателя имели фактор военных дорог, образный смысл далеких расстояний. Они никак не связаны с очерковым введением экзотических сцен, а пронизаны глубоко личностным, прочувствованным видением мира.

Первым произведением, определившим цельные творческие искания мастера, была новелла «Большая радость маленькой Лии» (1947).

Читатель безошибочно угадывает в первых же строках художника, способного создавать напряженные сюжетные завязки, умеющего тонко проникать во внутренний мир героя, с болью души рисующего череду состраданий маленькой девочке.

1948 г. отмечен публикацией новеллы «Не гнись, орешник!», достойно вошедшей в золотой фонд чувашской словесности. Герой ее, Петр Астров, в кризисных условиях фронтового быта постепенно становится опытным связистом, отважным воином. В этом ему помогают друзья — казах Курмангалиев, русский Ворончихин, украинец Гончаренко. Вместе с тем герой живет дыханием родной культуры. Развертываясь в продолжении всего текста, чувашская народная песня «Не гнись, орешник!» превращается в объемную метафору, подпитывает нравственные устремления четырех друзей, становится мощным символом противостояния с фашистами.

В том же году увидели свет новеллы «Дорога открыта» и «Незабываемые встречи». В первой из них рефреном проходит образ сапера Таганова. Этот герой имел обыкновение ставить на разминированной дороге табличку «Дорога открыта — Таганов». Эта фраза превращается в развернутую метафору.

Авторы лирико-романтической прозы во все времена обращались к образам деятелей культуры и искусства. Поэтому в порядке вещей следует воспринимать то, что один из центральных персонажей повести «Саламби» Анатолий Алмазов — композитор. К музыке причастен и Георгий Атнаров из «Большой Медведицы». Целая плеяда героев, проявивших себя на поприще духовной культуры, выведена в дилогии «Перед бурей» (1975). Это — музыкант П. Пазухин, композитор и драматург Ф. Павлов, классик чувашской поэзии К. Иванов, великий просветитель чувашского народа И.Я. Яковлев и др. Обращение к теме искусства, к его национальной специфике составляет, таким образом, наряду с другими сторонами, главнейшую особенность творчества писателя. Объяснение этому можно найти легко. Всякий раз, когда наступает пора поисков светлых идеалов, пора восстановления нравственных устоев общества, на творческую авансцену выходит романтический герой.

Сложная тема и непростая проблематика как само собой разумеющееся подразумевает показ светлой и чистой любви, сокровенных чувств молодых людей. Трудный поиск путей взаимопонимания героев показан на примере судеб Петра Астрова и Лизук («Не гнись, орешник!»), Тамары и Георгия («Большая Медведица»), Саламби и Алмазова («Саламби»), Нины и Валентина Актаева («Зеленое золо-

В годы работы
над повестью
«Не гнишь, орешник!».
1952 г.

то») и т. д. Как правило, любовь в этих произведениях приукрашена романтически, окроплена высокими помыслами несколько идеализированного человека.

В 1954 г. А. Артемьев опубликовал свою самую знаменитую повесть «Саламби» (книжный вариант вышел в 1956 г.), которая и критикой, и массовым читателем была воспринята единодушно положительно. В ней полно и объемно появились те же творческие принципы, о которых говорилось выше, но уже резче, и, пожалуй, полней и глубже.

Начинается повесть с прослушивания молодежи на посиделках «Песни любви» по радио. Песню эту часто пела красавица Саламби. Трогательные слова с задушевной мелодией записал у нее старый композитор, теперь они стали достоянием всех. Но это преамбула, фактически эту песню в повести исполняют герои — композитор Анатолий Алмазов и Саламби.

Повесть пропитана музыкальными реминисценциями и мотивами. Это необходимо писателю для показа внутреннего мира молодых людей. Коля, младший брат Валерия, погибшего в далеком краю, играет вальс «На сопках Маньчжурии». Эта мелодия пронизывает сердце Саламби, ибо Валерий был ее любимым. Этот вальс часто играет и Алмазов — близкий фронтовой друг Валерия, который равнодушен к Саламби. Так, целый ряд песен становится в повести метафорой, объединяет нескольких героев.

Пронзительно трогательным художественным приемом становится песня Ф. Павлова «Пчелка золотая», которую исполняет Саламби на новогоднем вечере. Это — песня-плач по любимому человеку. Элегичное настроение усиливается под впечатлением исполнения мелодии «На сопках Маньчжурии» Алмазовым. Примечателен конец повести: двое влюбленных чувствуют, что вся окружающая природа исполняет вместе с ними проникновенную песню любви.

Нельзя упустить из внимания и тот факт, что вся история любви развивается на фоне далеких и долгих дорог, по которым прошел Алмазов, на которых сложил свою голову Валерий. Мотив этот создает ситуацию испытания характеров персонажей на крепость и чистоту души. Вот почему путь Саламби и Алмазова оказался непростым, сопряженным с великим чувством ответственности друг перед другом.

Итог повести закономерен: «Кто умеет любить и надеяться, тот счастлив». Молодые люди нашли друг друга, но только через глубинное осознание ответственности перед памятью Валерия. Чувство это сформировалось в трудных, почти что в кризисных ситуациях; в их горниле герои выявляют самое сокровенное.

В своих произведениях А. Артемьев ярко воплотил светлые помыслы родного народа, чистоту души, ратные подвиги, неувядаемые славу и доблесть, завоеванные его сыновьями и дочерьми на фронтах, в творческом труде.

Судьба родной страны, родного народа — вот что одухотворяет и оживляет рассказы, повести и романы А. Артемьева. Это захватывает читателя, увлекает его лиризмом и искренностью.

Конечно, поиски и находки мастера слова далеко не исчерпываются сказанным выше. Определенный нравственно-психологический индекс жизни, философия судеб, смысл трудового и военного подвига земляков — вот что становилось предметом его художественного исследования.

Многие строки его повестей и рассказов стали крылатыми: «Сча-

стлив тот, кто умеет любить и надеяться» (повесть «Саламби»), «Дорога открыта — Таганов» (рассказ «Дорога открыта»), «Не гнишь, орешник!» (одноименный рассказ), «Смотри в пятый номер» (повесть «Саламби») и т. д. Это закономерно: целые поколения выросли на образах, созданных писателем. Читатели близко к сердцу принимали нужды и заботы его персонажей. Герой названной уже повести Саламби и ее возлюбленный Алмазов превратились, например, в символы развивающейся чувашской национальной культуры. Многим читателям его художественные находки близки и дороги: это образы бесплодной яблони, растущей в огороде; пара лыжных следов, пересекающих снежное поле, не соединяясь и т. д.

Творческие искания прозаика становились предметом внимания критиков. И. Кузнецов, к

А. Артемьев (справа во втором ряду) с чувашскими писателями. 1971 г.

слову, расценивает А. Артемьева как художника, создающего острые конфликты, показывающего образы борцов против социальных пороков, называет его ... мастером увлекательной интриги. Пожалуй, это не совсем верно.

Так, Георгий Атнаров из повести «Большая Медведица» (1960—1961) неожиданно встречает на вокзале Тамару, в которую когда-то был безответно влюблен. Случай становится основой для воспоминания-исповеди. Острого конфликта здесь вовсе нет, как и увлекающей детективной интриги.

Прав критик Г. Хлебников, который назвал А. Артемьева «поэтом в прозе». Повесть показательна доверительной лирико-психологической интонацией, она являет собой анализ тягот великой войны, нечеловеческих страданий героя в немецком плену через показ его внутреннего мира.

Война как средоточие неизмеримой катастрофы XX в. выбросила человека из своей обжитой ниши, подвергла его суровому испытанию. Конфликт, таким образом, здесь происходит между человеком и безжалостным мифом.

Герой повести «Зеленое золото» (1986) Валентин Актаев, проходит длинными дорогами войны, оказывается в фашистском плену, подвергается чистке и проверке в советских тюрьмах. Возвратившись на родную землю, он становится знатным хмелеводом. Имя его знакомо теперь в далекой Чехословакии. Герой удостоивается чести посетить эту страну.

Сегодняшний читатель, конечно, слабо верит в возможность такой поездки — человек, прошедший плен и советские лагеря, навряд ли мог оказаться в иной стране. Пожалуй, это можно оценить как дань романтической идеализации Актаева. Важно и другое. Пройдя через тернии, персонаж не только восстанавливает разорванную связь времен, но и находит путь к людям и не теряет веру.

Он, говоря словами Артемьева, «не гнущийся орешник», человек, устоявший перед великими бурями эпохи.

На фоне поисков прозы рубежа XX и XXI вв. такую идеализацию мужественных и стойких людей, безусловно, можно воспринять неоднозначно. Некоторые авторы, Л.Таллеров, к слову, в своих последних произведениях отказывается от положительной оценки исторического пути советского народа. Герои его романов «Шеремет» (2002) и «Красавица» (2006) находятся в неопределенной, тягостной ситуации.

Еще начиная со второй половины 60-х гг. XX в., писатели настраивают читателя на восприятие неизбежно фатальной ситуации,

А. Артемьев
с братом Иваном
(кадр из телефильма
«Творческий
путь писателя»)
1981 г.

которая или уничтожает человека, или ломает его волю. Это видим, кстати, в творческих поисках Хв. Агивера. Всесилие и непобедимость темных сил, причины вялости общества, его равнодушие к человеку исследует Д. Гордеев. Безысходность ситуаций — основная черта прозы Л. Сачковой.

Ответственность перед критическим межсостоянием эпохи у персонажей А. Артемьева никогда не иссякает. Это хорошо видно и на судьбе Астрова, героя новеллы «Не гнись, орешник!». Таково и внутреннее содержание поисков Алмазова. Оба героя словно говорят себе: «Не гнись перед невзгодами времени». Автор зачастую ведет поиск чистоты и крепости души через анализ случайных событий, встреч, ситуаций. Атнаров случайно встречается Тамару. Неожиданно, и тоже отнюдь не закономерно, се-

Писатели
Г. Краснов,
А. Емельянов,
А. Артемьев
в редакции журнала
«Таван Агтал».
1983 г.

ляне получают ложное известие о том, что Актаев якобы добровольно сдался в плен. Совершенно случайно герой-рассказчик встречает Астрова на берегу Амура. Огорошило сельскую молодежь клеветническое измышление о том, что Саламби в девках родила ребенка.

В такой методике построения сюжета кроется и другая тайна. Для односельчан Саламби — девушка исключительно добропорядочная и целомудренная. В силу этого измышления о рождении ребенка кажутся им противоестественными. Создается ложная экспозиция, которую повествователь должен опровергнуть. С этого момента действие принимает динамический характер и полемический запал. Гнусные слухи, оказывается, распространяли ветреная Муза (в Чебоксарах), грубоватая Маша и ее тетка (в деревне), которая только и знает, что таскается по базарам. И напротив, даже не зная, казалось, обстоятельств дела, Саламби страстно защищает заведующий фермой Шамбулкин. И уж вовсе дика и несурозна эта мысль для Коли,

Писатели

А. Емельянов,
В. Ильина,
А. Артемьев,
Л. Таллеров,
П. Афанасьев.
1990 г.

влюбленного в Саламби как в невесту старшего брата.

Подобная ложная экспозиция возникает и в «Зеленом золоте» — семья Актаевых слывет в деревне как самая честная, добросовестная, трудолюбивая. Слухи, поразившие многих селян, абсурдны уже по определению. Жанровое развитие повести по этой причине происходит как полемическое, острое опровержение лжи.

Оба примера очень показательны: и Саламби, и Актаев для писателя люди с устоявшимися характерами, их нравственная конституция уже давно состоялась. Задача только в том, чтобы выявить и обрисовать особенности их поведения в трудных ситуациях.

Определенная удача сопутствовала А. Артемьеву в диалогии «Перед бурей». Писатель здесь продемонстрировал свою страстную любовь к деятелям национальной культуры.

Известен А. Артемьев и как литературный критик. Его книга «Правда жизни и мастерство писателя» (1984) вобрала в себя целый ряд ста-

тей, где исследованы особенности поэтических и прозаических жанров, проблем стиля и поэтики произведений, своеобразия художественной речи. Показательны труды, посвященные образной структуре романов Хв. Уяра, Н. Мраньки, М. Ильбека, анализу поэтического строя К. Иванова, Я. Ухсая, П. Хузангая и др.

А. Артемьев — тонкий и талантливый переводчик прозы И. Тургенева, Л. Толстого, А. Чехова и других, что естественно сказалось на становлении его творческих принципов. Именно такая проза подействовала становлению проникновенной лирической манеры письма писателя, укрепила в нем веру в необходимость психологического анализа душевных переживаний персонажей.

С 1951 г. А. Артемьев состоял членом Союза писателей СССР. Он удостоен орденов «Знак Почета» и Дружбы народов, Почетной грамоты Президиума Верховного Совета ЧАССР, звания «Народный писатель Чувашской АССР» (1980).

Умер писатель в 1998 г. в Чебоксарах.

Г.И. Федоров

**Порфирий
Васильевич
Афанасьев
1942**

*Н*ародный поэт Чувашии (1998),
лауреат Государственной
премии Чувашской Республики
в области литературы и искусства
(2001), лауреат премии Комсомола
Чувашии им. М. Сеспеля (1982),
автор книг «Черемшанские напевы»,
«Свет изнутри», «Именем твоим»,
«Солнечные ворота» и др.

СОЛНЕЧНЫЕ ВОРОТА

Одним из самых ярких представителей поколения, заявившего о себе в чувашской поэзии в 70-х гг. XX в., является П. Афанасьев. Вдохновенно и одержимо работая в лирике, эпике и драме, он достиг больших высот. Это подтверждают сборники его стихотворений и поэм, рассказов и повестей, историческая трагедия «Именем твоим», а также публицистика, поднимающая острые вопросы нашей культуры.

П. Афанасьев родился 20 февраля 1942 г. в д. Новое Ильмово Черемшанского района Республики Татарстан. Места эти памятные тем, что здесь наши соплеменники со времен Волжской Булгарии сохранили языческое мировоззрение и по сей день соблюдают старинные обряды.

Мать поэта Анастасия Васильевна и отец Василий Афанасьевич, владевшие грамотой в рамках ликбеза, свои нереализованные мечты старались воплотить в детях, особенно — в сыне, и делали все для того, чтобы Порфирий получил высшее образование и стал учителем. Впоследствии так оно и вышло. Окончив в Казани филологическое отделение педагогического института, Порфирий вернулся в Новоильмовскую школу преподавать русский язык и литературу. Но вскоре, узнав, что молодой учитель получил навыки журналистской работы в редакции республиканской чувашской газеты «Хёрлё ялав» (Красное знамя), его назначили заместителем редактора районной газеты по дубляжу. Молодой поэт, которого благословил сам П. Хузангай, через некоторое время пришел к выводу, что его место не здесь, а в далеких Чебоксарах, где ярко горит очаг чувашской национальной культуры. В 1967 г. он переезжает в столицу Чувашии и начинает работать в республиканской газете «Коммунизм ялавё» (ныне «Хыпар») сначала литсотрудником, потом заведующим отделом. Здесь ему удалось значительно оживить работу отдела информации путем активного вовлечения в круг авторов студентов открывшегося в те годы отделения журналистики Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова. Заметно улучшился язык газетной информации, повысилась оперативность материалов. Помнится, как молодежь взалхб читала репортажи о состязаниях команд республики по футболу, хоккею, волейболу и другим видам спорта. «Гляди-ка, —

Поэты
П. Афанасьев
и Я. Ухсай.
1984 г.

удивлялись любители футбола, — ведь почти как в центральной газете «Советский спорт». Видать, был дух обновления в натуре молодого заведующего отделом».

В 1974—1976 гг. П. Афанасьев повышает свои знания на отделении журналистики Высшей партийной школы при ЦК КПСС. Через год в Чебоксарах возобновилось издание детского журнала «Хатёр пул» (Будь готов), которой доверили возглавить поэту. К этому времени он уже был автором нескольких поэтических сборников, которые, кстати сказать, отличались свежестью красок, гражданственностью позиций и новизной поэтического слога. Затем его назначают главным редактором Чувашского книжного издательства, в течение пяти лет руководит он Союзом писателей республики, изби-

Дни чувашской
литературы
и искусства
в Татарстане.
1986 г.

рается заместителем председателя Чувашского комитета защиты мира, работает на постах главного редактора Чувашского радио и заместителя министра печати и информации.

Как видно из этого перечня занимаемых должностей, на П. Афанасьева всегда возлагалась большая ответственность, которая требовала немалых усилий, знания и опыта. Несмотря на это, поэт находил время и силы для успешного воплощения и своих творческих замыслов. Из первых же книг поэта «Черемшанские напевы», «Свет изнутри», «Живу на Волге» чувашский читатель понял, что в поэзию пришел новый талантливый автор со своим взглядом на жизнь. Скажем, неисчислимое множество сочинений создано поэтами на тему любви, однако новоявленный автор и тут находит что добавить ко всему сказанному предыдущими поколениями поэтов. Например, в лирическом цикле «Осенние цветы» ярко-красные розы изображены как плавно движущийся живой хо-

**П. Афанасьев
и директор
Остерской средней
школа
им. М. Сеспеля
М. Перещ в кругу
учениц данной
школа. 1995 г.**

ровод. Но вот сюда приходит молодая девушка. Как чудо-представление воспринимает это лирический герой. Так умело использованный прием метафоры позволил ему создать горячие строки о вечной любви. Выражено это всего-то в одной строфе, а какая палитра чувств в нее вложена! Из таких трогательных строк, озаренных оригинальным густом мысли, состоит практически вся поэзия П. Афанасьева.

Высокая художественность, проникновенный лиризм, острая публицистичность, ясный слог характерны и для поэм «Покуда живу», «Хлеб», «Солдат Юманвара», «Сокол» и других крупноплановых произведений поэта, вошедших в сборники «Корни», «Ветла с сережками», «Родники под ильмами» и др. Судьба чувашского народа, противоборство добра и зла, коллизии любви, изображенные поэтом в свете событий различных исторических эпох, — эти и другие темы лежат в основе творчества поэта, получившего высокую оценку крупных мастеров

поэзии Я. Ухсая, А. Воробьева, С. Шавлы, Ю. Айдаша, Р. Хариса, С. Репьяха и др.

Свежа и колоритна его полновесная строка, не перестаешь удивляться и сочной живописи слова, и очень органичной «оркестровке» стиха, и народному речевому воплощению крылатой мысли. Триединство этих основополагающих компонентов позволяет мастеру создавать такие образы, что они надолго остаются в памяти. На душе с ними становится легче и светлее.

Пересказ содержания стихов — дело неблагодарное, их надо читать на языке оригинала, ибо для выражения мысли и чувств поэт использует единственно верную для себя инструментовку. Тем не менее, как говорится, на свой страх и риск попытаюсь прокомментировать идейно-художественную трактовку стихотворения «Горит свеча». Стихотворений, посвященных горению свечи, в поэзии много. Чего стоит одно только «Свеча горела на столе» русского поэта Б. Пастернака. Но упрекать П. Афанасьева в неоригинальности мы никак не можем, ибо в данном случае свеча горит совершенно по иному поводу.

На краю села, где покоятся предки, под сенью могучего дуба и развесистой липы в стозвонный день Семика-Троицы, когда в полифонии жизненной музыки явственно доминирует звон церковного колокола, на могильном холме родителей горит свеча. Крохотный огонек ведет с нами бессловесный разговор. Родители с нами, и мы вечно с ними. А над головой, высоко в небе, держась за желтую нить солнца, неустанно поет жаворонок. Свеча горит... Из желоба струится переливающаяся на солнце жемчужная вода. А свеча горит... Родители, честно и достойно отслужив свой земной срок, нашли покой. Их с нами нет, но мы ощущаем их взгляд, слышим их голоса, всечасно помним их напутствие и помощь. Дуб-батушка с нами, мать-липа перед глазами, и живем мы с чувством благодарения. Творцу, родителям, всем соотечественникам. Вот к каким духовным обобщениям приходит поэт, наблюдая за горением свечи. Мы говорим спасибо ему за то, что он душой уловил этот прекрасный момент и поделился с нами на высокой и в то же время доходчивой ноте. Хочется подчеркнуть, что подобная канва характерна для всей поэзии П. Афанасьева.

Смелыми находками выделяется и трагедия в стихах «Именем твоим». Спектакль, поставленный режиссером В. Яковлевым в Чувашском государственном академическом драматическом театре им. К.В. Иванова, театровед Ф. Романова оценивает так: «Пьес о Гражданской войне, об установлении советской власти, о схватках

П. Афанасьев,
Ю. Айдаш,
А. Артемьев. 1990 г.

противоборствующих сил на сцене чувашского театра прошло немало. Историческая трагедия П. Афанасьева выделяется среди них внутренним построением. Автор ввел в пьесу символические образы Земли, Времени, Любви, которые в исполнении актеров Н. Яковлевой, В. Федорова, Л. Галимовой наделены силой обобщения, они поэтичны, в то же время осязаемо реальны». Думается, театровед, всю жизнь посвятивший анализу чувашской драматургии и ее сценического воплощения, права в оценке достоинств поэтической трагедии «Именем твоим».

Высокой нотой гуманизма пронизана повесть П. Афанасьева «Живи, любовь». Речь в ней идет о светлой любви Ивана и Василисы из ничем не приметного чувашского села Висьсирма. Самым большим испытанием явилась для них Великая Отечественная война. Смертельно раненный в жуткой схватке с фашистами Иван, умирая на госпитальной койке, думает только о своей незабвенной Василисе и, чтобы облегчить ее будущую жизнь, предлагает своему верному фронтовому другу Антону связать свою судьбу с Василисой, если тот доживет до Победы. Единственная цель Ивана — облегчить участь своей суженой на всю оставшуюся жизнь.

Мужественный солдат Иван умирает. И вот еще до окончания войны, скрипя костылями, к Василисе каждый день приходит Антон. Он просит ее руки, раскрывает суровую правду о ее муже Иване и его последнем желании. Но Василиса неумолима. Она понимает, что тяжело будет одной, но не принимает предложения Антона, чтобы сохранить память о единственном избраннике Иване.

Да, это действительно гимн всесильной любви!

Народный писатель Чувашии Хв. Уяр, кстати сказать, не очень-то щедрый на похвалу, отмечал, что в лице П. Афанасьева мы имеем не только поэта, драматурга, толмача, но и хорошего прозаика. Думается, это верная оценка.

Что же касается толмача, то и в этом непростом виде литературной деятельности П. Афанасьев сделал немало. Он много и весьма успешно перевел на чувашский язык произведения русских, украинских, белорусских, татарских, башкирских, марийских писателей. Особо хочется отметить, что по-настоящему большой объем творческой работы он сделал по переводу пьес классиков мировой драматургии на чувашский язык. Среди них — «Виндзорские проказницы» У. Шекспира, «Идиот» Ф. Достоевского, «Тихий Дон» М. Шолохова, «Йерма» Г. Лорки, «Нашествие» Л. Леонова, «Деньги для Марии» В. Распутина и др. Перевод произведений сценического звучания имеет свои строгие особенности: тут одним неосторожным словом можно нарушить логику характера. Но, как и в других видах и жанрах литературы, П. Афанасьев в этом деле стал признанным мастером. Его переводы высоко оценили такие корифеи чувашской сцены, как В. Яковлев, В. Кузьмина, Н. Яковлева, Н. Григорьева.

В последнее время поэт много работал над переводом на чувашский язык книги Священного Писания. Среди них — «Книга Екклесиаст», «Песнь песней», «Книги пророка Иеремии», «Плач Иеремии». Если иметь в виду, что конструкция предложения в тюрк-

**Хлебом-солью
встречают
своего земляка
П. Афанасьева жи-
тели родного
Черемшанского
района Республики
Татарстан. 2004 г.**

ских языках, а особенно — в чувашском, в корне отличается от порядка словосочетаний в славянской и других языковых семьях и группах, то добиться адекватного выражения мысли не так-то просто. В то же время, как показывает практика, при вдумчивом творческом подходе и здесь можно сохранить строй мысли оригинала. Тут, надо сказать, очень многое зависит от того, насколько переводчик владеет гибкостью своего языка.

Произведения самого П. Афанасьева изданы на английском, французском, итальянском, немецком, болгарском и многих других языках, а в переводе на русский и татарский языки выходили отдельными книгами.

Поэт П. Афанасьев — один из тех, кто по зову души активно и целенаправленно пропагандирует достижения родной литературы в республике и за ее пределами. Его яркие выступле-

ния хорошо помнят москвичи и ленинградцы, нижегородцы и уфимцы. А в Татарстане и Черниговской области Украины нет района, где бы не читал свои стихи чувашский поэт. Библиотеки Йошкар-Олы, Сengelеевское педучилище и предприятия города Мелекесс Ульяновской области, Белорецкий металлургический комбинат Республики Башкортостан, Академия наук Азербайджана, Дом офицеров города Минска, Ярославский моторный завод, театры и стадионы Югославии, Китая, Японии — вот только некоторые места, где посланец нашей республики передавал чувашский салам от своих соотечественников и коллег по перу.

Нелегко, скажем прямо, держаться на литературных праздниках на уровне москвичей Е. Исаева и В. Сорокина, киевлян И. Драча и Б. Олейника, минчан В. Зуенка и Р. Бородулина, туркмена А. Агабаева и сына Молдовы Г. Виеру, однако, как не раз подчеркивали аксакалы поэзии С. Михалков, Р. Гамзатов и М. Карим, посланец чувашского народа всегда и везде достойно представляет свою республику и ее литературу.

Мне часто вспоминается лето 1990 г., когда вся наша страна под эгидой ЮНЕСКО отмечала 100-летие нашего великого поэта К. Иванова. Москва. Колонный зал Дома Союзов в праздничном убранстве. Выразить свою признательность автору гениальной поэмы «Нарспи» приехали писатели со всех концов страны. Тут же — руководители страны, послы разных государств, элита культуры СССР.

И вот на весь многотысячный зал звучит слово о К. Иванове. Произносит его председатель правления Союза писателей Чувашии, член правления Союза писателей СССР П. Афанасьев.

— Как самое яркое явление своего народа поднялся К. Иванов на высшую ступень мировой литературы и встал вровень с такими звездами, как Гомер и Данте, Руставели и Навои, Низами и Саади, Шекспир и Сервантес, Пушкин и Шевченко, Тукай и Чавайн...

Бархатный баритон докладчика звучит гордо, твердо, уверенно. Феномен К. Иванова, что и говорить, — великая тайна природы. Но и это таинство может остаться незамеченным, если потомки гения не будут поднимать его наследие на всеобщее обозрение.

Сию теперь, по прошествии многих лет, и думаю: как много усилий вкладывали в благородное дело увековечения имен своих славных предшественников поэт П. Хузангай, композитор Ф. Лукин, художник Н. Овчинников. Доклады, статьи и выступления П. Афанасьева тоже являются частью этого огромного вклада во имя будущего нашей самобытной культуры.

Президент Чуваш-
ской Республики
Н. Федоров
и поэт П. Афанасьев.
2007 г.

Народный поэт Чувашии, заслуженный деятель искусств республики, лауреат Государственной премии Чувашской Республики, премий им. М. Сеспеля, им. Ф. Карима (Республика Башкортостан), имени И. Яковлева (Ульяновская область)... Другие почетные звания, награды, знаки... Все это говорит о народном признании неустанного труда и яркого таланта.

П. Афанасьев избирался и депутатом, и членом руководящих органов общественных организаций, в том числе — Союза писателей страны, но при всех регалиях всегда оставался простым и скромным человеком. В то же время он остро чувствует ответственность за свое слово и дело перед народом. А народ, как известно, начинается с земляков-односельчан. Новоильмовцы, хорошо знающие детство поэта и глаз не сводящие с сегодняшних дел известного земляка, однажды мне поведали о том, что Порфирий, когда ему

было лет эдак десять-двенадцать, без спроса у конюха увел с колхозного конного двора лучшего рысака по кличке Эверест и битый час катался на нем по черемшанским вольным просторам. А потом, мол, вернулся очень довольный. Да и Эверест-то быстро привык к нему. Видать, хотелось малость поразвешаться...

— Нет, друзья, — возразил я тогда землякам Порфирию. — Он не вернулся. Он и сейчас на коне. Только его резвого скакуна кличут не Эверест, а Пегас...

— А-а, понятное дело, — улыбнулись тогда степенные односельчане. — Пусть, пусть летает на своем крылатом коне... Овес будем поставлять мы. А он нам — стихи и песни. Все нужно, не хлебом же единым... Но он, наверно, все равно куда-нибудь-то въехал на Пегасе этом?

— Да, он действительно въехал. Въехал в солнечные ворота...

Порфирий Васильевич как раз завершил поэму «Солнечные ворота», развернутое полотно о земле и человеке. Больше года он сидел в седле Пегаса, чтобы дойти до сути начатого разговора. И дошел.

Я глубоко убежден в том, что одухотворенность народного поэта Чувашии П. Афанасьева и впредь неустанно будет обогащать нашу литературу новыми произведениями, достойными родной земли, своих земляков, бурного, но светлого времени.

Ю.С. Семендер

Алексей
Александрович
Воробьев
1922—1976

*В*ыдающийся поэт, лауреат премии
Комсомола Чувашии им. М. Сеспеля
(1972), автор книг «Разговор
в поле», «Полдень»,
«Ветла», «Зерно на ладони»,
«Сердце мое в поле» и др.

ВЕТЛА, ПОСАЖЕННАЯ ПОЭТОМ

Большой друг наших литераторов, русский поэт, публицист и переводчик, заслуженный работник культуры Чувашии В. Кочетков в одной из своих статей отмечал: «Я люблю чувашскую поэзию. Собрания сочинений К. Иванова и М. Сеспеля у меня всегда под рукой, и каждое обращение к ним придает мне новый заряд духовной энергии. С народным поэтом Чувашии П. Хузангаем мы вместе учились на Высших литературных курсах в Москве, общались ежедневно. Мне близки и дороги грани таланта этого удивительного человека. Я. Ухсай — следующее удивительное явление художественного мира чувашского народа. С особыми братскими чувствами также вспоминаю те времена, когда мне пришлось рука об руку работать с А. Воробьевым, одним из талантливых сыновей чувашского народа, поэтом высокой пробы, напоминающим своим творчеством весомый зрелый колос. Судьбе было угодно, чтобы я стал переводчиком его замечательных поэм «Ветла», «Кибенек», «Цивильский мост» на русский язык. Общение с его творчеством и по сей день доставляет мне огромное удовольствие, ибо поэзия А. Воробьева является духовным богатством не только своего народа, но и всей России...».

Другой не менее известный московский критик А. Макаров в своей статье «Свет зари» (журнал «Дружба народов». 1967. №5) так вспоминает о встрече с чувашским поэтом: «Стихи Алексея Воробьева я впервые услышал в чтении автора на занятиях поэтического семинара на Высших литературных курсах. Он читал на родном языке и в подстрочных еще переводах. За окнами дышал сивым морозом крутой декабрь, а в тесной сумеречной аудитории совершалась некая метаморфоза — заиграли солнечные блики по прозрачной коже пылающих румянцем яблок, звонко ударила весенняя капель, и, что уже совсем необъяснимо, вышитые девушкой на полотенцах петухи отчаянно запели, призывая суженого. Судя по лицам слушателей, не один я был зачарован стихами чувашского поэта... Удивляло и то, что они написаны уже немолодым человеком, прошедшим нелегкие пути, который и сам как бы дивится тому, что «в сорок с лишним лет... как пацан, я вновь вихраст... и не сверкали кровью росы, не я как будто на войне сломал старухе Смерти косу...».

Родился А. Воробьев 28 октября 1922 г. в д. Большие Яуши Ядринского уезда (ныне Вурнарский район Чувашской Республики). О своей родословной он писал так: «Мои родители, как и их предки, сеяли хлеб, держали скот — лошадей, корову и, как говорится, ходили в середняках. Отец был трудолюбивым, очень вспыльчивым человеком, немножко хвастун, как все, кто побывал на войне. Любил рассказывать про «баталии», при этом хвастался, что пули его боялись, как заговоренного. Однако в последней войне — Великой Отечественной — пуля не пощадила ветерана трех войн. Отец погиб в 1944 г. под Витебском». Да и сам будущий поэт в своей недолгой жизни перенес немало испытаний.

После окончания семилетней школы и Цивильского сельскохозяйственного техникума он работал в земельном отделе Канашского райисполкома, затем стал участковым агрономом

Чувашские писатели
А. Воробьев
(второй слева),
С. Шавлы,
В. Давыдов-Анатри —
участники Дней
чувашской культуры
в Дагестане.
1972 г.

Вурнарской МТС. В мае 1942 г. его призвали в Красную Армию. Ему пришлось стать в ряды защитников Сталинграда. Здесь был тяжело ранен и несколько месяцев пролежал на госпитальной койке и как инвалид демобилизован из армии. За героизм и отвагу награжден тремя боевыми медалями. Вспоминая те огненные годы, в одном из стихотворений, посвященном солдатам войны, А. Воробьев написал:

Я своей руке-калеке
Золотое кольцо купил.
«Хватит полнить слезами реки,
Жить пора», — про себя я решил.
Только нет, не будет покоя,
Не стереть боевых замет.
А руке кольцо золотое
Ни к чему, если пальцев нет.

(Перевод Э. Балашова)

В начале 1943 г., несмотря на слабое здоровье, он стал работать в родном колхозе агрономом, потом председателем. За успехи в труде награжден Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Чувашской АССР. В 1945 г. выдвинут на должность директора Ибресинской МТС. Через год он поступил учиться в Казанский сельскохозяйственный институт, но из-за болезни вынужден был оставить учебу.

В 1949 г. на его долю выпало еще одно тяжелое испытание — он был осужден и приговорен к тюремному заключению на восемь лет за то, что якобы укрывал человека, совершившего тяжкое преступление. Только через пять лет, пересмотрев дело, Верховный суд республики освободил его из-под стражи со снятием судимости. В 1954—1957 гг. он работал агрономом Калининской МТС и колхоза им. Ленина Вурнарского района. В 1957 г. поэт переехал в г. Чебоксары, позже окончил Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А.М. Горького. С конца 50-х гг. XX в. он почти ежегодно выпускал свои сборники стихов и поэм в республиканских и центральных издательствах, печатался на страницах газет «Правда», «Известия», «Литературная Россия» и др. За цикл стихов был удостоен премии журнала «Дружба народов». В 1972 г. награжден Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Чувашской АССР за заслуги в развитии чувашской литературы. В том же году за цикл произведений о молодежи ему присудили премию Комсомола Чувашии им. М. Сеспеля. Это было признанием не только таланта поэта, но и признанием его как наставника и верного друга молодежи. Он

дорожил этой наградой, старался оправдать ее творческим трудом.

В поэтических сборниках «Подсолнух», «Полдень», «Красные колосья», изданных на рубеже 60—70-х гг. прошлого века, А. Воробьев каждое свое произведение адресует молодому поколению, выступает как добрый советчик, наставляет его на добрые созидательные дела. Бесконечно важным для поэта, по словам А. Макарова, является «то свойственное его «душе крестьянина» ощущение природы, как собственной плоти, гармоническое сочетание любви к земле и человеку, слияние красоты земной с красотой человеческой. Неразрывны в восприятии поэта и та, и другая красота, в его стихах поистине не «образ входит в образ» и если «чудо-растение рожь» учит человека стойкости, «то яблоко, как чувашка-девушка, красно» — свет зари и солнца».

А. Воробьев
(во втором ряду
второй справа)
среди чувашских
писателей.
1969 г.

А. Воробьев активно участвовал в многогранной деятельности чувашской писательской организации. Будучи литературным консультантом по поэзии Союза писателей ЧАССР, он возглавлял и Совет по работе с молодыми литерато-

рами. Поэт умел искать и находить творчески одаренных молодых людей, постоянно переписывался с ними, давал деловые советы, приглашал их на заседания литературных секций, готовил подборки произведений начинающих авторов и публиковал их на страницах чувашских журналов. Автор этих строк, сам прошедший через его творческую мастерскую, хорошо помнит как в Союзе писателей, в других рабочих или студенческих аудиториях под руководством А. Воробьева часто проводились творческие вечера видных поэтов, а также вечера одного стихотворения, где участвовали и маститые, и совсем еще юные стихотворцы. Именно в те годы стараниями Алексея Александровича при редакциях городских, районных и многотиражных газет активно заработали литературные объединения молодых поэтов, прозаиков, драматургов. На ежегодных форумах начинающих писателей, проводимых в столице республики, наш литературный наставник поощрительно отзывался об удачах молодых и очень корректно раскрывал их недостатки и промахи.

Думаю, что многие его ученики, сегодня сами ставшие именитыми — Ю. Айдаш и Ю. Семендер, Хв. Агивер и А. Дмитриев, П. Эйзин и Р. Сарби, В. Кузьмин и Г. Юмарт — с глубокой благодарностью вспоминают своего доброго наставника, удивительно скромного, щедрого, отзывчивого и талантливого поэта.

Всего около двадцати лет отвела А. Воробьеву судьба на литературное творчество. Он умер в 1976 г. в расцвете сил, в самом разгаре работы над новыми произведениями. Поэтом выпущено 18 сборников стихов и поэм. На русском языке отдельными книгами опубликованы «Зерно на ладони», «Красные колосья», «Свет зари», «Ветла», «Колодцы». Он не успел реализовать и малой части своих замыслов. Но и то, что написано, ставит А. Воробьева в ряд лучших чувашских поэтов. Как пишет упомянутый выше критик А. Макаров, «от его стихов веет сердечностью и непосредственностью, даже как бы простодушием, но каким-то особенным, умным, возбуждающим любовь к жизни и прекрасному в ней».

Думается, А. Воробьев заслужил расположение читателя прежде всего своей искренностью и доверительной интонацией, с которой он вел разговор. Были ли это лирические стихи о любви и нежности, цикл стихов о войне, где героически сражались сверстники поэта, или отдельные поэмы — каждое произведение задевает струну души.

По словам К. Мастерова, земляка и тонкого знатока творчества А. Воробьева, «пейзажи родного края в его стихах так необычно

Поэты
А. Воробьев
и М. Волкова.
1971 г.

живописны и нежны, что поэт хочется назвать певцом природы. За выразительными картинками всегда встает глубокий смысл. Лирический герой А. Воробьева — страстно влюбленный в красоту мироздания человек. Он знает, что жизнь может быть суровой и жестокой, в то же время верит в доброту человеческих отношений, в справедливость».

А. Воробьев расцвета творчества достиг в 60-е гг. прошлого века. Тогда им были созданы многоплановые, отличающиеся философской глубиной и художественной выразительностью поэмы «Подсолнух», «Кибенек», «Ветла», «Дом над Свягой», «Цивильский мост», «Чувашская легенда». В них поэт стремился к максимальной концентрации действий и событий. В этих произведениях перед

**А. Воробьев
(второй справа)
среди участников
Великой
Отечественной
войны. 1973 г.**

читателями встают мужество, героизм народа, беспокойная сельская тишина, ожидание. Поэт умело пользовался приемом «припоминания», свободного перехода от настоящего к прошлому и т.д.

Как поэт-лирик А. Воробьев тонко чувствовал слово, выработал свой стиль, где характерны простота, предельная краткость, ему чуждо всякого рода манерничанье. Он часто оставляет читателю самому додумать логическое завершение событий и поступков людей. Но главное не только в своеобразии почерка, а в отборе жиз-

ненного материала, в выявлении характеров людей, в умении подмечать нечто емкое, значительное.

У птички пушистой, как верба,
Есть голос свой, песня и небо.
Простите за щебет подругу,
Когда она будит округу.
Мой голос, охрипший от стужи,
Негромок, но рвется наружу.
И если разбудит сердца,
Счастливым мне быть без конца.

(Перевод Э. Балашова)

Поэт был прав. Он писал не ради славы, писал для народа, звал людей «творить лишь добрые дела».

П.В. Афанасьев

Александр
Алексеевич
Галкин
1928—2002

*Н*ародный поэт Чувашии (1997),
автор книг «В родном краю»,
«Сорминские пороги»,
«Басни», «Смех не для всех»,
«Слезы дождя» и др.

ДОРОГУ ОСИЛИТ ИДУЩИЙ

В стихотворении «Я — твой сын» поэт А. Галкин сделал такое признание:

Как ребенка — просто чудо!
 Ну, какой ребенок я! —
 Волга ласково и чутко
 Все баюкает меня.
 Волга, колыбель большая,
 Ничего не говоря,
 Я всем сердцем соглашаюсь:
 Сын! Твой сын, конечно, я!..

(Перевод *М. ШUTOVA*)

Впоследствии товарищи по перу в шутку начали называть его сыном Волги. В поэтическом творчестве Галкина эта великая река действительно занимала заметное место. Вспомним хотя бы стихотворения «Вставай, заря», «Вы видели!..», «Рассвет над Волгой», «Утро», «Высота» и др. Во всех этих поэтических произведениях зримо присутствует образ любимой реки.

...Переливы светлой волжской сини
 Мне как ласка матери близки.
 Вот откуда черпаю я силы,
 Чтобы жить, любить, писать стихи.

(Перевод *М. ШUTOVA*)

Если вспомнить биографию поэта, то он вырос вовсе не на Волге, а на небольшой реке Сорма. Родился 12 февраля 1928 г. в д. Челкасы Аликовского района Чувашской АССР в бедной крестьянской семье. Только в девять лет отправили родители младшего сына в школу — его не во что было одевать и обувать. В своей родной деревне он проучился три года, дальше продолжил учебу в Яндобинской семилетней школе. Там и зародилась у Саши Галкина любовь к поэзии.

Учитель чувашской литературы часто приглашал его на сцену читать наизусть стихи. Однажды в Октябрьский праздник он выступил со стихотворением известного чувашского поэта Н. Янгаса «Смерть Чапаева». Тогда шла Великая Отечественная война. Немецкие фашисты рвались к самому сердцу Родины — к Москве.

Видит мальчик: у овдовевших женщин и немощных стариков глаза печальные, у некоторых даже слезы выступили. Глядя на них, у самого декламатора мурашки пробежали по телу. Когда же он дошел до места, где описывалось, как утонул наш легендарный земляк, мальчик и вовсе заплакал. Трудно сказать, что его расстроило так сильно — то ли сочувствие прославленному командиру, то ли созвучие трагедии с тогдашней обстановкой. В тот вечер Саша Галкин поверил в силу и проникновенность поэтического слова.

Затем Александр поступил в Калининское педагогическое училище. Здесь сочинил свои первые стихи, но никому не показывал их. Только когда в литературном конкурсе занял одно из первых мест, друзья узнали о его увлечении. По окончании педучилища А. Галкина как способного спортсмена назначили председателем Калининского районного комитета по физкультуре и спорту.

Спортсмены
Чувашского
государственного
педагогического
института
(А. Галкин —
в первом ряду
первый справа).
1947 г.

Даже немногие товарищи по перу знают, что А. Галкина отобрали для учебы в вокальном отделении Саратовской консерватории, но там он проучился недолго. Впоследствии в кругу друзей хорошо поставленным голосом поэт запевал песни, чем удивлял многих. Нашел себя не сразу. Он также был зачислен на морской факультет Ленинградского института физической культуры им. П.Ф. Лесгафта. Но по состоянию здоровья учебу пришлось оставить. Опять-таки курсантскую выправку и опрятность сохранил на всю жизнь.

Только после этого А. Галкин окончательно определился с будущей профессией: поступил на историко-филологический факультет Чувашского государственного педагогического института им. И.Я. Яковлева. Здесь стал спортсменом-разрядником, выступал в сборной команде вуза, которая часто первенствовала в соревнованиях. Но самое главное его увлечение — поэзия — здесь нашло сильное, неотвратимое продолжение. Обсуждение произведений молодых авторов на занятиях литературного объединения и общение с известными чувашскими писателями производили на него огромное впечатление. В сущности, с этой поры и началось активное литературное творчество молодого поэта.

Начал печататься в газетах и журналах в 1948 г. Первая книжка под названием «Заботливые малыши», рассчитанная для детей дошкольного возраста, вышла в 1953 г. Как видим, начало его творческой деятельности связано с детской тематикой. Для юных читателей впоследствии написал еще несколько книг.

Примечательно, А. Галкин никогда не жил лишь литературными работками. Еще в молодости, по окончании пединститута, около 20 лет трудился в Чувашском книжном издательстве — редактором, старшим редактором, заместителем главного редактора. Затем был переведен в отдел культуры обкома КПСС. Через некоторое время назначен на должность главного редактора Чувашского книжного издательства.

В 1971 г. на X съезде писателей Чувашии А. Галкина избрали членом правления этой творческой организации, на организационном заседании которого утвердили главным редактором общественно-политического и литературно-художественного журнала «Таван Атӑл» (Родная Волга). Редактировал он его около десяти лет. С 1980 г. А. Галкин заведовал отделом сатирического журнала «Капкӑн».

Какой бы литературный пост ни занимал, он всегда оставался скромным, прилежным, в то же время строгим и требовательным к себе и другим. Коллеги его уважали, ценили, дорожили его сове-

тами и заботой. Вот как вспоминает о нем народный поэт Чувашии Ю. Семендер в своей статье «Штрихи к портрету друга»: «Я давно говорил и говорю, что А. Галкин внешне был похож на А. Твардовского. Это не только мое мнение. В Ярославле в дни Некрасовской поэзии литераторы Верхневолжья И. Смирнов, В. Жуков, М. Глазков в один голос подтверждали это. Высокий, стройный, степенный и всегда аккуратный, Александр Алексеевич располагал к себе. Да и на сцене он держался артистично: патриотические стихи читал с пафосом, с толком, с расстановкой, а басни, как этого требует специфика жанра, умело сопровождал и соответствующей мимикой и голосом, и движениями рук и тела. И всегда его принимали на ура. Это я не раз видел и в Москве, и в Казани, и в Уфе, и в Чернигове, и в Ульяновске. С особым интересом слушали поэта дети: на адресованные читателям младшего возраста побасенки

Писатели Б. Холопов, С. Баруздин и А. Галкин. 1974 г.

Чувашские писатели
с жителями
с. Слакбаш
(А. Галкин второй
справа). 1974 г.

юные читатели реагировали дружным смехом и хохотом. А это уже, что ни говори, — успех».

Несмотря на постоянную занятость, А. Галкин успевал плодотворно работать над своими произведениями. Он — многожанровый писатель, оставил большое литературное наследие. Поэт, прозаик, переводчик издал 30 книг. На его стихи композиторы Г. Лебедев, Ф. Лукин, Г. Хирбю, Ф. Васильев, А. Асламас, Ю. Кудаков и др. сложили около 200 песен. Он написал много басен и фельетонов, которые публиковал под 42 псевдонимами. Активно переводил поэтические, прозаические и драматические произведения русских классиков и зарубежных писателей — 22 романа и повести, 12 пьес довел он до чувашского читателя и зрителя.

Конечно, и его произведения печатались за пределами республики. Русскому читателю зна-

комы книги А. Галкина «Слезы дождя», «Я и мои друзья», «Карикатуры с натуры», «Смех не для всех» и др. Его стихи и басни звучат на более двадцати языках народов России. Так, книга «Друзья» вышла на татарском языке, а на белорусском — «Я и мои друзья». Его сатирические стихи печатались во всесоюзном журнале «Крокодил» и в периодических изданиях социалистических стран.

Несмотря на сильную занятость, поэт находил время, чтобы встать за мольберт. Из-под его кисти выходили виды родной деревни Челкасы, портреты, городские пейзажи, дружеские шаржи. Теперь некоторые из них находятся в квартирах сына и дочери. В последние годы жизни Александр Алексеевич с увлечением работал на холсте масляными красками.

Как мы уже заметили, творчество А. Галкина многогранно. В нем обилие тем, разнообразие красок и ритмов, самобытных характеров и temperamentos. И все эти мелодии гармонично сливаются в одну, главная тема которой — кипучая жизнь нашей Родины, внутренний мир ее людей. В лирических стихах поэта — природа родного края с его лесами, степями, могучей Волгой, серебристые волны которой «вздыхают, как человек».

Во многих стихах А. Галкина набатно звучат патриотические мотивы. Так, один из разделов сборника стихов «Слезы дождя» называется «Памятные годы». В нем вся «военная» биография поэта, детство которого совпало с годами Великой Отечественной войны.

Я войну не видел в лицо,
Моей кровью шинель не облита,
Я был юным и тощим мальцом,
Провожая отца в замполиты.

(Перевод М. Шутова)

И эта память об отце, стремление быть достойным своему старшему поколению, отстаивавшему свободу Родины, — в каждой строке цикла. Примечательна в этом отношении поэма «Отцовская шинель», воспевающая бессмертный подвиг советского народа.

Ужасы военного лихолетья поэт знает по «похоронкам», слезам сирот и вдов, по трудовым мозолям на собственных руках. Но тема войны для него — не дымка воспоминаний, а непреходящая боль души. Его поэзия учит молодежь жить содержательной жизнью, призывает к внутренней собранности и самодисциплине.

В стихах А. Галкина нет сюжетного повествования и описания

Поэт часто выступал
в студенческих
аудиториях,
школах, клубах и
библиотеках.
1975 г.

внешних событий, каждый штрих служит показу внутренней жизни лирического героя. В этом сила его таланта. Лирика поэта добра и гуманна, в особенности, когда речь идет о воспоминаниях детства и юности, о людях труда, о слиянии человека и природы.

Да, я люблю село родное,
Готов я на колени встать,
Чтобы росы набрать в ладони
И колосок поцеловать.

(Перевод М. Шутова)

Читатель стихов А. Галкина не чувствует себя перед трибуной, он не ощущает себя, пожалуй, и собеседником. Он — свидетель размышлений вслух. Но эти, как будто личные, размышления, в которые погружен поэт, неожиданно оказываются интересными и важными для читателя.

При всей своей мягкости, при склонности дарить людям добро поэт никогда не превращался в «улыбчивого» лирика, испытывающего абстрактно-нежные чувства. Социальный адрес его гуманных устремлений всегда точен. А его доброта, ирония и смех имеют конкретную силу, когда он говорит о том, что мешает людям спокойно жить.

Бывает так:
Работник туп,
Точь-в-точь как этот
Ржавый нож.
Меж тем он шефу
Мил и люб.
Негож,
А держится он все ж!

(Перевод И. Законова)

Вот какие выводы делает поэт из своих жизненных наблюдений в басне «Острый и тупой».

Сатирическая поэзия А. Галкина в свое время получала широкий резонанс. Находились и те, кто чувствовал себя уязвленным. На автора они писали жалобы, опровержения, предлагали привлечь его к ответственности за несправедливую критику. Но неугомонный «капканист» стойко продолжал бичевать людей, творящих зло.

Современники высоко оценивали творчество А. Галкина. Вот несколько высказываний:

«Первое, что мне нравится в детских книжках Александра Галкина, — это их веселый, бодрый, жизнерадостный тон, теплый юмор, которыми пронизаны все его рассказы. Они читаются легко и с интересом, запоминаются смешные положения, в которых оказываются мальчики и девочки, остаются в памяти живые образы действующих лиц — как положительные, так и отрицательные».

Леонид Агаков,
народный писатель Чувашии.

«Рассказы Александра Галкина отличаются от других произведений, написанных на тему сельской школьной жизни. Они не ограничиваются показом лишь школьной жизни, как это часто бывает в подобных произведениях, а широко и тесно, своеобразно и интересно связывают учебный процесс с колхозной работой, жизнью деревни. И не потому ли в новеллах А. Галкина не чувствуется ни тени назидания, ни застревающих в зубах дидактических нравоуче-

ний. Они подкупают читателей добротой, весельем своим, пронизанным солнцем и миром».

Мария Прилежаева,
лауреат Государственной премии РСФСР
им. Н.К. Крупской.

«Гордость своей Отчиной с особенной силой звучит в стихах Александра Галкина. И все же в первую очередь он — лирик. Читатели знают его и как публициста. Он часто использует в своей работе перо сатиры, и тогда появляются стихи, полные иронии, сарказма по отношению ко всему, что еще мешает нашему движению вперед.

Но в каком бы жанре ни работал Галкин, он всегда остается поэтом глубоко национальным, поэтом наблюдательным и вдумчивым».

М. Актюв. Журнал «В мире книг».

Самое высокое, заслуженное признание получил он незадолго до своей смерти. Указом Президента Чувашии Н.В. Федорова в 1997 г. ему присвоено почетное звание «Народный поэт Чувашской Республики». Так оценен многолетний литературный труд поэта, прозаика и юмориста.

В.П. Петров

Денис
Викторович
Гордеев
1938

*Н*ародный писатель Чувашии (2008),
автор книг «Теплый дождик»,
«Несеяная рожь», «Семикрылый грач»,
«Тайный грех», «Порча» и др.

СВЕТ РОДНОГО СЛОВА

Теплым летним вечером семья собралась в лачуге на ужин. Мать сварила суп из борщевика, поставила перед детьми алюминиевые кружки с парным молоком. Средний сын Денис стал рассказывать о годовых отметках за восьмой класс, но отец властно прервал его: «Тебе уже пятнадцатый год пошел. Пора надеть хомут и начать пахать». Слова отца прозвучали как приказ. «Уж слишком обременительна плата за учебу. Сто пятьдесят рублей в год — целое состояние», — пробормотала мать.

В деревне Асаново Комсомольского района, где в 1938 г. родился Д. Гордеев, не было средней школы, но была известная на всю округу леспромартель. Туда после окончания восьмого класса и устроился он учеником столяра. Через три месяца ему присвоили разряд. Мечтательному юноше, у которого к тому времени уже набралось несколько тетрадей, исписанных стихами, казалось, что перед ним дорога в литературу наглухо закрыта. В цехе, где он работал, стояла печка-голландка, на которой растапливали столярный клей. Все тетради с рукописями от отчаяния он отправил в топку. Среди них была и сказка в стихах, написанная под впечатлением от «Али Батыра» В. Бараева.

Но после первой полочки, которую сын принес в дом, было уже другое настроение. Мать, пересчитав, ахнула — 380 рублей. «Давай будем копить на учебу», — сказала она.

На встречах с читателями Д. Гордеев часто декламирует стихотворение «Тропа».

В пятнадцать лет вихрастому мальчишке
Сказали так: «Вот это — твой верстак.
Он будет, как порою пишут в книжках,
Тропою, выводящей на большак».

(Перевод В. Широкова)

Эти строки появились чуть позже. В годы же работы в артели юноша мечтал поскорее вернуться к творчеству — писать, учиться.

В Комсомольской средней школе, которую окончил Д. Гордеев, работал литературный кружок под руководством учительницы А. Кокоровой. Там ребята пробовали перо, вдохновенно читали стихи — свои и классиков. Активные участники кружка В. Шемякин, Г. Чар-

Д. Гордеев
(четвертый справа
в первом ряду)
среди читателей
Старочелны-Сюрбе-
евской средней
школы Комсо-
мольского района.
1975 г.

жов, В. Шашкар стали известными поэтами и писателями. Еще одной кузницей литераторов можно назвать объединение при районной газете «Октябрь ялавё» (Знамя Октября), которым руководил Л. Таллеров, ныне народный писатель Чувашии. Занятия в этом объединении также посещали Г. Мальцев, и Хв. Агивер, которые потом стали профессиональными писателями.

Первые стихи Д. Гордеева появились на страницах районной газеты в 1955 г. Это окрылило молодого поэта и утвердило в мысли, что надо продолжать учебу именно в этом направлении.

Огромную роль в становлении писателя сыграли студенческие годы. Уже на втором курсе филологического факультета Чувашского государственного педагогического института им. И.Я. Яковлева Д. Гордеев стал старостой литературного кружка. Тогда же он активно включился в литературную жизнь республики. Его стали приглашать на мероприятия, проводимые

Союзом писателей Чувашской АССР. В газете «Молодой коммунист» он печатал в переводе на чувашский язык стихи поэта А. Понамарева на злободневные темы. В 1957 г. вышел сборник «Подснежники», в котором были опубликованы и стихи Д. Гордеева. Он становится активным автором сборника «Любимая книга».

Но до первой серьезной книги было еще далеко.

Куда бы ни забросила судьба Д. Гордеева, он не переставал писать, не оставлял литературную деятельность. Окончил Чувашский государственный педагогический институт им. И.Я. Яковлева, Горьковскую высшую партийную школу, в 1961—1964 гг. служил в рядах Советской Армии. Пришлось ему поработать и преподавателем русского языка в Асановской средней школе, и воспитателем детского дома в с. Калинино Вурнарского района. Затем основной его деятельностью стала журналистика. Был ответственным секретарем, заместителем редактора Комсомольской, редактором Моргаушской районных газет, директором Чувашского книжного издательства, заведующим отделом газеты «Коммунизм ялавл». С 1980 г. до перехода на профессиональную писательскую деятельность работал в аппарате Союза писателей Чувашской АССР, директором Чувашского отделения Литфонда СССР.

Еще в 60-е гг. XX в. Д. Гордеев обратился с первой творческой заявкой в Чувашское книжное издательство. Но она и последующие заявки остались без удовлетворения. Тогда поэт Г. Ефимов посоветовал автору предложить для издания детские стихи. В них издательство остро нуждалось. Но и они лежали целых десять лет. Когда в 1974 г. редактора Моргаушской районной газеты назначили директором книжного издательства, сборник «Теплый дождик» наконец-то увидел свет в прекрасном оформлении художника В. Агеева. Стихотворения из этой книжки впоследствии были включены в школьные учебники.

Вторая книга «Степной ветер», состоящая из одноименной повести, цикла новелл и нескольких рассказов, вышла тиражом 10 тысяч экземпляров. Даже именитый автор позавидовал бы такому тиражу. Но на заседании секции прозы книга была подвергнута критике за то, что в ней якобы нет ярких положительных героев, с которых молодые люди могли бы брать пример.

Писатель не делит персонажей на положительных и отрицательных. Ведь в каждом человеке есть и хорошее, и плохое, в зависимости от условий, в которые он попадает, проявляются те или иные качества. Ему интересен сам человек, его скрытые переживания и внутренний мир.

**Д. Гордеев
(в центре) среди
сотрудников журнала
«Таван Ата́л».
2005 г.**

Когда Д. Гордеев стал работать заведующим отделом газеты «Коммунизм ялавлэ», вышел первый сборник стихов «Березовая аллея», рукопись которой вначале отдали на так называемое закрытое рецензирование. Это стало большим ударом для автора. Тем более, что рецензентом был писатель, который одним из первых напутствовал молодого автора.

Даже после такой расправы книга все же увидела свет, но объемом вдвое меньше запланированного и не принесла особой радости автору. Поэт вложил в первый сборник стихов всю душу.

Больше он не предпринимал попыток издавать сборники стихов, хотя циклы и отдельные стихотворения печатались в периодической печати. Стихи Д. Гордеева активно переводили В. Широков, А. Парпара, П. Градов, С. Макаров, С. Каширин, Г. Пагирев, М. Головенчиц и др. Они печатались в литературных журналах «Москва», «Волга», в альманахе «Дружба».

Сатира и юмор всегда любимы и у читателей, и у зрителей. А потому тираж журнала «Капкан» всегда был выше, чем у остальных изданий. Было время, когда он переваливал за 100 тысяч экземпляров. Это вдохновляло Д. Гордеева на новые поиски в этом жанре.

После выхода в 1983 г. сборника повестей и рассказов «Вышитая рубашка» о Д. Гордееве заговорили как о способном прозаике. Критик и литературовед Ю. Артемьев в своей статье «Что посеешь, то и пожнешь» (журнал «Таван Атал». 1986. №3) детально разбирает его рассказы. Автор выделяет небольшое по объему произведение «Разбитое окно», конфликтной пружиной которого стала неожиданная бытовая коллизия. Герой рассказа Мефодий Иванович как-то заметил, что кто-то ночью разбил окно. Пойти и заявить в ЖЭК было бы проще, но дело может затянуться. Он сходил в гараж, принес стекло, поставил. Стоит и любуется, тут появляется соседка Томна Матвеевна: «Ты, вроде бы, не пьющий, как умудрился стекло разбить?» У нее своя железная логика: зачем ставить, если не разбивал? На шум собираются соседи. Ничего не остается бедолаге, как признаться. «Я разбил! Я! Вот так разбил!» — Замахивается молотком и действительно разбивает стекло. В неожиданной развязке есть психологический эффект, читатель этому верит.

По мнению некоторых писателей, произведения крупного жанра пишутся легче. Д. Гордеев с этим не согласен, ведь повести и романы требуют от автора совсем другого подхода: нужно суметь «войти в материал». Иначе получится просто длинный рассказ со схематичностью образов и скучной описательностью. Так называемый малый жанр сокращает время от написания до публикации, а крупная проза надолго задерживает писателя за письменным столом. После одной из бесед с писателем П. Осиповым, когда тот работал над романом «Эльгеевы», Д. Гордеев понял: если писатель хочет оставить достойное наследие, он вряд ли сможет заниматься чем-то еще, кроме литературы. Тому много примеров. Скажем, К. Турхан вряд ли написал роман-эпопею «Свияга впадает в Волгу», если не отдался полностью литературному труду. Из этих соображений Д. Гордеев твердо решил перейти на профессиональную работу писателя.

Жизнь складывалась по-разному. Печатался в журналах, зарабатывал на жизнь. Только через два года выпустил прозаический сборник. Затем удалось осуществить большие замыслы. К началу этого века он сумел закончить две книги из задуманных шести многопланового романа «Курган Улыпа». В последние годы вышли пять объем-

Д. Гордеев
с женой Валентиной
Захаровной,
с дочерьми Светланой
и Аленой,
внуком Львом.
2007 г.

ных книг, в которые вошли три романа, семь повестей. Труд писателя оценен читателями. По результатам конкурса, который ежегодно проводит Чувашская национальная библиотека, произведения Д. Гордеева признаются самыми читаемыми. Так книга «Семикрылый грач» в 2003 г. стала победителем в номинации «Самая читаемая книга», набрав более 1240 голосов читателей. Книги «Тайный грех», «Порча» также стали лауреатами этого конкурса.

В произведениях писателя находят отражение жизнь и нравы современного общества. Он активно откликается на новые веяния и перемены, вторгающиеся в жизнь человека. Основными достоинствами произведений Д. Гордеева являются злободневность и актуальность. На важнейшие события второй половины столетия автор откликнулся рассказами или повестями. Романы же, как и положено эпическому жанру, охватывают целую эпоху. В этом смысле Д. Гордеева смело можно назвать летописцем своего

времени. Он осветил события «холодного лета» 1953 г. На сцене Чувашского государственного академического драматического театра им. К.В. Иванова с успехом идет спектакль, поставленный по его повести «Поле жизни». Среди персонажей книг автора есть и целинники, и жертвы ГУЛАГа, и участники афганских событий. Много произведений писатель посвятил участникам Великой Отечественной войны. Среди них и повесть «Чужое сердце».

Как настоящий художник, Д. Гордеев не писал под прессом соцреализма, а нашел свой собственный стиль. Удалось ему избежать и влияния конъюнктуры.

Д. Гордеев развивал в чувашской литературе одну из традиционных тем классической русской литературы, обратившись к проблеме «маленького человека». Также одной из основных для него стала проблема обездоленных детей. Непродолжительная работа воспитателем детского дома оставила в его душе неизгладимый след. Сломанные судьбы детей и сегодня глубоко волнуют писателя. Этой теме посвящены повести «Лосенок», «Семикрылый грач», «Глухариный ток», рассказы «Танец Макумбы», «Тилит-тилит Мигулай», «Страдания птицы малиновки» и др.

Д. Гордеева критики нередко называют «чёлхеллё» писатель, относят к числу наиболее ярких стилистов. Писателю также свойственна оригинальность композиционного построения произведения.

Несмотря на солидный литературный багаж, Д. Гордеев считает, что свое лучшее произведение он еще не написал. У него большие планы. К тому же, с возрастом пришли опыт и профессионализм. Д. Гордеев научился организовывать свой труд, насколько возможно вообще организовать творческий процесс или управлять вдохновением. Каждый день он садится за письменный стол, и каждая новая строчка становится отражением его переживаний. Так устроен писатель: хочется воплотить все задуманное, поделиться с читателями своими мыслями и своим жизненным опытом.

Писателям выпадает такая доля — за одну свою жизнь прожить несколько жизней с каждым своим персонажем. Это и огромное счастье, и невероятная мука. Но такова судьба каждого пишущего человека.

Д. Гордееву присвоены почетные звания «Заслуженный работник культуры Чувашской Республики» (2000), «Народный писатель Чувашской Республики» (2008), он — лауреат премии им. К. Турхана Союза профессиональных писателей республики.

С.Д. Гордеева

**Василий
Иванович
Давыдов-Анатри
1917**

*Н*ародный поэт Чувашии (1990),
автор книг «Чемень и Мерчень»,
«Сатиновая рубашка»,
«Песни мои — крылья мои»,
«Рядом с товарищами» и др.,
а также автор текста многих
популярных песен.

УЛЫП ПЕСЕННОЙ ПОЭЗИИ

На стыке сурских лесов и степного края Чувашии, на левом берегу извилистой речки Була, раскинулось старинное крупное село низовых чувашей Большие Арабузи (входит в Батыревский район). С двух концов, как два крыла, обнимают его две рукотворные сосновые рощи. Веками живут здесь хлеборобы, наделенные исключительным трудолюбием и выносливостью, преданные традициям отцов и дедов. Этот черноземный, живописный, песенный край подарил родному народу немало талантливых людей: писателей, мастеров искусства, ученых, военачальников. Среди них фольклорист П. Пазухин, видный исследователь чувашского языка Т. Матвеев, классик чувашской литературы В. Митта, современный поэт-философ Н. Исмуков. В этом же ряду — народный поэт Чувашии В. Давыдов-Анатри.

Родился он 26 декабря 1917 г. Вырос в окружении добрых народных традиций, в мире волшебных сказаний. Его биография — это страницы истории народа, богатое прошлое республики.

После окончания сельской семилетки Василий как активный селькор был направлен на учебу в Чувашскую областную газетно-партийную школу, по окончании которой поступил в учительский институт. Накануне Великой Отечественной войны служил в рядах Советской армии, откуда был демобилизован по состоянию здоровья. Впоследствии работал редактором районной газеты, литсотрудником газеты «Коммунизм ялавл», инструктором обкома партии, заместителем и главным редактором Комитета радиотелевизионной информации при Совете министров республики, редактором книжного издательства, директором бюро пропаганды художественной литературы Союза писателей Чувашской АССР.

Еще в подростковом возрасте под влиянием фольклора родного края родилась в его душе тяга к познанию красоты окружающего мира, к поэтическому осмыслению бытия. Первое стихотворение поэта «Летняя краса» было опубликовано в Первомайской районной газете «Коммунар» в 1936 г.

Сегодня Василий Иванович — автор более 40 книг. Его перу принадлежат такие популярные сборники стихотворений, как «По велению сердца», «Наше счастье», «Молодое племя», «Хороши вы, друзья», «Весенние дни», «Стихотворения», «Песни мои — крылья мои», «Стихи от всей души», книги рассказов и очерков «Обновляется де-

ревня», «Мы — братья родные», книга воспоминаний и путевых заметок «Рядом с товарищами» и др.

Сколько сыновней любви и преданности звучит в каждой строчке, посвященной родной республике:

Чувашский край — передо мною,
И гордый голос все слышней.
Я славлю песней молодую
Восход его высоких дней.
Чувашский край, с какой любовью
Ты с малых лет меня растил!
И душу радует сыновью
Размах твоих растущих крыл.

(Перевод О. Цакунова)

Тема родины — большой и малой — является в его творчестве ведущей. Такие понятия, как край родной, отчий дом, земля отцов, священны для его лирического героя.

По утрам по росе я сбегая с крыльца
В сад цветущий, взращенный руками отца.
С каждым днем все пышней и красивей,
Неумно и буйно цветут деревца!
Счастлив я, что родился в России!

(Перевод В. Стрелкова)

В. Давыдов-Анатри — признанный мастер сатирических и юмористических произведений. В числе лучших — рассказы «Деньги», «Репейник», стихотворения «Слово пожарника», «Агафия», «Серебряный половник», «Жалобщик», «Хватит!», пьесы «Вот комедия», «Лошадка на семи ножках» и др., в которых автор бичует тех, кто стоит на обочине современной жизни.

В числе крупных произведений В. Давыдова-Анатри — поэма «Чемень и Мерчень». В ней, построенной на фольклорном материале, изображена тяжелая жизнь родного народа в прошлом и его борьба за свободу. Достоверными и убедительными оказались образы юноши Чемени и девушки Мерчень, которые ведут мужественную борьбу против своих угнетателей. Это произведение заметил известный русский поэт, Герой Социалистического Труда С. Наровчатов: «В поэме много драматических моментов, сюжет развивается интересно и естественно. Она по-настоящему народна, истоки ее — в чувашском фольклоре, в ней прощупываются песенные интонации, слышатся поговорки и пословицы».

Певец В. Ильметов,
поэты
В. Давыдов-Анатри,
Г. Айги. 1985 г.

Поэма получила 3-ю премию на республиканском конкурсе на лучшее произведение литературы и искусства, посвященном 25-й годовщине Чувашской АССР.

Заметным событием в чувашской поэзии стала также поэма «Парень из Шоршел», посвященная подвигу летчика-космонавта СССР А. Николаева. Положительно отозвался о произведении сам Андриян Григорьевич: «Мне кажется, что вы много потрудились над этим произведением и вам удалось написать его неплохо. Поэма мне понравилась».

В. Давыдов-Анатри известен как поэт-песенник. На его стихи композиторами написано около 600 песен. Еще в 1945 г. один из аксакалов чувашского искусства А. Тогаев сочинил музыку на стихотворение «Чувства сердечные». Яркие, музыкальные строки поэта привлекали к себе внимание последующего поколения композиторов. Особенно тесная творческая дружба сложилась у него с Ф. Лукиным, Г. Лебедевым, А. Орловым-Шузьмом. Большой популярностью пользуются его песни: «В небе ярко светят звезды», «Песня мира и дружбы», «Марш молодежи», «Счастливая дружба», «Родная сторона», «Расцветай, земля чувашская!», «Отчизна-мать» и др. В. Давыдов-Анатри является автором либретто оперы Ф. Васильева «Чемень». Музыкальные произведения, созданные на его стихи, проч-

но вошли в репертуар Чувашского государственного ансамбля песни и танца, Чувашской государственной академической капеллы, народных хоров, коллективов художественной самодеятельности. Часто звучат они по радио и телевидению. Василий Иванович любит чувашские народные песни. Вместе с супругой Марией Максимовной (1919—2005) он часто исполнял их на литературно-художественных вечерах, в записи они нередко звучат в эфире.

Большой вклад внес В.Давыдов-Анатри в развитие чувашской детской литературы. Адресованы они, в основном, дошкольникам и младшим школьникам. В числе крупных прозаических произведений — повесть «Сатиновая рубашка», созданная на автобиографическом материале. По объему она не велика — состоит из небольших рассказов. Повествование ведется от имени сельского мальчика Васyleя. Автору удалось глубоко передать душевное состояние растущего человека. «На самом деле, что же такое Родина? — задумывается герой повести. — Я так думаю: Родина это — родившие нас папа и мама, качавшая меня в младенчестве колыбель, любимые братья и сестры; Родина это — наше лукошко для грибов, звонкоголосая свирель из красной глины, поющий прелестные песни у родного дома красавец-скворец; Родина это — переданный нам родителями язык, любимая наша песня. Отец говорил так: «Человек, преданный Родине, всегда будет пожинать плоды добра».

Такой философский финал раскрывает основную идею повести.

Прозаик знакомит мальчиков и девочек со своей деревней, родной природой, тепло повествует о родителях, братьях и сестрах, сверстниках. Любовно вспоминает он о школьных годах, семейных буднях, взаимоотношениях взрослых и детей. В рассказах «Красный галстук», «Одна фуражка на двоих», «Трактор, трактор!», «Красные посиделки», «Длинный кнут» и других правдиво изображены картины послевоенной чувашской деревни. Автор в них умело использует описание праздников и обычаев, таких, как свадьба, акатуй, хоровод, отрывки народных песен. Это придает повествованию живость и яркость, повышает эмоциональное восприятие образов. Произведение можно отнести к лирической прозе. Оно насыщено пейзажами юга Чувашии: во всей красе предстает перед читателем Сурский лес, река Була с зелеными лугами и т.д.

Факты автором взяты из личной жизни. Юный герой, окунувшись в гущу общественных событий, развивается, укрепляется духовно и физически, расширяются его кругозор и мировоззрение. Повзрослев, Васyleй уже начинает понимать суть происходящего вокруг. Характер его крепнет в общении с односельчанами, со

сверстниками, в познании своих, иногда не совсем достойных поступков, в преодолении ложных убеждений.

В. Давыдов-Анатри — мастер коротких рассказов для маленьких. Эти произведения привлекают своей естественностью, искренностью, чистотой. Писатель не преследует цели искать в делах и поступках юных героев чего-то особенного, сверхъестественного. Он находит романтику в каждодневных делах: в работе в поле и на придворном участке, в уходе за домашним скотом, в посадке и выращивании деревьев, в дружественных взаимоотношениях детворы. У его персонажей, конечно, есть свои плюсы и минусы, слабые стороны. Но они любознательны, настойчивы и решительны по выполнению поставленных перед собой целей. Такими предстают, например, перед читателями братья Педер и Сандор из книги «Братишки». Таковыми являются герои многих рассказов, включенных в книги «Мы — братья родные», «Дорогами отцов». Веет от этих произведений сердечным теплом.

Немало труда вложил В. Давыдов-Анатри в развитие детской поэзии. Стихи и песни его полюбились не одному поколению юных читателей. Поэт пишет об их каждодневных заботах. Его герои трудолюбивы, самостоятельны, жизнерадостны. Стихи отличаются тонкой наблюдательностью, выдумкой и фантазией, простотой и естественностью. Они ярко и многообразно показывают солнечные дни

В кругу семьи.
1973 г.

детства, создают образ веселого и неунывающего человека, верного традициям отцов и дедов, преданного Родине. Герои стихов В. Давыдова-Анатри — озорные и любознательные мальчишки и девчонки. Они активны по своей натуре, одержимы жаждой познания большого и сложного мира. Во многих стихотворениях («Письмо», «Синичка»), как и в прозаических произведениях писателя, рассказ ведется от имени юного героя.

Сельская тема и труд — сквозная тема лучших детских стихотворений В. Давыдова-Анатри. К ним относятся «Весенний сев», «Аниса», «После дождя», «Перепелка», «Кедерук». Первостепенную задачу автор видит в воспитании у детей человечности и скромности, трудолюбия.

Источником для детской поэзии В. Давыдова-Анатри является фольклор. Получили заслуженное признание у ребят его стихотворные сказки «Травка, лапоть и пузырь», «Лисица и собаки», «Жадный волк», «Бесхвостый медведь», «Трутень», «Конец света», «Хитрец», «Бедняк и богач», «Воробей», «Волк и журавль», «Арси-Краса», «Илья-Батыр», представляющие собой вольный пересказ образцов народного творчества. Некоторые из них неоднократно переиздавались и стали хрестоматийными произведениями.

Примечательной чертой поэта В. Давыдова-Анатри являются его неразрывная связь с народом, постоянные тесные контакты с трудовыми коллективами. Он систематически выезжает в районы, встречается с крестьянами, рабочими, интеллигенцией, молодежью и детворой. При этом поэт стремится не только пропагандировать свои книги, оказать помощь юным дарованиям, но и собирать материал для новых произведений. Конечно, он нередко выезжает и в родной Батыревский район. Мне, работавшему в редакции газеты «Авангард» и райкоме КПСС, посчастливилось не раз быть свидетелем встреч поэта с земляками. Так, в апреле 1965 г. он приехал на совещание молодых авторов и рабселькоров. Вместе с А. Талвиром, П. Хузангаем Василий Иванович накануне посетил редакцию, ознакомился с делами литературного объединения им. В. Митты, изучил произведения местных авторов. Потом вместе со своими коллегами встретился с творческой молодежью. Состоялся непринужденный разговор с начинающими поэтами и прозаиками. Гости обратили внимание на творчество талантливого автора П. Эреветя, с которым начали переписку.

Вспоминается еще одна встреча. В декабре 1983 г. Василий Иванович приехал в родной район на выездное занятие постоянно действующего семинара творческих работников республики. Побывал

он тогда в Тойсинском краеведческом музее, встретился с тружениками колхоза «Гвардеец», прочитал им свои стихи, побеседовал с местными молодыми авторами.

В начале 1973 г. поэт зашел в отдел культуры обкома КПСС, где я тогда трудился инструктором, и восторженно рассказал о своих впечатлениях после посещения строительства Чебоксарского завода промышленных тракторов. Вскоре он взял шефство над одной из комсомольско-молодежных бригад. Систематически он выступал перед рабочими с чтением своих произведений, знакомил их с новинками литературы. Им был опубликован ряд очерков и статей о строителях тракторного гиганта. Лучшие из них (очерк «Друзья-тракторостроевцы» и стихотворение «Тракторный завод») вошли в сборник произведений чувашских писателей «Свет тракторостроя» (1975). В дружестве с композиторами республики им написано четыре песни о заводчанах.

Инициатива В. Давыдова-Анатри получила одобрение руководителей Чебоксар, а спустя многие годы, в 1993 г., ему было присвоено звание «Почетный гражданин города». В статье «Нас ждут друзья», напечатанной в газете «Советская Чувашия» (1980), поэт сообщает: «Писать об этих героях труда, рассказывать народу об их делах — долг, почетная обязанность творческих работников. Поездки на тракторострой стали для меня внутренней потребностью. Я лично нахожусь в большой дружбе с членами комплексной бригады Александра Ятранова... Здесь я обрел много новых друзей».

Хорошо помню, как в 70—80-х гг. XX в. доброе начинание Василия Ивановича нашло горячую поддержку у других деятелей литературы и искусства. Среди них были известные писатели И. Лисаев, М. Юхма, Л. Таллеров и др.

В. Давыдов-Анатри — певец великой дружбы и братства народов, поэт-патриот и интернационалист. Он активно путешествует. В составе бригад писателей и по индивидуальным творческим планам он объездил почти все республики, выступал в Москве, Ленинграде, Киеве, Баку, Ереване, Тбилиси, Ташкенте, Махачкале, Риге, Уфе, Казани, Новгороде, Ярославле... Итогом этих поездок стал сборник воспоминаний и путевых очерков «Рядом с товарищами», изданный в 1981 г. на чувашском языке.

Во многих республиках бывшего Советского Союза у Василия Ивановича есть надежные коллеги, друзья, с которыми он периодически общается, советуется. Каждое посещение братской республики, каждая встреча с ее писателями оставляют в памяти чувашского поэта неизгладимые впечатления, дают новый импульс для

За чтением
корректур новой
подборки стихов.
1995 г.

развития дружественных связей. В одной из своих статей он пишет: «Дружба... Неизмеримо высоко значение этого слова. Его веяние, его влияние мы хорошо ощущаем в повседневных кипучих делах, культурных общениях. Дружба и братство вдохновляют и воодушевляют души и сердца наших людей, окрыляют их».

В июне 1980 г. В. Давыдов-Анатри посетил Башкортостан. Вместе с чувашскими писателями А. Галкиным, Н. Артемьевой и коллегами из братской республики М. Каримом и М. Гали участвовал и выступил с яркой речью на вечере дружбы, посвященном 90-летию со дня рождения классика чувашской литературы К. Иванова. Праздник состоялся в главном храме

культуры республики — в Башкирском академическом драматическом театре имени М. Гафури. Юбилей превратился тогда в подлинный праздник дружбы и братства, послужил благородному делу патриотического и интернационального воспитания людей. «Трудно подобрать слова, — писал Василий Иванович впоследствии в статье «Башкортостан чествует нашего поэта», — чтобы выразить то, как нам, башкирскому и чувашскому народам, помог укрепить дружбу талант Константина Иванова и его бессмертное имя».

В. Давыдов-Анатри в книге «Рядом с товарищами» тепло пишет и о своих встречах с классиками русской литературы. Так, в 1958 г., будучи в Москве на курсах редакторов отделов детской литературы местных издательств, ему посчастливилось пообщаться с С. Михалковым. Тогда Василий Иванович побывал и в доме К. Чуковского. Состоялся откровенный, душевный разговор о призвании и долге детского писателя.

— Детям нравятся произведения с интригующим художественным сюжетом. События в них должны происходить незаметно, быстро. Надо писать сочным и выразительным языком, — говорил аксакал детской литературы.

Потом Корней Иванович расспросил каждого из присутствовавших, откуда он родом, каковы его художественные интересы. После знакомства попросил чувашского поэта прочитать несколько стихотворений на родном языке. Василий Иванович прочитал стихотворение «Коза». Корней Иванович был удовлетворен: «Хотя я не владею чувашским языком, тем не менее ясно ощутил интонацию стихотворных строк. Рифмы полные, созвучные. Неплохо. Желаю Вам успехов».

В 1950 г. В. Давыдов-Анатри вместе с другими деятелями культуры республики участвовал на Днях чувашской литературы и музыки в г. Москве. Однажды на вечере дружбы он оказался рядом с А. Твардовским и имел счастье с ним побеседовать. Александр Трифонович расспросил его о делах чувашских писателей. Василий Иванович рассказал о работе Г. Айги над переводом поэмы «Василий Теркин» на чувашский язык.

В мае 1956 г. Василий Иванович в Московском писательском доме «Малеевка» познакомился с известной поэтессой О. Берггольц. С большим интересом слушал он во время встреч ее стихи, а также трогательный рассказ о тяжелых годах войны, проведенных поэтессой в блокадном Ленинграде. Ольга Федоровна познакомила его с выдающимся русским поэтом М. Светловым.

**Народные поэты
Чувашии**
В. Давыдов-Анатри,
Г. Ефимов,
Ю. Семендер,
П. Афанасьев,
В. Тургай.
2004 г.

Книга «Рядом с товарищами» содержит также очерки и воспоминания об известных деятелях чувашской литературы и искусства — М. Сеспеле, Н. Полоруссове-Шелеби, С. Эльгере, П. Хузангае, В. Митте, видных прозаиках В. Паймене, И. Мучи, М. Трубиной, А. Талвире, Л. Агакове, композиторах В. Воробьеве и Г. Лебедеве, режиссере Б. Маркове и др.

Творческая и общественная деятельность В. Давыдова-Анатри нашла достойное признание — ему присудили высокие звания заслуженного работника культуры Чувашской АССР (1967) и РСФСР (1976), народного поэта Чувашской АССР (1990). Писатель награжден орденом Дружбы народов, медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», «За доблестный труд. В ознаме-

нование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина» и т.д. Он являлся депутатом Чебоксарского городского Совета, членом Советского комитета солидарности стран Азии и Африки, членом правления Союза писателей Чувашии, членом Чувашского республиканского комитета защиты мира.

Земляки присудили ему звание почетного гражданина Батыревского района. Вместе с композитором А. Бурундуковым он написал гимн родного района, который звучит на праздниках и торжественных вечерах.

Когда речь заходит о поэтах-песенниках, первым читатели называют имя В. Давыдова-Анатри. Его многочисленные песни, созданные на основе традиций чувашского устного поэтического творчества, полны оптимизма, трепетного волнения и радости.

А.И. Мефодьев (Аксар)

**Анатолий
Викторович
Емельянов
1932—2000**

*Н*ародный писатель Чувашии (1990),
талантливый прозаик,
публицист, автор книг
«Разлив Цивилья», «Колокольчики»,
«Черные грузди»,
«Серебряный ветер» и др.

ДУША ОБЯЗАНА ТРУДИТЬСЯ

У меня писателя Анатолия Емельянова всесоюзный читатель, пожалуй, впервые узнал по роману «Разлив Цивилия» (1972), поднимающему острейшие проблемы сельской жизни той поры. Правда, автор, чувствующавший перемены в обществе, к этому рубежу подошел с опубликованными в ряде органов центральной печати проблемными очерками. Роман же был явлением новым не только для чувашской литературы. Молодой писатель имел одно преимущество: в поисках своего героя, человеческих характеров и реальных коллизий, наконец, свежих красок и выразительных средств он шел от жизни, а не от литературных штампов и клише. Проблемность, злободневность, гражданская активность — вот с чем связывал начинающий автор свое литературное кредо. Такое понимание писательской задачи наложило печать на стиль и почерк А. Емельянова, на его творческие искания в целом.

Необходимо сказать и о том, что А. Емельянов пришел в литературу в тот период, когда очерки В. Овечкина, Г. Радова, Г. Троепольского и других были на слуху у массового читателя, опыт этих мастеров слова также повлиял на творческие поиски чувашского писателя. С учетом этого фактора и можно объяснить тот «запас прочности», которым обладают ранние произведения прозаика: сегодня, перечитывая их, по-новому осмысливаешь многие явления общественной жизни и круг затронутых автором проблем. Герои, романтически увлеченные страстной идеей обновления жизни, бескорыстные, деятельные, вызывают симпатию. Поэтому ранние произведения А. Емельянова воспринимаются не просто как документ времени, в них сохранился заряд подлинных человеческих чувств, мыслей, страстей и переживаний. Отчетливо слышны были в повестях и рассказах тех лет и нотки, созвучные основной тональности «деревенской прозы». Правда, взятый чувашским автором характерный срез жизни, ракурс изображения отличались от традиционного подхода к этой теме. Не совсем точно было бы сказать, что А. Емельянов скептически относился к той ностальгии по разрушенному патриархальному миру российской деревни, ее укладу, культуре, утраченным ценностям (проза В. Астафьева, В. Белова, В. Распутина и др.), без которой немыслимо творчество «писателей-деревенщиков». Аналитический взор писателя, казалось бы, также был

А. Емельянов,
Н. Ильбеков,
А. Талвир,
С. Михалков,
А. Дедушкина,
А. Дедушкин,
Г. Орлов на V съезде
писателей СССР.
г. Москва.
1971 г.

направлен на те сферы бытия, где в едином узле связаны проблемы общекультурные, национальные, бытовые, но А. Емельянов преимущественно был склонен к социологическому «препарированию» социально-экономических и общественных аспектов действительности: показать деревню изнутри, чем она живет, какие противоречия ее раздирают, каковы перспективы ее дальнейшего существования. При этом он не ограничивался констатацией явлений и характерных тенденций, а искал пути преодоления трудностей и выходы из тупиковых ситуаций. Нередко в прозе А. Емельянова художественное и автобиографическое «я» выступали в неразрывной слитности прежде всего в тех произведениях, где центральный герой возглавляет райком партии или какое-либо пред-

На трибуне
XII съезда писателей
Чувашии.
1980 г.

приятие. Это также не совпадало с традиционными представлениями о герое чувашской литературы. Писатель же воссоздавал только те явления и аспекты жизни, которые ему были близки, то есть те пласты быта и бытия, которые прочно обосновались в багаже собственной души, духовного опыта. Здесь иногда не обходилось без язвительных выпадов и иронических шуток по поводу избранного ракурса изображения (взгляд «с высоты»!), дескать, автор видит и показывает жизнь глазами руководителя районного масштаба. Но писатель упорно шел непроторенным путем, оставаясь верным своей теме.

А. Емельянов родился 10 января 1932 г. в д. Сендимиркино Вурнарского района Чувашской АССР. После семилетки поступил в Вурнарский зоотехникум. Трудовую деятельность начал с дипломом ветеринарного фельдшера, а затем отслужил в армии. Сегодня, листая страницы биографии именитого автора, обращаешь внимание на один любопытный факт: оказывается, еще во время солдатской службы в Германии он «грешил» сочинением стихов, а решился опубликовать их лишь в последние годы. Строки эти пронзительно лиричны, наполнены юношеским оптимизмом, дышат грустью по далекой чувашской земле.

После демобилизации А. Емельянов свою жизненную карьеру долго связывает с партийной работой, где сначала был пропагандистом, а затем — секретарем райкома. Работая с людьми, решая

проблемы, постоянно требующие внимания, усилий, он накапливает богатые жизненные наблюдения, материал и нередко использует острое перо публициста. Вместе с тем находит время и для создания повестей, рассказов, зарисовок, эссе. Казалось бы, партийная работа на столь солидном уровне съедает все время, отнимает все силы. Да и сама возможность сочетания этих «взаимоисключающих» сфер деятельности в среде творческой интеллигенции ставится под сомнение. Но созданная А. Емельяновым галерея художественных образов партийно-хозяйственных руководителей убеждает читателя в том, что только так, повседневно находясь среди прототипов, постоянно общаясь и наблюдая за их действиями, автор мог реализовать свою творческую сверхзадачу. Каждое произведение писателя, будь это повесть «Колокольчики», роман «Черные грузди» или цикл рассказов, очерков, насыщено социальными и нравственными проблемами, раздумьями и тревогами. Одна из сильных сторон прозы А. Емельянова заключается в умении соединить глубину социологического анализа с пластикой художественной формы.

Появление романа «Разлив Цивилья» стало значительным событием в литературной жизни Чувашии 60-х гг. XX в. Напутствуя молодого прозаика в настоящую литературу и предрекая ему большое будущее, руководитель Союза российских писателей С. Михалков в предисловии к роману, вышедшему в издательстве «Современник», отмечал уникальность биографии автора этого интересного и яркого произведения, первого секретаря Вурнарского райкома партии. И действительно, образ Павла Кадышева был новым явлением во всей многонациональной российской литературе. Свой трудовой путь герой произведения начал с профессии тракториста, при этом вовсе не стремится делать карьеру. Он по-настоящему любит землю, выучившись на агронома, сполна реализует свои творческие способности, чем завоевывает поддержку и уважение со стороны коллектива тружеников.

Не менее интересна и колоритная фигура председателя колхоза Трофима Прыгунова. Он вывел колхоз в передовики, поэтому на виду даже у республиканского руководства, получает награды, звания. Но партторг Кадышев видит, что привычка купаться в славе, любовь к почету, похвале нередко подталкивают Прыгунова к использованию неприемлемого стиля руководства коллективным хозяйством. Личные амбиции, нежелание считаться с мнением коллектива привели председателя к самоизоляции. Драматизм судьбы раскрыт в романе психологически глубоко и вызывает у читателя понимание и сочувствие. Конфликт производственный единым

узлом туго связан с напряженными взаимоотношениями председателя с женой Марией. Простые труженики в лице Кадышева поддерживают новое и перспективное. Автор сумел передать атмосферу периода начала 1960-х гг., связанную с большими надеждами на перемены во всех сферах жизни нашего общества.

Одна из лучших повестей писателя под названием «Колокольчики» дошла до читателей в начале 70-х гг. XX в. Герой произведения Александр Васильевич, один из лучших инструкторов райкома, назначается секретарем партийной организации колхоза «Серп». Его отличает гражданская активность, он идет навстречу деятельной жизни, трудится на благо людей. Богат и внутренний мир героя, он умеет сдерживать чувства, беречь их чистоту (отношения с Люсей), внимателен к людям. Бесспорно, была в подобном образе и некоторая идеализация. Но не испытываем ли мы сегодня чувства ностальгии по таким героям: куда исчезли их бескорыстие, доверие к людям, вера в духовность?! Да, это не плод писательского вымысла, в то время действительно были личности, по внутреннему убеждению ставившие общественные интересы выше частных, индивидуальных.

Герои А. Емельянова всегда отличались активным вмешательством в жизнь, они чуть-чуть опережали время, видели чуть дальше других, а нередко с тревогой и пылом энергии оказывали противодействие разрушающим жизнь процессам и явлениям. В романе «Черные грузди» автор создал колоритный и жизнедеятельный образ Семена Крыслова. Необычность здесь заключается в том, что этот герой опередил свое время и выглядит «нетипичным» для реальности середины 1980-х гг. Крыслов — человек трудолюбивый, хваткий, инициативный. Жизнь научила его держаться особняком, не лезть туда, где правит бал стихия толпы. Но беда в том, что социально-экономические условия сковывают инициативу этого предприимчивого человека. Он вынужден обманывать, ловчить и т.д. Не менее драматична судьба жены Крыслова — Урине. Она была когда-то красивой, веселой девушкой, но под прессом жизни согнулась и, наконец, окончательно сломалась. Под стать ей и сыновья. Драматический конец и разрушение семьи Крысловых были обусловлены жизненными реалиями. Правда, автор оставил надежду, что младший сын Крыслова Коля сумеет найти себе достойное место в жизни.

А. Емельянов чутко следил за переменами, происходящими в деревне, а его публицистические вторжения в реальные процессы, оценки и выводы, как правило, бывали выверенными, спроециро-

Вручение
А. Емельянову
ордена
Дружбы народов.
1982 г.

ванными на перспективу. Для точных прогнозов надо самому постоянно находиться в гуще жизни, действовать, а не только созерцать. Если ученый руководствуется научными выкладками и данными, то писатель опирается еще и на силу художественной интуиции. Поэтому неудивительно, что А. Емельянов еще в 70—80-х гг. в своих произведениях показал типы деловых людей, чья инициатива и деятельная хватка не всегда находили поддержку и понимание и в верхах, и в массах. Характерна в этом отношении повесть «Год — тринадцать месяцев». Нелегко определить, что в ней доминирует — социальное начало или художественно-образный пласт. В раздумьях и мыслях вслух главного героя повести Великанова, возглавляющего крупный чебоксарский завод, социально-экономические и куль-

турно-бытовые проблемы села настолько сконцентрированы, что за ними едва проглядывают общий абрис духовно-нравственного облика живых персонажей, личностное их начало. Будто сам Бог послал этого всезнающего и всемогущего человека в родное село Шигали, где, начиная от председателя колхоза Сетнера Осиповича и кончая рядовым механизатором, все заняты проблемами перевода коллективного хозяйства на промышленную основу. Сегодня не трудно заметить и отдельные крайности, и чрезмерный нажим в подходе к этому процессу, но тогда именно так, полемически заостряя вопрос, приходилось писателю утверждать «статус» делового человека в чувашской прозе.

В одну из последних книг писателя «Перевертыш» (1996) включены две повести и несколько рассказов. Они переведены на русский язык опытным переводчиком А. Дмитриевым, в совершенстве владеющим как чувашским, так и русским языками (к сожалению, это явление почти уникальное в практике переводческого ремесла). Переводчику удалось максимально сохранить своеобразие почерка А. Емельянова, а также национальный колорит чувашского текста. Вместе с тем автор перевода не ставил перед собой задачу рабского копирования подлинника: он реализовал богатые возможности русского языка для адекватной передачи целостного мира чуваша, архетипических основ его мироощущения, психологии.

Повесть «Перевертыш», увидевшая свет на чувашском языке в конце 1980-х гг., затрагивает острые проблемы, возникшие перед обществом в начальном периоде перестроечных процессов. Название произведения включает в себя достаточно емкое содержание и характеризует определенную категорию людей, обладающих инстинктом самосохранения, быстро приспосабливающихся к любым условиям жизни. Поэтому к «перевертышам» относится не только центральный герой повести Модест Мухтанкин; глубинная авторская позиция, словно лучом прожектора, освещает и обнажает пестрые лики тех, кто в поисках форм выживания меняет маски, шкуру, убеждения и т.д. Это и значительная часть коммунистов, успевших вовремя сдать партийный билет и в одночасье ставших «демократами», и руководители разного ранга, пересевшие из одного кресла в другое, и «варяги», типа Семена Ивановича, которых всегда и везде принимают с распростертыми объятиями, и многие другие. Поэтому читателю трудно избавиться от ощущения, что герои повести живут в некоем аморфном, словно река без берегов, безвременье, и что в этой мутной реке переходного времени вольготно чувствуют себя как раз перевертыши.

Депутаты Верховного Совета Чувашской АССР А. Хузангай и А. Емельянов. 1990 г.

Модест Мухтанкин также тип своего времени. Он — человек без принципов и твердых убеждений, стремится жить не хуже других. Деревенский парень, в школе не отличавшийся хорошими знаниями, упорно карабкается вверх по карьерной лестнице: получает высшее образование, женится по расчету на дочери влиятельных родителей, устраивается на теплом местечке в химической лаборатории. Постепенно человеком овладевает тайная мечта разбогатеть, купить «Жигули», эта страсть толкает его на кражу спирта, заставляет подсигивать своего коллегу и написать на него донос. Конечно, часть людей свои поступки и даже преступления оправдывает с ссылкой на то, что окружающие их граждане не ангелы и что у них тоже есть грехи, слабости и т.д. Именно подобного рода размышления помогают Модесту заглушать голос собственной совести, усыплять ее. На обывательский взгляд, Модест на фоне других мо-

Я. Ухсай
и А. Емельянов.

Писатели
А. Емельянов
и Хв. Уяр
с художником
В. Мешковым
(в центре). 1982 г.

жет показаться человеком удачливым, но душа его подвержена коррозии, и, по всей вероятности, процесс разрушения внутреннего стержня неостановим. В творчестве писателя этот образ имеет особое место: к нему нельзя подходить простыми мерками — «положительный» или «отрицательный». Автор внимательно прослеживает движение души Модеста, давая герою возможность самораскрыться. В результате получился полнокровный, жизненно правдивый образ.

Герой повести «Пастухи» Виктор Гречнев — человек аналитического ума, богато одаренный природой, склонный к самоанализу. Чем-то он напоминает ранних героев А. Емельянова, райкомовских секретарей, руководителей хозяйств, людей, преданных долгу и чести, живущих интересами общества. Гречнев в свои тридцать три года, по собственному выражению, в возрасте Христа, успел побывать в шкуре председателя

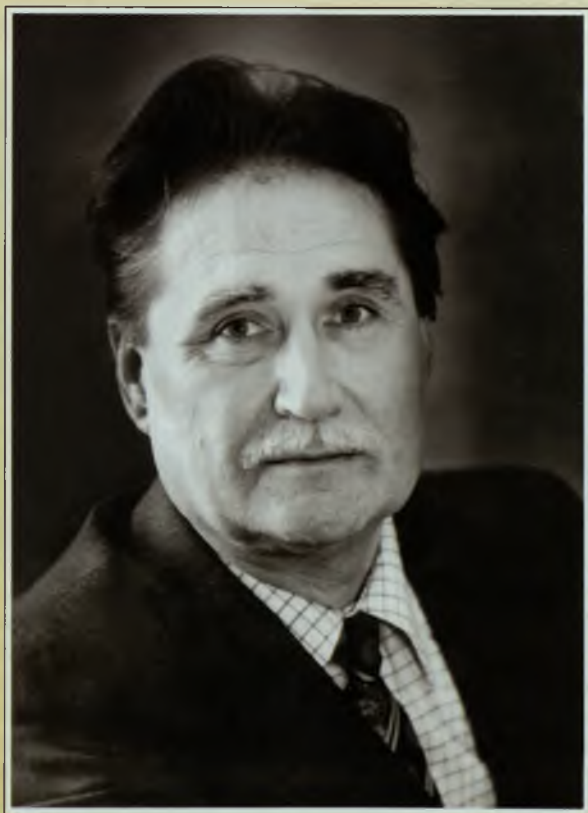
колхоза и проявил при этом качества умного и дальновидного хозяйственника. Конфликт между ним и пастухами обусловлен реалиями и ходом жизни: он видит, что люди, вроде секретаря райкома Булыжникова, ничего не смысля в сельском хозяйстве, связывают инициативу честных и работающих тружеников различными распоряжениями, нелепыми директивами, проработками и использованием «кнута». Гречнев чувствует, что не выдержит ему этого мощного пресса, по этой причине едет учиться в академию им. Тимирязева. Внутренний мир его богат и интересен: он понимает, что современному человеку недостаточны узкоспециальные знания. Поэтому герой много читает, живо интересуется художественной литературой, философией, историей, проблемами языка, религии, национальной культуры. В этом помогают ему умные наставники, например профессор Явников.

Работу над повестью автор начал еще в 1963 г., а завершена она в 1990 г. Поэтому в произведении нашли отражение живые впечатления и реалии периода хрущевской «оттепели». Несмотря на значительную временную дистанцию между первоначальным замыслом и его реализацией, автор смог донести до читателя и остроту проблем, и доминировавшие в обществе умонастроения, переживания, человеческие думы, некоторый подъем духа в начале 60-х гг. Думается, сегодняшний читатель с пониманием воспримет монолог Гречнева о себе, о времени, о современниках, ибо в этом исповедально открытом и предельно честном рассказе бьется живой пульс эпохи совсем недавнего нашего прошлого.

Заслуги А. Емельянова отмечены орденами Дружбы народов и Трудового Красного Знамени, медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина». Ему присвоено почетное звание «Народный писатель Чувашской АССР». Он также удостоен Государственной премии им. К.В. Иванова за книги «Имя» и «Бабье лето» (1990), премии Комсомола Чувашии им. М. Сеспеля за повесть «Колокольчики» (1975).

Ю.М. Артемьев

Георгий
Андреевич
Ефимов
1928—2005

*Н*ародный поэт Чувашии (1996),
автор книг «Молодость»,
«Голубая даль», «Медовый запах
липы», «Родник под ветлами»,
«Счастливая в беде» и др.

«ПЕРОМ НЕ ЛГАЛ Я НИКОГДА...»

...Много слов мог бы сказать и о Георгии Ефимове. Это большой, интересный поэт Чувашии, с удовольствием читаю его...

*Егор Исаев, лауреат Ленинской премии,
Герой Социалистического Труда*

На заре туманной юности перед Георгием Ефимовым лежали два пути. Ему предстояло выбирать дорогу между литературой и театром. Поиск верного ориентира продолжался недолго.

Г. Ефимов родился 9 июля 1928 г. в д. Передние Яндоуши Канашского района Чувашской АССР в крестьянской семье. Еще будучи учащимся Малокибечской средней школы, он начал писать в Чурачикскую районную газету «Сётерүшён» (За победу) короткие заметки и зарисовки о жизни односельчан. Способности сельского юнкора заметили и уже после окончания девятого класса в 1944 г. его пригласили в редакцию, сразу доверили должность ответственного секретаря. Однако задержаться в газете ему не пришлось. В том же году, осенью, он поступил в театральную студию при Чувашском государственном академическом драматическом театре им. К.В. Иванова, по окончании которой стал артистом Ибресинского районного передвижного театра.

В 1948 г. по направлению Союза писателей Чувашии Г. Ефимов поступает в Литературный институт им. А.М. Горького. Студенческие годы оставили в его памяти много ярких впечатлений и незабываемых воспоминаний. Молодого литератора окружали талантливые поэты и прозаики, приехавшие со всех концов необъятной страны. Впоследствии многие из них стали известными на всю страну писателями, как, например, В. Фирсов и В. Солоухин. Они и после института держали с чувашским поэтом дружескую и творческую связь. Переводили его стихи, которые публиковались в центральных газетах «Известия», «Комсомольская правда», «Водный транспорт», в журналах «Огонек», «Москва», «Молодая гвардия», «Наш современник», выходили отдельными книгами в издательствах «Советский писатель», «Советская Россия», «Художественная литература», «Малыш» и др.

Г. Ефимов
(первый справа)
среди студентов
Литературного
института
им. А.М. Горького.

А сколько интересных встреч было в студенческие годы в Москве! Разве забудешь, как вместе с однокурсниками ходил в гостиницу «Москва» к М. Шолохову, чтобы пригласить его на встречу со студентами литинститута! Никогда не сотрется в памяти и то время, когда жили в общежитии на даче в Переделкино. Там встречались со многими известными писателями — А. Фадеевым, А. Сурковым, Б. Пастернаком и др. Однажды с одним русским поэтом пожаловали на дачу во Внуково к маститому песеннику М. Исаковскому, где после легкого застолья студент спел хозяевам три чувашские песни.

В том же Литературном институте довелось познакомиться с талантливым, тогда еще не признанным писателем А. Платоновым — автором знаменитого романа «Котлован». Среди студентов ходили слухи, что угрюмый мужчина в солдатской шинели, ловко орудующий метлой во дворе литинститута, не кто иной, как талантливый прозаик. Однажды Георгий с однокурсником, уловив момент, подошли к нему и напрямик спросили: «Вы писатель Андрей

Платонов?» Тот кивком подтвердил. «Почему вы здесь, а не за рабочим столом?» — неделикатно поинтересовались студенты. «А мне это занятие нравится, — спокойно ответил писатель. — Физическая работа на свежем воздухе для здоровья очень полезна».

В другой раз, когда после стипендии в кармане завелись деньги, студенты пригласили А. Платонова в пивную. Он не сразу согласился, а потом все-таки решился: «Хочется с литераторами пообщаться. А то живу я бирюком. Спасибо, уважили...»

Прозаик жил рядом, в одном из домов на втором этаже. Как-то он пригласил Г. Ефимова к себе: «Хотите, у меня согреемся, чайку попьем...» Обстановка в комнате была очень скромная — старенький диван, кровать, зато много книг. «Подать на стол пряники и шоколад я не могу», — извинился хозяин, наливая гостю чай. Чувашский студент робко попросил у писателя рукопись какого-нибудь рассказа, чтобы перевести на родной язык. А. Платонов без уверенности в осуществимости этой затеи отыскал экземпляр известного рассказа «Полотняная рубашка». Опальный писатель знал, что говорил. Перевод этого произведения Г. Ефимов предложил редакции одного из чувашских журналов. Рукопись вернули без объяснения причин. Рассказ увидел свет лишь через двадцать лет, когда писателя уже не было в живых.

Особенно тесные творческие отношения сложились у Г. Ефимова с известным русским писателем, лауреатом Государственной премии России В. Солоухиным. Будучи однокурсниками, они познакомились в Литературном институте. Потом это знакомство перешло в крепкую дружбу. Автор широко известной книги очерков «Владимирские проселки» приезжал к своему чувашскому другу на юбилей, а Г. Ефимов побывал на его родине — в д. Алепино Владимирской области. Он всегда с большим почтением говорил о Солоухине-переводчике. Разумеется, его удивительно сочный русский язык не может не вызвать восхищения. Стихи чувашского поэта в переводе В. Солоухина охотно печатали в газете «Литературная Россия», в журналах «Огонек» и «Молодая гвардия». Кстати, с его подачи Г. Ефимов стал лауреатом журнала «Молодая гвардия» за 1977 г. Он же мастерски перевел книгу прозы Г. Ефимова «Медовый запах липы», которая увидела свет в издательстве «Современник». Чувашский поэт, конечно, не оставался в долгу, стихи В. Солоухина в его переводе часто печатались в газетах и журналах.

В год окончания Литературного института молодой поэт успел издать свой первый сборник стихов «Теплые чувства». Руководители дипломной работы — известные поэты Е. Долматовский

Поэты Г. Орлов,
А. Воробьев,
Г. Ефимов, П. Ялгир
с членами
литературного
объединения
Вурнарского района.
1969 г.

и Е. Винокуров — дали высокую оценку этой книге.

Дальше началась активная литературная деятельность. Собственное творчество Г. Ефимов долгие годы сочетал с работой на различных должностях. После окончания литинститута его сразу же пригласили редактором в Чувашское книжное издательство. Потом поэт перешел в Союз писателей Чувашии, стал литературным консультантом. Правление этой творческой организации вскоре выдвинуло его на должность главного редактора журнала «Ялав», которым он руководил около десяти лет. Затем трудился ответственным секретарем Союза писателей ЧАССР, заведующим отделом культуры газеты «Коммунизм ялавлӑ» (ныне «Хыпар»), заведующим редакциями художественной и детской литературы Чувашского книжного издательства. Где бы ни работал, везде активно участвовал в общественной работе — в комсомоле, парторганизации, обществе книголюбов. Был избран депутатом Чебоксарского городского Совета депутатов трудящихся.

**Г. Ефимов
и В. Солоухин
среди чувашских
писателей.
1978 г.**

Конечно, литература всегда была главным делом его жизни. Широкий диапазон поэзии Г. Ефимова — от лирических стихов до патриотических поэм. Тема труда — основная в его творчестве. Вот маленькие поэмы, объединенные под общим названием «Земли чувашской голоса». Они были опубликованы в московском журнале «Наш современник», потом вошли в сборники стихов, изданных на чувашском и русском языках. Когда читаешь эти произведения, перед нами встает образ поэта-лирика, знающего душу и чаяния народа, глубоко понимающего, каким трудом достается хлеб насущный.

В одной из передач Всесоюзного радио в 1970 г. прозвучало стихотворение Г. Ефимова «Хлеб».

Жара ...
Снопки над полем поднимались.
Во рту солоновато от воды.
Жара спадала.
Тени удлинялись.
Мы наклонялись,
Будто поклонялись
Земле,
Благодарившей за труды.

(Перевод В. Фирсова)

Проникновенные строки поэта нашли отклик в душе самых разных людей: в редакцию радио писали школьники, студенты, пожилые люди, ветераны войны и труда. «Впечатления от услышанного настолько сильны, что не удержался, сел за письмо сразу, — сообщал радиослушатель Н. Ворков из Кировской области. «Я недавно лежал в больнице, прикованный тяжелым недугом к постели. Когда послушал по радио стихотворение «Хлеб», долго находился в раздумье. Вот бесценный материал для воспитания современной молодежи! Я загорелся неугасимым желанием всюду и везде популяризовать это стихотворение — в школе, пионерском лагере, туристском походе, коллективах художественной самодеятельности, среди воинов Советской Армии. Обязательно выучу его наизусть», — исповедался в письме Б. Скачков из Киева. «Я работаю гардеробщицей, у меня двое детей. Слушая стихотворение, я рыдала, вспоминая пережитое. Хлеб — это действительно наше богатство. В самом слове «хлеб» чувствуются и Родина, и мать, и дети», — писала А. Цепова из г. Камышин Волгоградской области. Своими впечатлениями делилась учащаяся десятого класса Л. Аганина из Горьковской области и многие другие. Все они просили повторить передачу, что и было сделано сотрудниками Всесоюзного радио несколько раз. На всю великую страну звучали:

Быть выше хлеба человек не может,
Пусть даже самый знатный из земных.

Чувашским читателям известны его сборники поэзии и прозы «Молодость» (1955), «Шаги времени» (1963), «Медовый запах липы» (1972), «Объятие» (1978), «Родник под ветлами» (1980). Всего же произведения Г. Ефимова опубликованы в 65 книгах, из них 16 изданы на русском языке. Около полусотни песен на его стихи сложили такие именитые чувашские композиторы, как Ф. Лукин, Г. Лебедев, Т. Фандеев, А. Орлов-Шузьм, Ф. Васильев и др. Всем известны песни «Пою о тебе», «Любимые Чебоксары», «Соловьи» и др.

Мир поэзии Г. Ефимова — это в основном мир сельский, наполненный звуками и переливающимся многоцветьем чувашских полей и лугов. Здесь живут щедрые, отзывчивые и трудолюбивые люди.

К моим стогам
Зимой приходят лоси,
И скрип саней тревожит тишину.
Я радуюсь, когда на зорьке
Косы
Тревожат трав широкую волну...

(Перевод В. Фирсова)

В редакции газеты
«Хыпар». 1993 г.

Доброта передается через описание природы. О солнце Г. Ефимов пишет, что оно в честь малыша «пораньше взойти над миром норovit». Да и теплые летние ливни словно для того только проливаются, чтобы была радость промокнуть до нитки или, задрав штаны, побегать по лужам. С нежностью и любовью пишет поэт о матерях, чья трогательная и душевная щедрость сливается с красотой и мудростью народных примет и сказок.

Темнеет лес за дымкою тумана,
И звезды манят в голубой дали...
Но покидать мне землю
Слишком рано —
Кому я нужен без родной земли?!

(Перевод В. Фирсова)

Подкупает его любовь к родной земле, глубокое знание народной жизни во всех ее проявлениях. В произведениях Г. Ефимова есть все: юность и любовь, труд и вдохновение, война и послевоенное время, история родного народа и России, природа и экология. И в то же время они не расслаиваются, в них чувствуется дыхание дня. Словарный запас писателя богат. В своем творчестве он умело использует и сказки, и предания, и народные песни, видно, что за письменным столом литератор часто заглядывал в словарь Н. Ашмарина. Та теплота души, та человечность и внутренний психологизм, свойственные его поэзии, существуют в его повестях и рассказах. В прозе Г. Ефимова — та же поэтическая прозрачность, чистота и ясность языка.

Г. Ефимов колоритен и национально самобытен. Возможно, эти качества в его творчестве усиливаются потому, что он перевел многих русских и зарубежных классиков. Глубокое проникновение в их творчество помогало ему оттачивать творческое мастерство. Он сумел довести до чувашских читателей рассказы и пьесы М. Горького, рассказы А. Куприна, Б. Полевого, А. Гайдара, В. Астафьева, Л. Дмитерко, а также поэтические произведения Г. Гейне, Д. Байрона, Р. Тагора, И. Франко, А. Фета, Р. Гамзатова, Т. Шевченко, П. Тычины, М. Джаилия и мн. др.

А как же театр — творческая любовь, которая пришла в юности писателя? Неужели напрочь забыл он сцену? Хоть и не выходил Г. Ефимов на сцену как актер, его часто можно было видеть в Чувашском государственном драматическом театре им. К.В. Иванова. Писатель переводил много пьес. Среди них — «Горячее сердце» А. Островского, «Варвары» М. Горького, «Власть тьмы» Л. Толстого, «Парень из нашего города» К. Симонова, «В ночь лунного затмения» М. Карима, «Машенька» А. Афиногенова и др. Всего около двадцати драм и комедий. Он не пропускал ни одной премьеры в театре. В

Г. Ефимов (в центре)
на семинаре
молодых поэтов.
1979 г.

последние годы рядом с ним всегда находилась подруга молодости и верная, заботливая спутница жизни в пожилом возрасте — народная артистка республики С. Михайлова. Теперь она — внимательная и бережливая хранительница творческого наследия писателя.

Заслуги Г. Ефимова перед чувашским народом высоко оценены. Ему присвоены почетные звания «Заслуженный работник культуры Чувашской АССР» и «Народный поэт Чувашской Республики». В особо торжественных случаях Георгий Андреевич появлялся перед публикой с орденом Дружбы народов на груди.

Достойную долгой памяти жизнь прожил Г. Ефимов. Большой путь прошел он в чувашской литературе и оставил заметный след. Его книги и отдельные произведения печатались не только на чувашском и русском языках, но и на болгарском, итальянском, украинском, белорусском, азербайджанском, грузинском, еврейском, башкирском, марийском, удмуртском, татарском, калмыцком языках.

Похоже, он был удовлетворен пройденным путем на родной земле. Иначе не исповедался бы в одном из своих стихотворений этими строками:

Я гляжу ввысь — родные небеса,
Вдаль погляжу — поля идут в зарю.
А там,
За ними, шумные леса.
Спасибо, жизнь!
За все благодарю:
За новые дороги и пути,
За Родину, что краше не найти.

(Перевод В. Фирсова)

В.П. Петров

**Влас
Захарович
Иванов-Паймен
1907—1973**

***П**алантливый прозаик, поэт,
переводчик, публицист,
лауреат Государственной премии
Чувашской АССР
им. К.В. Иванова (1972), автор книг
«Мост», «Клеенчатая сумка»,
«Ровесники» и др.*

НА ГРЕБНЕ СУРОВОЙ ЭПОХИ

На Южном Урале, на одном из загибов реки Ток, по обе стороны друг от друга расположены села Русское и Верхнее Игнашкины. Эти населенные пункты соединены крепким мостом, ставшим символом единения народов в романе Власа Паймена «Мост». После многих лет забвения, всяческих шельмований и запретов с этим долгожданным произведением в 1964 г. писатель повторно явился в родную литературу. Двухтомный роман с радостью был принят народом и под единодушное одобрение читателей, критиков, литературоведов отмечен Государственной премией Чувашской Республики им. К.В. Иванова (1972).

Родился будущий писатель 22 февраля 1907 г. в с. Верхнее Игнашкино (ныне Грачевский район Оренбургской области). В 12 лет неутомный Влас организовал в деревне молодежную организацию и стал ее вожаком. В 1919 г. ровесники избрали его делегатом на губернский молодежный съезд в Самару. Пафос революции и Гражданской войны потрясли юношу. Дух нового времени захватил его и унес далеко от родных мест. Прибавив себе три года, он начал воевать за народную власть на Украине в составе армии прославленного командира Г. Котовского.

В перерывах между боями Гражданской войны он окончил военно-политическую школу, был политруком отдельного взвода. «Принимая в комсомол, сам секретарь райкома прибавил мне 2 года. Это было в 1919 г. Я от себя добавил год, чтобы попасть в военную школу. Демобилизовался к осени 1922 г. в пятнадцатилетнем возрасте», — читаем в его воспоминаниях.

С наступлением мирных дней начал учиться на рабфаке. Когда при вступлении в партию узнали, что у Власа в военных документах искажена дата рождения, его с учебы отчислили в распоряжение губкома комсомола. До 1925 г. он работал в деревне пионервожатым, избачом и реорганизатором комсомола (к тому времени сельские райкомы были ликвидированы). Каждый год с октября по май проводил в разъездах по «выкачке» хлеба и сбору единого сельхозналога. В 1925 г. поступил в губсовпартшколу 2-й ступени (тогда и там были ступени). В 1927 г. завершил учебу и стал преподавать обществоведение в средних и специально-технических учебных заведениях, в начале 30-х гг. XX в. в Самаре получил высшее педагогиче-

Сотрудники
чувашской газеты
«Колхозник»
Н. Янгас,
И. Викторов,
В. Иванов-Паймен,
А. Воронцов.
г. Самара. 1932 г.

ское образование. Был мобилизован для работы в политотделах МТС. Затем поступил в заочную аспирантуру, но не смог завершить — его научного руководителя вскоре объявили «врагом народа».

Самара стала любимым городом В. Паймена. Об этом городе и самарских земляках писатель оставил бесценные воспоминания. Здесь он познакомился с незаурядным человеком — публицистом, прозаиком, редактором областной чувашской газеты «Колхозник» Д. Исаевым-Аврамем. Встречи и беседы с ним перед Власом открыли новые дали. Он окунулся в безбрежный океан журналистики и литературы. Стал сочинять, быстро нашел свой почерк. Ведь было ему что рассказывать! Уже наброски к повести «Дрожжи» (1927) получили республиканскую премию и одобрение читателей.

**В. Иванов-Паймен
с женой
Еленой Михайловной
и дочерью.
1930-е гг.**

Почти во всех произведениях события разворачиваются на малой родине писателя — на реке Ток с его широким мостом между русским и чувашским селами. Земляки без труда узнают в образах Захара Тайманкина, Шатра Микки, Рамаша, Замана Тимрука, Мурзыбая, Магара, Кояш Тимкки своих знатных односельчан, героев революционных событий и Гражданской войны. В этом есть свое достоинство, особый художественно-эмоциональный заряд произведений.

После ранней смерти Д. Исаева-Аврая Влас Захарович продолжил его дело. Стал редактором чувашской областной газеты и литературного журнала «Вăтам Атӑл» (Средняя Волга). Молодой журналист хорошо владел языками и пером, умел ладить с людьми. Его выдвинули редактором русского журнала «Волжская новь», затем — председателем писательской организации Средне-Волжского края. Тогда в Самаре

культурно-творческая жизнь кипела: шли дискуссии, проводились съезды и конференции, обсуждения новых литературных произведений. Бурлили многочисленные секции русской, татарской, мордовской, немецкой, чувашской литератур. Для встреч приглашали видных писателей из Москвы, Казани, Саранска, Чебоксар. Переводили классиков — русских, английских, французских... И друг друга переводили, обсуждали и хлестко критиковали, организовывали выездные дни литературы в дальних районах области. Пример показывал не знающий устал Влас Иванов-Паймен. Только в 1938 г. он издал три объемистые книги — «Горький в Самаре», «Чапай» (фольклор о В. Чапаеве), сборник «Волжские песни».

Но скоро творческий подъем писательской гвардии пошел на убыль. И не только в Самаре. Начались аресты, обвинения в шпионаже, антисоветизме. Самых ярых защитников советской власти в считанные сроки упекли в дальние уголки Севера и Сибири. Уму непостижимо, какие-то юнцы — сержанты и лейтенанты НКВД — писателя В. Паймена, секретаря крайкома и ЦК партии, революционера, писателя П. Постышева, крупного партийного работника и писателя В. Краснова-Асли и других объявляют врагами народа. Оперуполномоченные, никогда не нюхавшие пороха, поставили к стенке командира дивизии И. Кутякова как троцкиста и предателя...

«Затем моя биография упрощается: 2 года тюрьмы, 6 лет лагерей, 3 года жизни с 39-й ст. в паспорте и пять лет ссылки в Красноярский край...»*

Арестованные считали этот кошмар какой-то ошибкой, недоумением и верили в справедливость и торжество правды... Об этом писал В. Паймен в своих письмах, жалобах из заключения, об этом же впоследствии дважды писал генеральному секретарю ЦК партии Н. Хрущеву. В 1942 г. начальнику политотдела Северных железнодорожных лагерей заключенный В. Иванов-Паймен подает письмо с просьбой рассмотреть его поэму «Русская девушка» (о подвиге Зои Космодемьянской) и дать возможность ее завершить. «Работа над поэмой была начата в марте 1942 г. В первое время работа шла успешно, но затем начался период ликвидации Иосерского отделения, и я, в силу перегруженности своей непосредственной работой и в результате перебросок, вынужден был прервать работу над поэмой. Теперь я имею возможность вернуться к работе. Однако столкнулся с трудностями. Поэтому я решил обратиться к вам как к

* Из письма в Президиум ЦК КПСС, написанного из с. Абан.

Писатели
В. Иванов-Паймен
(слева), И. Туктаев
(справа) с инженером
Л. Михайловым
(впоследствии
лауреат
Государственной
премии СССР).
г. Самара. 1930-е гг.

политическому руководителю данной системы...» К сожалению, поэма в печати не появилась.

Сорок пять лет жизни В. Паймена были посвящены литературе, но из них около двадцати лет он не имел права писать и заниматься творчеством. Может ли быть большей трагедии для поэтической души? Но поэт не сдавался. По памяти с английского на чувашский переводил сонеты Шекспира, наизусть знал собственный перевод поэмы «Нарспи» на русский язык. Приходилось надеяться только на память, поскольку не разрешали брать в руки ручку и бумагу. Но и написанное в Ташкенте и Сызрани после первого освобождения с «волчьим билетом» (1946) отобрали при повторном аресте и не вернули. В протоколе обыска (Сызрань, 15 августа 1949 г.) сказано, что изъяты «сонеты Шекспира» и даже копия протокола обыска от 14 июня 1937 г.

В 1955 г., после сибирских мытарств, Власа Захаровича Самара встретила дружелюбно. Он продолжил писательскую работу, устроившись

в редакцию журнала «Волга» ответственным секретарем, затем — заместителем редактора. Усиленно стал корпеть над книгами. Всеми силами стремился наверстать упущенное. Вначале появился очерк «Тридцатитысячник Петр Смирнов» (1956). Затем — художественные произведения «Три встречи» (рассказы о детстве и Гражданской войне, 1961), «Рассказы» (1963), «Клеенчатая сумка» (1964), «Памятник отцам» (1968).

Писатель торопился завершить многоплановую эпопею — трилогию «Белый свет», первый набросок которой («Дрожжи») успел опубликовать еще в 1920-х гг. «По замыслу «Мост» должен был составить второе — среднее звено — в задуманной трилогии... Готовя к печати главу «Весна» из повести «Дрожжи», я фактически написал ее заново. Работа меня увлекла, начал переписывать всю повесть и вдруг увидел, что уже работаю не над старой повестью «Дрожжи» и не над новой повестью «Белый свет», а над самым заветным своим произведением — романом «Мост». (Из приложения к письму 1972 г.)

Роман «Мост» в двух книгах вышел из печати в 1964 и 1966 гг., на русском — в 1976 г. «Пора ледоходная» осталась в газетно-журнальных публикациях и в незавершенных архивных рукописях. В эту часть должны были войти воспоминания и повесть «Пора ледоходная». Рассказы «Три богатыря», «Клеенчатая сумка», «Встреча с Чапаем», «Смерть дяди Тимеркке», «Песня Юлая», «Рождение полка» и др. произведения являются частями эпопеи «Белый свет». Трилогия задумана как цепочка новелл и рассказов, нанизанных на сквозной стержень повествования. «В романе «Мост» встречается мальчик Тарас. Этот образ действует и в первой части «Белого света». Он списан с самого себя, — сообщил Влас Захарович в 1972 г. — Успеть бы завершить задуманное. ...1971—1972 гг. провел в больнице. Невыносимо больно, кажется, что ноет даже отсутствующая нога...»

По просьбе супруги Елены Михайловны в 1992 г. студенты-«сильзюнатцы»* привезли для Института гуманитарных наук немалую часть самарского архива писателя. В них имеются неопубликованные части трилогии. По ним глубина и мощь литературного таланта писателя просматривается еще ярче. Не менее ярким был рассказ жены писателя о поездке к мужу в уголовный край Ухту, Котлас, Княж-Погост, а потом — в Москву, к А. Фадееву, В. Ставскому, которые в июне 1941 г. фактически добились освобождения В. Паймена. Но

* Члены литературной студии «Сильзюнат» при отделении чувашского языка и литературы Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова.

внезапная война «сожгла» добытую «декабристкой» спасительную бумагу...

Непосредственно из жизненной гущи вырастали чувашские литературные герои, вырастали и сами писатели с их многотрудным житейским багажом. В. Паймен — один из них. Он по праву должен быть отнесен к числу писателей, стоявших у истоков рождения социалистической страны, формирования нового отношения к жизни, земле. Признаемся, перед ними стояла задача благородная, глобальная, но может быть, как показывает жизнь, в тех условиях до конца и невыполнимая.

Автор «Белого света» и «Моста», делегат Первого съезда писателей СССР (1934), конечно же, стоит в одном ряду с виднейшими чувашскими мастерами художественной прозы В. Красновым-Асли, С. Эльгером, К. Турханом, Н. Ильбеком, Н. Мранькой, Ф. Уяром, Л. Агаковым, В. Алендеем, А. Артемьевым. Видимо, сама чувашская действительность водила их пером, по их произведениям смело можно вести разговор об особом нравственном содержании национальной литературы, о своеобразном взгляде на жизнь, историю и культуру. Духовное богатство нации, думается, мало зависит от общественной или государственной формации, оно не исчезает со сменой правления, а пополняется трудом и талантом многих. Об этом часто размышлял Влас Захарович. Эти мысли останутся надолго и будут продолжены новой генерацией писателей. Эпическая широта, социальное, эстетическое, нравственное осмысление бытия, философские раздумья о судьбах людей и страны не могут стареть за одно поколение. Обстановка, нюансы событий могут быть другие, но общечеловеческие проблемы остаются.

В. Паймен — борец и философ. В жестоком и лживом мире его не покидали благоразумие, оптимизм, вера в справедливость. При беседах Влас Захарович мне казался знатоком изначальной мудрости мира, обладателем ключа от космической книги. Крона его поступков росла и питалась от корней убеждений и мыслей. Романисту не обязательно добираться до сути явлений (это, наверное, не удастся даже гениям), важен поиск оптимальных моделей поведения, правильных решений. Этим отличаются герои В. Паймена. Ясность мыслей, убежденность поступков самого писателя органично перешли к его героям. В. Паймен — мастер художественного психологизма, он умеет раскрывать стержневые качества человека, показав их в чрезвычайных обстоятельствах. Даже в небольших рассказах этот прием он использует умело.

С болью в душе писал свои книги В. Паймен, испытывший всю

С женой
в день серебряной
свадьбы.

тяжесть описываемых событий. В роман вложено все, что было выстрадано за недолгий век. Пережитое продумано днями и ночами в течение десятилетий. Вершину задуманного он одолел бы легко. Интеллектуальные и творческие способности, память даже на старости лет были отличными. Уже немало накопилось отрывков-новелл, метких наблюдений, набросков и сюжетных поворотов — он держал их наготове. Но знал, что отпущены ему считанные годы. Торопился. Говорил об этом при встречах, писал в письмах.

Был он человеком основательным, надежным, отзывчивым и мягким. Стремительно движущаяся эпоха научила его крепко держаться в седле. Это можно было заметить даже в его манере общения, в устной и письменной речи.

Радует его особая лаконичность повествования, где все ко времени и к месту. В романе отражены правда времени и народная нравственность. Сила произведения — в изображении бесконечного движения в противоречиях, в

борьбе за истину и справедливость, без которых, бесспорно, не будет развития и в будущем. В. Паймен в бескомпромиссное время, на гребне глобальных событий выпукло показывал народную совесть и правду, мораль и красоту.

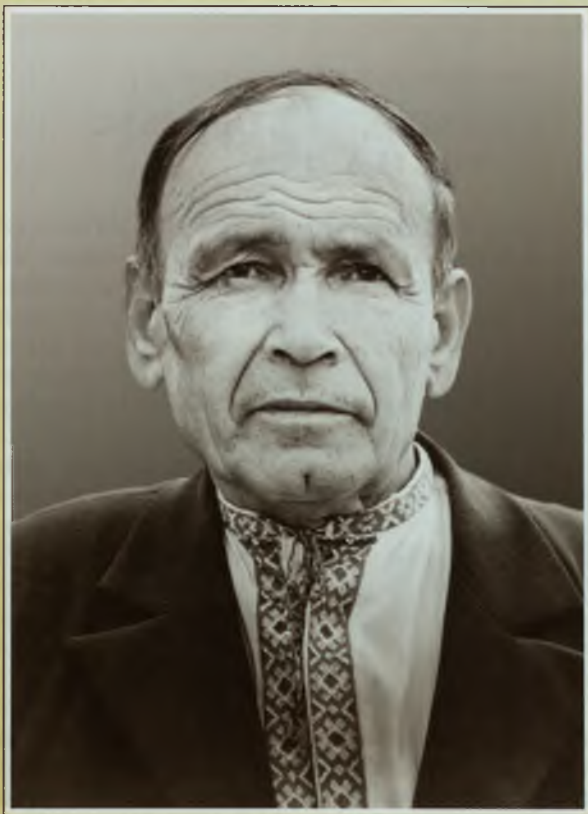
Творчество В. Паймена преподается в высших и средних учебных заведениях. В русскоязычных школах Чувашии изучают его автобиографический рассказ «Ухванские прозвища» — живой и шуточный монолог мальчика о событиях Гражданской войны.

К 60-летию со дня рождения писатель награжден орденом «Знак Почета». Умер он 19 декабря 1973 г., похоронен на старом кладбище в центре г. Самары недалеко от могилы Д. Исаева-Аврая. В столице области по Молодогвардейской улице стараниями радиожурналистки Н. Осиповой открыта мемориальная доска. Библиотека Координационного центра чувашских культурных автономий Самарской области и редакции газеты «Самар ен» носит имя В. Паймена. К сожалению, на новой волне организатор такого уровня среди самарских чувашей не появился, хотя условия на стыке тысячелетий выпали несравненно лучшие.

В сознании большинства читателей В. Паймен живет в облике молодого солдата с красной лентой на папахе, с кобурой и саблей на ремне. Можно представить его и агитатором, зовущим людей труда на мост, по которому пойдет обновленное общество. В памяти знавших его людей Влас Захарович был и остается мудрым и честным человеком, добрым советником и другом. На волнах сурового времени, он оставил потомкам светлую память и бесценное наследие.

В.П. Станьял

**Николай
Филиппович
Ильбек
1915—1981**

***Н**ародный писатель Чувашии
(1970), выдающийся прозаик,
переводчик, публицист,
автор книг «Черный хлеб»,
«Сурбан», «Война и победа» и др.*

ГОРЬКОВАТЫЙ ПРИВКУС ЧЕРНОГО ХЛЕБА

Смкое и многозначное слово «ильбек» с глубокими корнями восходит к маньчжурским, монгольским, алтайским языкам, обозначает «обильный», «богатый», «доходчивый» и т.д. Автор семнадцатитомного «Словаря чувашского языка» профессор Н. Ашмарин утверждал, что такая лексема была и мужским именем. Это многозначное слово хорошо выражает суть творчества народного писателя Чувашии Мигулая Ильбека (Н. Ильбекова).

Родился будущий писатель 19 мая 1915 г. в с. Трехизб-Шемурша Буинского уезда (ныне Шемуршинский район Чувашской Республики). Окончил Батыревский педагогический техникум (1931), учился в Чувашском государственном педагогическом институте (1934—1939). Со временем он состоялся как плодотворный писатель-прозаик, яркий очеркист. Активный фронтовой корреспондент, редактор дивизионной газеты «За разгром врага» прошел дорогами войны от Сталинграда до Балкан, участвовал в освобождении Запорожья, сражался близ городов Никополь, Одесса, Николаев. Это побудило его ближе знакомиться с украинской, белорусской, болгарской прозой, глубже изучить мировую художественную литературу. Наряду с этим М. Ильбек успешно осваивал «просторы» очерка, зарисовок, совершенствовал публицистическое мастерство. Он испытывал большую тягу к познанию эстетического своеобразия малых жанров.

У М. Ильбека на раннем периоде творчества превалирует жанр рассказа. Это дает основание считать, что жанр, располагающий часто к вымыслу, чем к образному домысливанию документального материала, является одним из стержней формирования творческого мира писателя.

Свое перо он оттачивал на переводах произведений русских авторов — А. Пушкина, Н. Гоголя, А. Чехова и др., был неравнодушен к прозаическим опытам болгарина И. Вазова, белоруса Я. Брыля, украинца И. Франко, араба И. Дакруба, китайца Ф. Ма и т.д. Да и родина писателя располагала к неординарным проявлениям таланта. Большая часть жителей д. Трехизб-Шемурша придерживалась обычаев старины, распорядка жизни некрещеных чувашей: молений, жертвоприношений, заклинаний и т.д.

С детства Мигулай был дружен с поэтом В. Бараевым, у которого брал уроки стихосложения, часто вел беседы на темы нацио-

После демобилизации из армии.

нальной культуры. Чаще всего он обращался к поэме К. Иванова «Нарспи», к поэзии Н. Некрасова и др. Большим подспорьем для укрепления характера стало активное участие в жизни школы: он читал стихи со сцены, играл в спектаклях, интересовался преданиями прошлого. Естественно, такой материал отложился в памяти очень глубоко и стал основой литературной деятельности. В годы работы в школе, инспектором роно в Шемуршинском районе, службы в армии, а также в бытность радиожурналистом, редактором газеты, секретарем правления Союза писателей Чувашии он плодотворно и целенаправленно занимался творческим трудом.

Начинал со стихотворений, имеющих повествовательный характер. Это — рассказ в стихах «Кузюк и ежик» (одноименная книга), рассказы «Время», «Проводы», «Посмотреть город». Произведения этого периода фрагментарны, дробны. Но автор нацелен на поиск динамичных сюжетов, на показ социально-психологических особенностей героев, на внимательное изучение ситуаций, в которых может выпукло проявляться характер человека. Такой расклад художественных составляющих позволяет создавать яркие типы.

Произведения, созданные в начальный период, показали способность писателя видеть мир через сшибку прошлого и настоящего. Особенно характерен в этом отношении рассказ «Проводы». Старуха-мать, напутствуя сына в армию, чувствует, что мир вокруг нее развалился, ведь она видит сына, быть может, в последний раз. Следовательно, М. Ильбек уже в поведении женщины охватывает всю ее судьбу, умело раскрывает социально-психологические особенности.

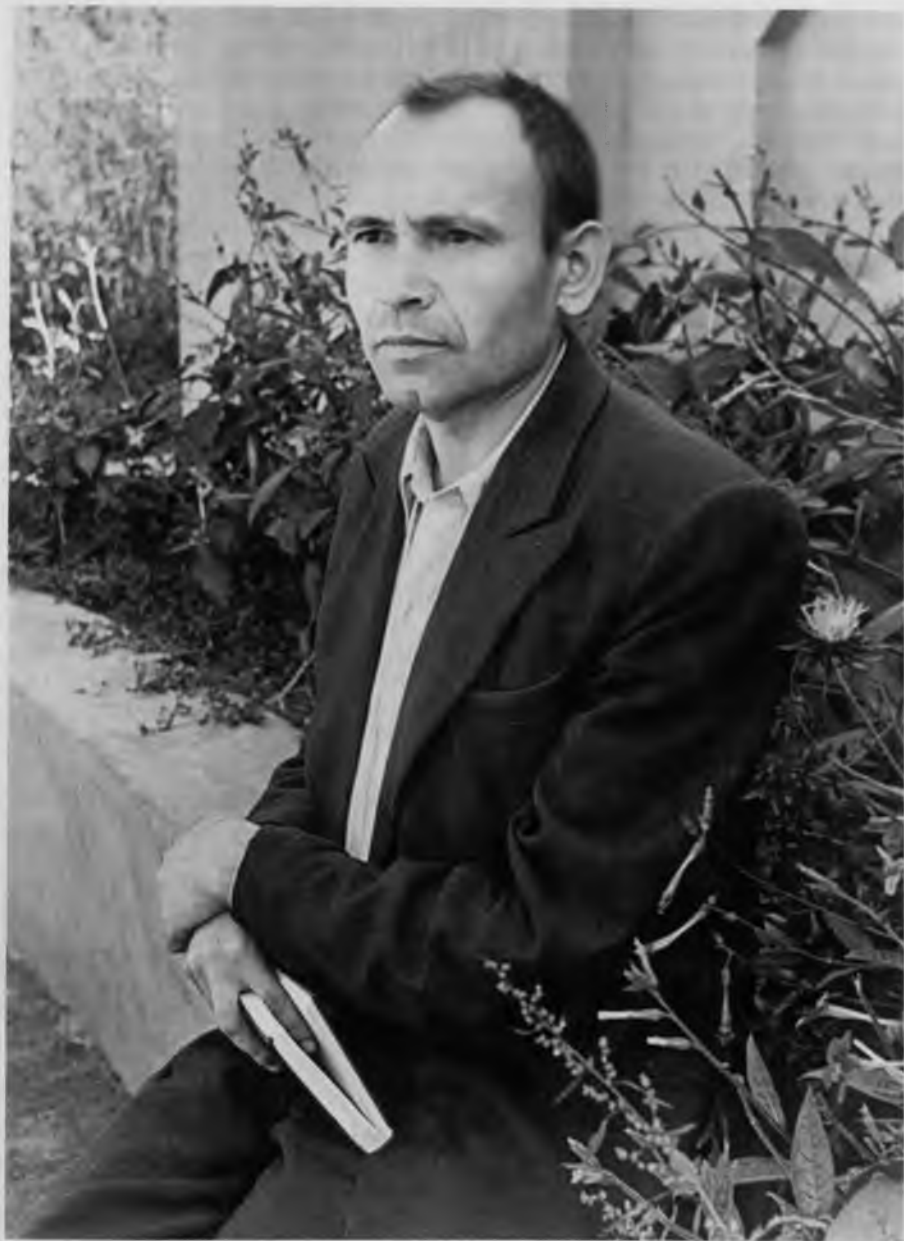
Сшибку времен особенно часто использовали в литературе 20—30 гг. XX в. В противостоянии прошлого и настоящего виделась идеологическая подоплека, она подчас становилась заменой художественному вымыслу, а конфликт брался из эмпирической жизни, он не возникал из эстетического вымысла. М. Ильбек же почти во всех своих ранних произведениях сумел избежать этого, потому что конфликты в его новеллах тесно увязаны с состоянием души персонажа. Это рельефно проявилось в сельских рассказах, стало большим подспорьем для создания произведений на военную тематику.

Показателен в этом аспекте рассказ «В госпитале» (1942). Молодой офицер Михайлов мечтал учиться в художественной академии, но война застала его врасплох и заставила изменить планы. В критической ситуации он нашел в себе такие качества, о которых, быть может, и не подозревал. Писатель отказался от виртуальной действительности (геройство, умение находить выход из кризисных ситуаций) в пользу состоявшейся. Как и в «Проводах», здесь уместно использован прием диалектики души. Это большой успех художника слова.

Михайлов в новых условиях становится умелым командиром, хорошим организатором. Это убедительно показано в эпизоде спасения им от смерти батальонного комиссара. От взрыва гранаты его самого заваливает землей, а спасает его санитарка Оля. Состоялся феномен наслоения ситуаций, но писатель здесь не повторяется. Михайлов — ведущий герой, Оля же, хотя характер ее раскрывается довольно полно, персонаж второго плана.

Для полного раскрытия образов героев автор часто создает критические ситуации. Это хорошо видно в сельских рассказах, где автор углубляет и совершенствует свои творческие принципы.

Военные рассказы Ильбека показательны стремлением ухватить панорамные события и эпизоды. Опыт, наработанный в малых жанрах, наиболее выразительно проявился в повести «Четыре дня» (1955). В этом произведении каждый персонаж имеет свое лицо, свой характер, каждый герой несет свою идею. Четыре дня стоит войско-

вая часть в Румынии у подножья Карпат. За это время сельчане успели познакомиться с Анатолием Васильевичем, виртуозно исполняющим пьесы Бетховена, с Фатыхом Ибраевым, демонстрирующим свои знания в области виноградарства и т.д. Повесть, таким образом, показывает индивидуальные черты каждого из воплощаемых героев, но вместе с тем она «работает» и на выявление гуманизма русских солдат.

Отголоски военной тематики чувствуются и в новелле «Тревога». Произведение носит несколько плакатно-публицистический характер. Здесь налицо памфлетная поэтика, аллегоризм. Сюжетные задачи решены очерково, упрощенно, писатель на некоторое время как бы и отходит от наработанных традиций. Это связано с тем, что прозаик в 1970-х гг. находит другие эстетические ориентиры, начинает интересоваться коллекциями мирного быта, которые не имеют напряжения.

На новом этапе творческих поисков М. Ильбек обращается к сатирико-юмористической поэтике, к пластике смеховых перипетий. Линия, разрабатываемая в названном ключе, выпукло проявлено в сценах из сельской жизни. Писатель отходит от практики сталкивания двух социальных времен, так характерных для Л. Агакова, В. Иванова-Паймена и др. В рассказе «Мигалья» вскрыты мотивы поведения бессердечного, прижимистого человека. В порыве жадности и накопительства Мигалья обирает даже родителей и входит в непозволительный конфликт. Писатель через показ смешных, мелочных поступков методично прослеживает превращение героя в хищника. Мигалья надеется выиграть по лотерейному билету, содержит на квартире студентов, заставляет их сажать яблони, чтобы разбогатеть, продавая яблоки, экономит на еде и т.д. Автор создает гротескное напряжение, подводит поступки героя до алогизма и абсурда.

Выявляя особенности характера Мигали, автор высвечивает и другие стороны. Персонаж не только хищник, но и заядлый скандалист, клеветник и злопыхатель. Вершина его карикатурности — зарубка на матице, напоминающая о лотерейных билетах, об обмане соседки на 2 копейки и т.д. Словом, внимание писателя к психологическим и сатирическим типам остается неизменным, что создает одну из основ его художественного мировидения.

Схожие, казалось, проблемы решены в повести «Тетушка Хведусь» (1968). Здесь события оценены не столь категорично, как в предыдущем рассказе, круг изобразительных средств намного шире и полнее. В ходе развития сюжета возникает ощущение мягкого юмора и иронии.

Писателю удалось освоить самые различные жанры прозы, публицистики, детской литературы. Это очерки, зарисовки, новеллы, рассказы, повести, романы. Свои статьи он посвятил творчеству Л. Агакова, П. Хузангая, А. Талвира, Хв. Уяра, К. Пайраша, С. Эльгера, Л. Таллерова и др. поэтов и прозаиков. Это стало еще одним путем совершенствования творческих принципов.

Многие его герои — отважные солдаты, которые доходят до Западной Украины («Маринка»), Карпат («Четыре дня»), с горечью они размышляют о трагедии Вьетнама («Тревога») и т.д. Война, таким образом, в этих произведениях охватывает огромное пространство. Так, в рассказе-очерке «На Шипке» прозаик вспоминает

М. Ильбек,
Тани Юн,
И. Максимов-
Кошкинский.

На встрече
с сельскими
читателями.
1968 г.

освобождение болгар от пятивекового турецкого ига, создает картины больших сражений. Военные события, следовательно, повышают ответственность героев перед миром, перед историей, здесь человек держит экзамен на нравственную цельность.

Есть и другая составляющая творческих исканий М. Ильбека, мимо которой трудно пройти. Повесть «Тимер» посвящена старшему другу писателю В. Бараеву. Здесь автор демонстрирует свое субъективно-пристрастное восприятие образа.

Надо сказать, что в фигуре В. Бараева ощущается крен в сторону автобиографической прозы. Герой показан как человек, совершающий неадекватные поступки. Произведение расщеплено на цикл частных эпизодов-случаев. Безусловно, это мешает создавать целостный портрет героя. Субъективный налет мешает видеть большую личность одного из творцов национальной культуры.

В целом, многолетняя работа, предшествовавшая созданию романа «Черный хлеб», стала крупным явлением в чувашской литературе. Хотя в предыдущий период удалось создавать достойные книги, но это стало лишь подготовительным этапом к полномасштабному роману.

«Черный хлеб» — произведение многоголосное и многослойное. Жанр его литературоведы определяли по-разному: как социально-психологический роман (Г. Хлебников), как исторический роман (Е. Владимиров), как роман-эпопею (Г. Федоров). В этом нет ничего удивительного. Многоплановость и многофункциональность произведения очевидны. Через образы стариков, Шерккея, через предание о Сямаке и его отце, через языческие обряды кражи воды и жертвоприношений, через размышления и умонастроения Тухтара создается представление о далекой старине.

Есть в романе и другая линия: это социальные типы рубежа XIX—XX вв. — Кандюк и его сын Нямасть, новый богач Шерккей. Типы социальных борцов с ними — Элендей, его сподвижники Тухтар и Палюк. Важна и лирическая линия любви Тухтара и Селиме (дочери Шерккея). Тухтар, Имет, Элендей выражают идею народной правды и народного эстетического идеала, они несут идею гуманности и гражданского бескорыстия.

Линия эта идет из глубокой старины как идея о роде Туймеда и его сына Тухтара. Точно так же укореняются в глубину веков Манюр-бабай и его сын Кандюк. Такая многослойность продиктована литературными традициями 30-х гг. XX в. Тогда и зародилась крупная романная форма, стали появляться яркие социальные типы, писатели чаще стали обращаться к преданиям и легендам для выражения национальной самобытности.

Роман пронизан емкими символами. Умирая, отец Элендея и Шерккея, у которого отнялся язык, судорожно указывает вниз пальцем, намекая на что-то существенное. Секрет этого проясняется в конце первой книги — по велению богача Кандюка дом Шерккея поджигают, и он остается на пепелище. Герой начинает копать в предбаннике и находит спрятанный отцом клад. Предназначенный для обоих сыновей, он достается только Шерккею. Братья уже никогда не смогут найти взаимопонимания, об этом свидетельствует факт подачи рук друг другу через труп отца. Да и образ вяза, корнями уходящего в преисподнюю, все больше и больше роднит Шерккея с дьяволом. Как и герой, даже пострадав от пожара, он (вяз) снова оживает. Присутствуя на всем протяжении романа совместно с Шерккеем, он указывает на тягостное упрямство героя, на живучесть его дьявольской натуры.

Надо сказать, автору удалось воплотить идею о многообразности жизни, где одни и те же явления можно воспринимать как драму и комедию. К примеру, факт находки клада в раскрытии образа Шерккея и комичен, и драматичен. Герой постепенно становится неуправляемо жестоким и алчным. В суете он решается открыть ларец с богатством не дома, а на дальнем лугу. Но тут ему мешает пигалица, которая беспокойно вьется над его головой. В сердцах Шерккей кидаёт в птицу повязку с раненого пальца.

Или другой прием: больной отец указывает сыновьям, что в земле что-то есть. Братья завещание воспринимают по-разному. Феномен напряженной психологической драмы создает цепь случайностей, приводит к разрушению нравственных устоев главного героя, в итоге он оказывается в духовном тупике. По вине Шерккея гибнет его супруга Сайде. Правдами-неправдами Шерккей выдает свою дочь за Нямяся, сына Кандюка, и она гибнет. Прогоняет он одного из сыновей. Писатель показывает героя через описание предметного мира: дом его ветхий, окна слеповаты, крыша соломенная, но рядом с домом стоит горделивое крыльцо, похожее на суконную заплатку на дырявом старом кафтане. Шерккей беден (приземистая изба), но необычайно горделив (ходит только через крыльцо), капризен и упрям (вяз).

Роман «Черный хлеб» позволяет расценивать М. Ильбека как одного из самых крупных писателей литератур народов России.

Ильбек — народный писатель Чувашской АССР (1970). Он награжден орденами Трудового Красного Знамени, Отечественной войны 2-й степени, Красной Звезды.

Г.И. Федоров

Николай
Аверкиевич
Исмуков
1942

*Н*ародный поэт Чувашии (2008),
лауреат Государственной премии
Чувашской Республики
в области литературы и
искусства (1998), автор книг
«Светопреставление»,
«Четверостишия», «Венок терно-
вый» и др.

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ВСПЛЕСК И МУДРАЯ СДЕРЖАННОСТЬ

Четверостишия Н. Исмуква, вышедшие отдельной книгой, многие его стихи и поэмы получили широкую известность. Они звучат ко времени и к месту. Жизненная школа, пережитые трудности и счастливые моменты, увлечение естественными науками, богатая традициями народная словесность помогли ему стать автором по-настоящему философской поэзии.

Н. Исмукв родился 2 марта 1942 г. в с. Первомайское Батыревского района. Начал писать рано. Еще в 3—4 классах он заводит для стихов отдельную тетрадь, которую бережно хранит до сих пор. Увлеченного мальчика заметила учительница математики К. Исаева. Она научила юного автора подбирать рифмы, четко выражать мысль. Поэт до сих пор поддерживает добрые отношения со своей первой наставницей.

Первые стихи Н. Исмуква увидели свет в районных газетах «Коммунар» (1954) и «Авангард» (1957). Скоро они стали появляться на страницах республиканских газет и журналов. Немаловажную роль в становлении Н. Исмуква как поэта сыграло творчество В. Митты. Своеобразие поэтического мира молодого стихотворца заметил поэт В. Давыдов-Анатри, который воодушевил его на дальнейшие поэтические искания, помог публиковаться в республиканской печати.

Николай в детстве любил рисовать. После седьмого класса он приехал в Чебоксары и поступил в художественное училище. Интерес к живописи сохранился у поэта до сегодняшнего дня. В национальном музее республики состоялась выставка картин, приуроченная к его 65-летию.

После успешного окончания средней школы по традиции тех далеких времен он едет в г. Борзя Читинской области, что находится на границе с Монголией и Китаем, чтобы участвовать в масштабных стройках страны. По возвращении домой работает учителем рисования, физики и астрономии, физкультуры и родного языка в деревнях Б. Чеменево, Бахтигильдино Батыревского района, а также в Цивильском сельхозтехникуме. В 1962 г. поступает на философский факультет Уральского госуниверситета им. А.М. Горького (г. Свердловск), по окончании которого учится в очной аспирантуре, затем в докторантуре при кафедре философии Москов-

Н. Исмук —
студент УрГУ
им. А.М. Горького.
1964 г.

ского государственного педагогического университета им. В.И. Ленина. Ныне он — доктор философских наук (1994), профессор (1995), заведующий кафедрой философии Чебоксарского кооперативного института (1993). Свою научную деятельность посвятил исследованию проблем категориального аппарата философии, национальной культуры, синергетики, антропного космологического видения мира в его физической и философской интерпретации. Одним из первых в науке поставил проблему национального начала в философии. Немало научных и художественных работ он посвятил изучению и популяризации творчества поэта В. Митты. Им опубликовано свыше ста двадцати научных и научно-методических статей, в том числе пять монографий: «Диалектика категорий единичного, особенного и общего в познании социальных явлений» (М.: ИФ АН СССР,

1984); «Диалектика национального и интернационального в духовной культуре» (М.: ИФ АН СССР, 1985) и др. Н. Исмук — член диссертационного совета по защите кандидатских и докторских диссертаций при Чувашском государственном университете. Под его руководством подготовлено 4 доктора и 2 кандидата философских наук. Ему присуждено звание «Почетный работник высшего профессионального образования РФ», он действительный член Российской академии социальных наук.

Первую книгу стихов «Родная сторона» поэт выпустил в 1985 г. С тех пор им издано тринадцать поэтических сборников, в том числе роман в стихах «Светопрествление», поэма «Митта», собрание сочинений в 4-х томах. Книга стихов «Четверостишия» удостоена Государственной премии Чувашской Республики в области литературы и искусства (1998). Стихи и поэмы Н. Исмук переведены на итальянский, французский, английский, польский и др. языки.

Источниками поэтического вдохновения для Н. Исмук стали песенное народное творчество, сказки и предания родного края, которые по долгим зимним вечерам рассказывала ему мать, Мария Ильинична, женщина строгих правил и незаурядной памяти. В свои 87 лет она знала более 80 песен. Немаловажное значение имело также то, что поэт прошел большую школу жизни со всеми неожиданными горестями и радостями. Недаром его лирический герой однажды удивленно восклицает:

Телей те инкек хушшинче эс мён чухлё ан пурән,
Пёлсе пётереймён пёрех савнăспа хён-хура.
Ав сёмёрт сески те, шуратнă пир тейён, шап-шурă,
Анчах сырлисем, сырлисем мёншён йёпкён хура?
(Белая черемуха — полотно весны,
Почему же ягоды у нее черны?)

(Перевод А. Дмитриева)

В начальный период своего творчества Н. Исмук увлекался стихами В. Митты, К. Иванова, М. Сеспеля, С. Есенина. Высоко ценил самобытность и многогранность поэзии П. Хузангая, которого и теперь считает недостижимой вершиной в истории чувашской литературы. Любит он и раннего Г. Айги.

Конечно, для истинного художника слова творчество не должно строиться на подражании. Поэт должен донести свое понимание истины до читателя. Подлинная поэзия — всегда нечто новое, нестандартное, выход за пространство изведенного, но она опирается на достигнутые духовные ценности. Следует подчеркнуть, что знание философии — «царицы наук» — и естественно-научных дис-

**Н. Исмуков
(справа) среди
отдыхающих
в Доме творчества
«Сильби».
1995 г.**

циплин способствовало расширению мировоззрения поэта, что называется «от Платона до протона», оказало большое влияние на его поэтическое творчество.

Поэзия Н. Исмукова отличается тонким лиризмом и философичностью. Историческая судьба родного народа, самоотверженный труд соотечественников, любовь и молодость, добро и зло — основные темы его поэтических сборников. Переосмыслив традиции мировой и, прежде всего, восточной поэзии, он привнес в чувашскую литературу новую концепцию художественного образа, неразрывно связанную с народной поэтикой и отображенную в языке, в психологическом рисунке, в характере героя, в осмыслении общезначимых социально-нравственных и философских проблем. Стихи Н. Исмукова, выстраданные на краю экзистенции собственного «я», предельно просты и глубоки. Тонкие наблюдения и неожиданные образы, эмо-

циональный всплеск и мудрая сдержанность придают чеканным строкам особую доверительность, их воспринимаешь как раздумья поэта-современника о вечном и преходящем, о трудной доле человека.

В поэзии Н. Исмуква больше трагического, чем светлого. Это придает книгам глубоко осмысленный характер, поэт зовет оставаться несгибаемым перед ветрами жизненных испытаний. Также немало у него стихотворений с оттенком грусти, пессимизма. Это наблюдается и в названии циклов «Над темным лесом», «Гроздь черной рябины»... Черный цвет — описание одиночества — преобладает во многих его стихотворениях.

Лирический герой Н. Исмуква — это типичный наш современник, который окреп под «дождем времени» и устоял от ураганов, поднятых в эпоху крутого перелома. Его волнует прошлое и будущее своего народа, страны, он наблюдает за вечной борьбой Добра и Зла. Всеми своими действиями поэт старается помочь добрым силам в их нелегкой борьбе, размышления о непостоянстве времени и безграничной Вселенной, смысле жизни, эпохе, человечности, гуманизме не оставляют его ни на минуту. Он понимает, что в движении и развитии Вселенной существуют свои законы сопоставления и противоречия, развития и разрушения. В явлениях и деталях природы лирический герой различает их положительные и негативные моменты, видит их неразделимые стороны, стремится доказать, что наилучшей формой развития мироздания и человеческого общества является не революционный, а эволюционный путь развития.

В поэзии Н. Исмуква затрагивает и античную тематику. Им написаны произведения «Карафет и пастух», «Песнь об Эмпедокле и его сыне Эмпедее», где через изображение античности затрагиваются проблемы современности. Поэт и довлеющая над ним власть — основной мотив названных произведений. Он развернуто рисует историческое прошлое, материальные и духовные ценности, достижения письменной литературы того периода. Поэт зримо видит преемственность традиций.

Композицию стихотворений Н. Исмуква можно сравнить с монументальным рисунком, фреской. В них наряду с национальными чертами присутствует эллинистическая эпика. Поэт восхваляет мудрость и разум человека, его достижения, осуждает тех, кто мелочно заботится только о повседневном. В построении композиции строф и отдельных стихотворений присутствует также контрастность. Возможно, это связано с тем, что поэт учитывает законы диалектики, которые предполагают единство противоположных сторон. Лексика

его произведений отличается поэтичностью и лаконизмом, он удачно использует диалектизмы низового говора, архаичные обороты, которые органично вписываются в структуру отображаемого.

Н. Исмуковым созданы циклы стихотворений с многообразной тематикой и формой, поэмы. Его произведения многоплановы не только по содержанию, но и по форме, начиная от четверостишия-рубая, кончая романом и трагедиями. Роман в стихах «Светопреставление» признан значительным произведением современного этапа. Перед читателем предстают исторически достоверные факты и яркие образы. Н. Исмуков изобразил эпоху сталинских репрессий как великое народное горе. Трагедия для многих героев заключается в разрушении идеалов. Идея построения нового общества была прекрасной, но только снаружи, а изнутри — пустой и черной. Эту пустоту не просто было отличить. Ради нее огромные массы готовы были пожертвовать своей жизнью. Но были не только подвиги, но и предательство. Уничтожался прежде всего цвет нации — интеллигенция. Слепую веру отвергала сама реальность:

Ёненёр сут санталăк саккунне —
Хёл вёсленмесёр пулмё суркунне.
Йўсси ёссен те тутлăн каласмашкăн
Кётсе илетпёрах уяв кунне.

(Верьте законам природы:
Пока зима не пройдет, лето не наступит.
Все равно дождемся праздника,
Когда, запивая горьким,
будем вести сладкие речи.)

(Перевод подстрочный)

В романе «Светопреставление» создан образ дерева-киремеля, который в фольклоре, в основном, является злым божеством. У Н. Исмукова Киреметь — это доброе божество, он берет на себя грехи тех, кто приносит ему жертву, просит о помощи. Данный образ как бы берет в кольцо композицию романа. Завязкой повествования является описание солнечного летнего пейзажа, праздника Троицы. Молодежь собирается на поляне на игрище, знакомится друг с другом. Зарождается у них чувство чистой и светлой любви. Две девушки Лизук и Сухви влюбляются в поэта Услея Искова. Создается впечатление, что и в природе, и в жизни все благополучно. Однако дальнейшее развитие событий складывается трагически, законы диалектики предполагают смену добра со злом, белого с черным, благополучия с бедствием. Веселье прерывает внезапно начавшаяся

В рабочей обстановке. 1998 г.

страшная гроза. Молния попадает в Киреметья. От беспечности не осталось и следа.

Главный герой романа Услей Исков отправляется искать правду и попадает в трудное положение. Многие эпизоды его жизни напоминают трудную судьбу В. Митты. Что бы ни пришлось ему пережить, пройти по сибирским далям под светом холодных звезд, в его душе не гаснет искорка поэзии и надежда на победу справедливости. В людях и в явлениях природы он стремится видеть духовную красоту и гармонию.

В романе также глубоко раскрыты образы сотрудников НКВД Садурова и Гаврилова. В этой организации многие безжалостно исполняли приказания и подвергали испытаниям ни в чем не повинных людей, но были и те, кто умел сочувствовать, понимать чужое горе. Следователь Садуров, к примеру, пытается помочь попавшим в трудное положение.

Произведение описывает непростой период в жизни страны. «Светопреставление» тяготеет к эпосе. Каждый персонаж произведения имеет реальных прототипов.

Для описания непростого времени поэт находит новые формы, особый стиль, лексику. Произведение обогащают фольклорные формы, системы образов, понятия о добром человеке. Контрастные элементы характерны почти для каждой его строфы. Это связано с пред-

почтением фольклорных традиций. Мир в поэме соответствует чувашскому мифологическому представлению: в нем есть центр, в котором сосредоточено все доброе, и окраина, которая олицетворяет злое начало.

В поэме «Митта» Н. Исмукоев художественно воссоздает творческую биографию своего земляка поэта В. Митты, родственника по крови и духу. Первая часть произведения написана в форме монолога, где описываются переживания героя о превратностях судьбы. Вторая часть состоит из четверостиший, выражающих афористические размышления. Вечность и миг, герой и народ, материалистическая и языческая философии, эпоха и короткая жизнь поэта всегда противопоставлялись друг другу. Герой произведения воплощает в себе сконцентрированную духовную энергию народа, он знаменосец, опережающий свое время и эпоху. Ему явно тесно в рамках отдельного периода истории.

Н. Исмукоев проявил себя как мастер во многих литературных жанрах, но особой выразительности, поэтической прозорливости и философской глубины достиг в четверостишиях, которые, согласно восточной традиции, называют рубаи. Этот жанр и прежде не был чужд чувашской поэзии, ибо чуваша относятся к восточным народам. Следуя традиции Омара Хайяма, Н. Исмукоев смело берет вершины мастерства. Он предпочитает размер пятистопного ямба, умело применяет принцип тезы-антитезы в формировании стержневой мысли.

Рубаи Н. Исмукоева лаконичны и контрастны. Для восточной словесной культуры, а также чувашского фольклора характерно бережное использование слова, однако контрастное восприятие явлений бытия (черное-белое, горячее-холодное) исходит из предпочтения западной философии. На Востоке добро и зло являются разными сторонами одного явления и переходят друг в друга, соблюдая гармонию. Несмотря на то, что философская лирика поэта написана в жанре рубаи, по содержанию она все же тяготеет к западной культуре:

Хут пёлекен сынна сума савас
Йала-йёрке те пётрё — мён тавас.
О, Диоген! Ан хатёр ухмаха эс:
Сурт-йёрёпе халь мухтанат чаваш.

(Нет обычаев нынче таких,
Чтоб почитать людей образованных.
О, Диоген! Зачем ругать глупца,
Своим добром гордится теперь чуваш.

(Подстрочный перевод)

Обращаясь к своеобразию чувашской философии, Н. Исмукوف сравнивает ее с западной, показывает разницу в мировоззрении. В его стихах переплелись в органичное единство образность Востока и абстрактная мысль Запада. Отмеченные поэтом четырехугольный чувашский мир, своеобразное понимание пространства и времени, особенности взаимоотношения человека и природы выражают национальную специфику миропонимания чуваш.

Н. Исмукوف нередко упоминает имя Омара Хайяма, в более поздних его стихотворениях есть мотивы бренности человеческого бытия. Тем не менее, для его поэзии западная философия имеет большое значение. Она гармонирует с чувашским народным мышлением.

Поэта волнуют и актуальные вопросы современности, он размышляет о Боге, чести, произволе правителей, месте человека на земле, процессах движения во вселенной. Через философские размышления пытается найти ответы на вопросы космологии. Его интересуют изменение и развитие вселенной, категории количества и качества, эстетические и этические стороны жизни, борьба добра и зла.

За свою научную, педагогическую, общественную и творческую деятельность Н. Исмукوف удостоен почетных званий «Заслуженный деятель искусств Чувашской Республики» (1996), «Народный поэт Чувашии» (2008). Он является членом СП СССР с 1985 г. Известен также как поэт-песенник. Композиторы А. Лукин, Г. Хирбю, А. Асламас, Ю. Кудакوف, А. Васильев сложили немало песен на его стихи.

И.В. Софронова

Дмитрий
Афанасьевич
Кибек
1913—1991

*Лауреат Государственной премии
Чувашской АССР
им. К.В. Иванова (1983),
автор книг «Герои без вести
не пропадают»,
«Охотники», «Чужая беда» и др.*

МАСТЕР ОСТРОГО СЮЖЕТА

В наследии Д. Кибек можно выделить два тематических пласта: военная проза и произведения о природе. Свой выбор прозаик объяснял так: «О войне пишу в основном по личным впечатлениям и по многочисленным архивным документам. Когда работал над романом «Герои без вести не пропадают», поехал в Польскую Народную Республику, встречался с участниками партизанских боев, которые оказали мне огромную помощь».

И к охотничьей теме его привели жизненные обстоятельства: «После увольнения из рядов Советской Армии увлекся охотой, учился на курсах охотоведов, а затем работал начальником одного из охотничьих хозяйств, — вспоминал писатель. — Вместе с коллективом егерей мне удалось превратить отсталое хозяйство в образцовое. Личные наблюдения, совместная работа со своими будущими героями легли в основу романа «Охотники».

Основные свои произведения Д. Кибек написал после отставки из армии. Хотя многие годы жил в Москве, он не терял связи с Чувашией, много печатался, издавал книги, поддерживал связь с читателями. В своих произведениях показывал не только богатый духовный мир чувашского народа, но и стремился отображать непростые события и явления мирового уровня. Его прозу охотно переводили на русский, белорусский, украинский, татарский, марийский, молдавский, французский и другие языки.

Родился Д. Кибек 15 сентября 1913 г. в д. Тимерчкасы Ядринского уезда (ныне Вурнарский район Чувашской Республики). Его детство совпало с голодными годами 1920-х гг. От неминуемой смерти мальчика спасла Москва: он с другими чувашскими детьми попал в один из детских домов. Вернувшись оттуда, Дмитрий благодаря стараниям матери научился читать и писать.

В 1926 г., после окончания Тузи-Сярмусской начальной школы, он продолжил обучение в Малояушской школе-восьмилетке. Окончил землеустроительный техникум и два курса Чувашского педагогического института. В 1932—1933 гг. трудился заведующим Вурман-Кибекской школой колхозной молодежи, затем — учителем чувашского языка и литературы в Малояушской средней школе. Желая больше узнать жизнь, он выезжал в г. Горький, Среднюю Азию. С 1935 г. свою судьбу связал с армией. За время службы окончил Ки-

Молодой офицер
Д. Афанасьев (Кибек).
1930-е гг.

евское военное училище связи и Военно-юридическую академию Красной Армии, участвовал в Великой Отечественной войне на Калининском и Западном фронтах в должности начальника штаба отдельного батальона связи. После войны служил в органах военной юстиции, некоторое время руководил охотничьим хозяйством близ Москвы.

К литературе Д. Кибек пристрастился с ранних лет. Первые стихи помещал в школьной стенной газете «Фонарь» и в журнале «Звезда». Первое печатное стихотворение «Двадцать пять» увидело свет в

Д. Афанасьев
(Кибек)
с женой и дочерью.
1930-е гг.

московской чувашской газете «Коммунар» в 1932 г. (тогда он трудился на Горьковском автозаводе) и было посвящено выпуску 25-го автомобиля. Рекомендовал это произведение к публикации П. Хузангай. По его же совету поэму «Немой Петр» и рассказ «Темаль» молодой писатель направил в Чебоксары. Рассказ был опубликован в 1933 г. в альманахе «Трактор». Как вспоминал Дмитрий Афанасьевич, П. Хузангай посоветовал ему больше писать в прозе.

В 1930-е гг. Д. Кибек создал немало произведений о жизни колхозной, армейской и студенческой молодежи. Все они исходили из жизненного опыта автора и были тепло приняты чита-

телями. Рассказы «Курсант Цыганок», «В деревне», «Сын лейтенанта», «Мечта и жизнь», «Енжан пошла учиться» говорили о несомненном таланте автора. А повесть «Студенты», увлекательно раскрывающая жизнь институтской молодежной интеллигенции, завоевала большую популярность среди читателей.

И во время войны Д. Кибек не оставлял литературный труд: в 1941 г. вышла его книга рассказов и очерков «За Родину», в которой он показывал героизм солдат, офицеров, партизан («Санинструктор», «В разведке», «Цена человека» и т.д.). А в рассказе «Дерзкий Антон» описывал борьбу смоленских партизан с фашистами и их ставленниками — старостами и полицией. В этом произведении автор умело использовал особенности приключенческого жанра: острый сюжет, загадочные события, персонаж с романтико-героическим ореолом. Главный герой уничтожает немецкого коменданта, помогает семьям борцов-активистов, отправляет под откос поезд с вражескими солдатами... Говоря о приоритетности военной тематики в творчестве писателя, уместно привести отрывок из воспоминаний Д. Кибек: «С интересом знакомлюсь с материалами и документами о войне. Все видел-вытерпел, но новые факты о героизме советских людей, об их духовной стойкости меня удивляют. Нам, оставшимся в живых фронтовикам, надо говорить всю правду. Кроме нас никто этого не сделает. Вот так думаю и опять иду за стол писать».

Название повести «Кем же он был?» обещает читателю детективное повествование. В один из южных городов, занятый фашистами, приезжает с концертами итальянский певец Марио Маретти. Постепенно он устанавливает связь с подпольщиками, распространяет листовки, разными способами вредит фашистам. Когда попадает в лапы гестапо, в застенках готовит восстание и с другими заключенными благополучно выходит на свободу.

В финале повести выясняется, что под видом певца действовал советский разведчик-антифашист Антонио Арзини. Интрига на этом не завершается: его настоящее имя — Антон Арзинов, он чуваш. Еще во время Первой мировой войны его отец попал в плен и проживал в Италии.

За героико-приключенческий роман-дилогию «Герои без вести не пропадают» Д. Кибеку в 1983 г. была присуждена Государственная премия Чувашской АССР им. К.В. Иванова. Эта книга приобрела невиданную популярность. Думается, немалую роль в этом сыграл ажиотаж, вызванный фильмами о шпионах и разведчиках, книгами типа «Щит и меч». В эту струю попало и произведение чувашского прозаика (первая книга вышла в 1969 г., вторая — в 1974 г.),

На озере Линевое.
1960-е гг.

русский перевод был издан в Москве огромными тиражами (1971, 1978, 1981) и стал бестселлером.

Главный герой романа, полковник Турханов, человек неустрашимого духа, командир партизанского отряда, действовавшего на территории Польши, чуваш. Он овеян ореолом романтизма, что характерно для героико-приключенческих произведений. События переносят читателя то в польские леса, то в Варшаву, то в Германию, то в гнездо абвера, то в бактериологическую лабораторию фашистов, то в Швейцарию и т.д. Масштабность повествования, острота конфликта, большая событийность усиливают социальную направленность произведения, где показан беспримерный подвиг людей разных национальностей в борьбе против фашизма. Видим мы и зверскую сущность фашизма, и предательство американских промышленников и политиков.

Турханов — не выдуманный персонаж. В республиканской печати в то время много писали о легендарном партизанском командире, чуваше Я. Николаеве, который сражался на территории Польши. Прозаик исследовал многие документы. В результате роман приобрел налет некой документальности (например, Варшавское восстание 1944 г.), хотя автор далеко ушел от реальных фактов в угоду увлекательности и авантюристичности сюжета. Динамичную сюжетно-композиционную структуру писатель использует для убедительного показа героической борьбы интернационалистов, сущности «чумы XX в.» Д. Кибек избегал лирических и публицистических отступлений. Открыто использовал некоторые исторические документы об адмирале Канарисе, военачальниках Бур-Комаровском, Берлинге и т. д. Автор стремился синтезировать документальность, увлекательность, пользуясь вымышленными сюжетными линиями, идеализировав героев.

Д. Кибек предпочитал создавать контрастные психологические типы. Так, карьерист и преда-

В Доме творчества
«Сильби».

Д. Кибек — первый
слева. 1969 г.

тель Айкашев и своими поступками, и мыслями ярко проявляет себя: «Каждое живое существо борется за жизненное пространство на земле, почему я не должен этого делать?» Внутренний мир персонажа передается и через портрет: «нос с горбинкой и круглые глаза делают его (профессора Вагнера. — В.А.) похожим на хищную птицу».

Образ Турханова, как и положено в подобных произведениях, получился притягательным. Он чертовски смел, сильнее хитрого врага, несколько раз избегает реальной смерти. Знает немецкий, польский, испанский языки. Умный и находчивый, обыгрывает представителей абвера, поднимает восстание в концлагере.

Знание материала позволило автору обстоятельно и исторически верно отобразить Европу, охваченную пожаром Второй мировой войны. Удачными оказались образы партизан, антифашистов, подпольщиков и т. д.

Роман «Воскресший из мертвых» требует своего исследователя, главы этого произведения были опубликованы в 1966 г. в журнале

**Встреча
с читателями
Вурнарского района.**

**Со студентами
Чувашского
государственного
университета.
1980 г.**

«Тăван Атăл» (Родная Волга), в 70-е гг. XX в. полностью опубликован в том же журнале. Писатель считал эту книгу наилучшей. Здесь вокруг главного героя — Шашкарова — разворачивается характерный для творчества Д. Кибек увлекательный приключенческо-детективный сюжет.

С середины 1950-х гг. Д. Кибек обращается к так называемой охотничьей теме. Названия произведений говорят сами за себя: рассказы «Охотник», «Лесной великан», «Волк», роман «Друзья природы» (в Москве вышел под названием «Охотники» (1962). Наибольшую популярность из них завоевал роман «Охотники», который вошел в школьную программу.

До приезда в охотничье хозяйство молодого директора Виктора Тараева вольготно чувство-

вали себя браконьеры. Они поначалу были готовы выйти на тропу войны. Но молодой руководитель сплотил вокруг себя истинных ценителей природы.

Прозаик верен своей творческой манере и в этом произведении: сюжетные хитросплетения увлекают читателя, нарастает накал борьбы между егерями и браконьерами. Главный герой не избежал романтической идеализации. Он талантлив, способен на добрые дела, бесстрашен, знает повадки браконьеров, красив, умен и находчив. Недаром в Тараева влюбляется красавица Чегесь, дочь охотника, и становится его главной помощницей. Под их влиянием даже заядлый браконьер Михалы Рябой пересматривает свои взгляды на природу.

Известны и популярны другие произведения Д. Кибека — повести «Сквозь лунный свет серебрится дорога», «Молодой человек», «Красивая женщина», «Вина человека»... В каждом из них — непростые судьбы, морально-этические проблемы, различные жизненные перипетии.

В.А. Абрамов

**Георгий
Васильевич
Краснов
1937**

***Н**ародный писатель Чувашии (2002),
лауреат премии Комсомола
Чувашии им. М. Сеспеля,
автор книг «Треснутая трубка»,
«Молодость не повторяется», «Тают
снега», «Нам уже за сорок» и др.*

ОТ ЗАМЕТКИ ДО РОМАНА

У мя Г. Краснова появилось впервые в печати в октябре 1951 г. В стихотворении «Знамя мира», опубликованном в гражданской районной газете, юный автор сумел передать атмосферу послевоенных десятилетий. После этого были ученические басни, патристические и пейзажные стихи, рассказы о друзьях-школьниках, отрывки из повестей «Кровь за кровь», «Молодой депутат», одноактные пьесы, переводы на чувашский язык детских рассказов Н. Носова, а также маленькие рецензии на книги писателей-воинов А. Артемьева и В. Сада. Печатались эти произведения в рукописном литературном журнале Николаевской школы-семилетки.

Г. Краснов родился в д. Салугино Красночетайского (ныне Ядринский) района 30 января 1937 г. Окончив семь классов с Почвально-м листом, поступил учиться на агронома в Цивильский сельскохозяйственный техникум. Для этого пришлось ему пройти 80 километров пешком. «Я исполнил наказ отца, погибшего в боях под Смоленском, — рассказывает он, вспоминая трудные годы детства и юности. — В одном из редких солдатских писем, вслух прочитанном мне матерью, он писал: «Сыновьям учиться и учиться, только так можно выйти в люди и стать настоящим человеком...» Самым светлым идеалом в течение всей моей жизни была и остается горячо любимая мать, ежедневно занятая трудом. Запали в сердце ее простые слова: «Работать, всегда работать». Она в 17 лет стала председателем кооператива в Выла-Базарах, потом принимала участие в строительстве автогиганта в Нижнем Новгороде, по производственной путевке поступила в Чебоксарский педрабфак».

В конце 1930-х гг., в период расцвета культа личности, на молодую семью Красновых неожиданно обрушилась страшная беда: и отца, и мать Г. Краснова лишили учительских мест, они чудом избежали необоснованного ареста. Будущий писатель был вынужден семь лет учиться в деревенской школе без единого учебника, тетради носить не в сумке, а завернутыми в материнский платок.

Критик Ип. Иванов литературные успехи писателя видел в богатом жизненном опыте и обширном интеллекте. И это действительно так: к примеру, его, прибывшего за направлением в отдел кадров Министерства сельского хозяйства республики, заманил в свой колхоз бывший работник министерства, тридцатитысячник, а пос-

Солдату
музыка в радость.
1956 г.

ле месячного испытания назначил паренька не только агрономом, но и одновременно заместителем председателя хозяйства. Через год Г. Краснова приглашают в райком и заводят разговор о poste председателя, но 19-летний агроном отдает предпочтение службе в армии. В Группе советских войск в Германии он становится наводчиком и командиром новейшего противотанкового орудия, шифровальщиком секретного делопроизводства, помощником начальника штаба полка по строевой части. В 1958 г. по комсомольской путевке из немецкого портового города Росток он едет в заполярный

шахтерский город Воркута, а там, в горвоенкомате, записывается работать на островах Новая Земля и Шпицберген... Пока двигалась очередь, испытал себя полеводом оленеводческого совхоза «Заполярный» и проходчиком шахты № 30 комбината «Воркутауголь». Затем стал литсотрудником, заместителем ответственного редактора Воркутинского филиала Телерадиокомитета Коми АССР, сотрудничал с редакцией московской газеты «Neues Leben» и с зарубежными редакциями вещания на Вьетнам и Корею Московского радио. Далее — приглашение в родную Чувашию и ответственная работа собственным корреспондентом в Ядрине, редактором и главным редактором Чуваширадио, заместителем председателя Гостелерадиокомитета республики. Постоянно повышая свое мастерство, сначала учился на Высших курсах при Центральном Доме Союза журналистов СССР, затем на факультете журналистики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, посещал лекции известных писателей в Литературном институте им. А.М. Горького.

Энергичный журналист и радиопублицист в эти годы ведет репортажи с жилых новостроек Новочебоксарска, ГЭС и Чебоксарского тракторного завода, пишет очерки о людях труда. В эфире звучат его проблемные комментарии и оперативные радиообозрения. Мало в республике деревень, где бы ни побывал он с микрофоном.

В тиши
рабочего кабинета.
1970 г.

В Доме творчества
писателей
«Сильби». Г. Краснов
в первом ряду,
второй справа.
1974 г.

Когда Г. Краснов почувствовал, что набран достаточный жизненный багаж, наступила пора создавать художественные образы тех людей, с кем он встречался, с кем преодолевал трудности и радовался успехам. Его интересуют прошлое чувашского края, известные исторические события. Народные писатели Л. Агаков и В. Алендей отмечали, что в чувашскую литературу пришел талантливый зрелый писатель со своим видением окружающего мира и с развитым эстетическим идеалом.

Художественное творчество Г. Краснова огромно и разнообразно, масштабы охвата жизненного материала обширны. «На V всесоюзном совещании молодых писателей страны я был свидетелем публичного спора двух выдающихся мастеров слова — Н. Тихонова и С. Михалкова — о родах и видах художественной литературы, — рассказывает Георгий Васильевич. — Они пришли к единому мнению, что молодые таланты должны пробовать себя в самых разных

жанрах. Я как раз склонялся к этому, а в Москве убедился, что иду по правильному пути».

Г. Краснов внес значительный вклад в детскую литературу (роман «Эскадрон всадников без головы», приключенческие повести «Треснутая трубка», «Матросская бескозырка», «Водяная мельница», «Юные пастухи» и др.), активно развивал жанр научной фантастики (повести «Волшебный родник», «Илвеш левех», «Радуга на рассвете», «В ночь летней засухи», «Тайна чувашской телеги» и др.), одним из первых в чувашской литературе создал детективную повесть («Секреты афганских туфель»). Драматургию он обогатил оригинальными теле- и радиопьесами («Элеш», «Чужая», «Духи древнего замка» и др.), к 50-летию ВЧК Г. Краснов написал повесть «Почему молчит ОРЖ», в которой созданы образы чувашских чекистов. Повесть из номера в номер печаталась в газете «Советская Чувашия» и вызвала огромный интерес у читателей.

Из-под пера Г. Краснова также вышли либретто опер и оперетт («Чакка» А. Васильева и «Свадьба» Т. Фандеева), поставленных на сцене Чувашского музыкального театра. Его перу принадлежит также либретто балета «Встреча на луне», которое получило высокую оценку известного композитора и музыковеда Г. Литинского. Немало спектаклей по пьесам Г. Краснова шло в театрах республики.

На X съезде писателей Чувашии Г. Краснова избрали членом правления и ответственным секретарем Союза писателей республики, на XII съезде — главным редактором общественно-политического и литературно-художественного журнала «Тăван Атăл» (Родная Волга). При нем в 1980—1985 гг. тираж журнала достиг 70 тыс. экземпляров, это — второй показатель среди национальных литературных журналов СССР тех лет. Журнал был награжден орденом «Знак Почета», с 50-летием редакцию поздравил один из руководителей дружественной Кубы Р. Кастро. На первых альтернативных выборах с участием С. Михалкова в 1990 г. Г. Краснов был избран председателем правления Союза писателей Чувашской Республики, затем — членом правления и секретариата Союза писателей Российской Федерации, членом исполкома Международного Сообщества писательских союзов стран СНГ.

Популярными в 80-е гг. XX в. становятся его романы «Прожитого не пережить», «Все от любви», «Молодость не повторяется» и др. Многие из них были переведены на русский язык и стали известны всесоюзному читателю.

Литературный путь Г. Краснова не был гладким. Ему не раз приходилось вступать в острые конфликты с чиновниками, разного рода

С матерью
Ольгой
Прокопьевной.
1980 г.

клеветниками и завистниками. Его крупные произведения нередко замалчивались критикой, коллеги публиковали «разгромные» статьи не только в местной, но и в центральной прессе. «Этот роман может быть издан только с разрешения Идеологической комиссии при ЦК КПСС», — на один из первых своих крупных произведений он получил такое заключение. Но писатель не унывал, верил в успех. Светлую романтику его литературных героев восприняли патриарх чувашского романа В. Иванов-Паймен, народные писатели Хв. Уяр и А. Емельянов, русские писатели Г. Марков, Н. Почивалин, С. Гусев. Благодаря им его роман «Тают снега», пройдя все преграды, вышел стотысячным тиражом в московском издательстве «Современник», а в республике его чувашский вариант «Ёмёр тикёс килмест» был отмечен премией Комсомола Чувашии им. М. Сеселя.

Заметной ступенью к художественному мастерству стало создание галереи образов управленцев в романах «Последние три дня в июне», «Молодость не повторяется», «Все от любви», «Нам за сорок». Высокие моральные и нравственные качества, присущие лучшим представителям технической интеллигенции, их постоянная устремленность к новому, неизведанному — вот какие проблемы оказываются в центре художественных исследований писателя. «Чтобы

Г. Краснов
с писателем
И. Тенюшевым.
2000 г.

Со студентами
факультета
журналистики ЧГУ.
2008 г.

достойно анализировать такие произведения, необходимо иногда и критикам покидать тишину кабинетов и заряжаться цеховой энергией и атмосферой напряженного труда», — советует писатель в одном из интервью своим критикам и оппонентам. Писать о современности трудно, еще труднее оценивать написанное.

Писатель всегда в поиске. В перестроечные времена он освоил еще один жанр, создал художественно-документальные повести («Карач Иванов и Берия», «Четаевский чуваш, Камо и Сталин», «13-й апостол»). Читатель положительно оценил колоритные образы П. Ефремова и других чебоксарских купцов («Загадки древних Чебоксар»). Интересно и то, что после публикации романа нашлись в Казани потомки купца, которые заказали подстрочный перевод романа, выразили благодарность автору за создание образа своего прадедушки.

В 1991 г. Г. Краснов дает согласие Одесской киностудии на создание двухсерийного художественного фильма по его книге «Треснутая труб-

ка», но начатые работы были прекращены в связи с напряженными событиями тех лет и прекращением финансирования киностудии новым украинским государством.

Г. Краснов никогда не чурался общественной работы, в центре его забот были поиск юных талантов и своевременная помощь им. С первых дней открытия Республиканского лицея-интерната им. Г.С. Лебедева он более десяти лет преподавал здесь по своей программе основы литературного творчества, вел также специализацию «Литературная работа» на факультете чувашской филологии и культуры Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова, а с открытием факультета журналистики с 1995 г. трудится на кафедре средств массовой информации и публицистики. Защищал кандидатскую диссертацию по чувашскому очерку. Ученый совет университета присвоил ему ученое звание профессора.

По его инициативе и при непосредственном участии в лицее-интернате им. Г.С. Лебедева ежегодно проводится республиканский конкурс школьных талантов «От букваря — к художественной литературе», более десяти лет Г. Краснов возглавляет его жюри, в финале которого постоянно участвуют 150—200 юных поэтов, прозаиков, сценаристов и очеркистов. Для них он написал и издал специальное учебное пособие «Стих и рассказ» в серии «Поэтика художественного текста».

Г. Краснов не только писатель и педагог, но и ученый. Он исследовал историю зарождения, становления и развития чувашского художественного очерка (1795—2000). Им выпущены монографии «Чувашский очерк» в двух книгах, «Очерки на военную тему».

Г. Краснов — лауреат и дипломант многих всероссийских и республиканских конкурсов, заслуженный работник культуры Чувашской Республики, народный писатель Чувашии, почетный гражданин Ядринского района.

А.П. Данилов

**Василий
Егорович
Митта
1908—1957**

***П**оэт трагической судьбы, переводчик,
публицист, автор поэмы
«Таэр», книг «От души», «Думы
и мечты» и др.*

«МОЙ ГОЛОС, ЗАКАЛЕННЫЙ БОЛЮ...»

Когда говорят и пишут о творчестве В. Митты, часто вспоминают чеканное определение Б. Пастернака: «И тут кончается искусство, и дышат почва и судьба». Это вполне справедливо и подтверждается свидетельствами многих современников поэта, для которых он являлся абсолютным эталоном нравственной позиции по жизни и по своему пониманию «назначения поэта». С другой стороны, достоинство, вес поэтического слова определяется именно дыханием «почвы и судьбы». В. Шаламов (1907—1982), писатель сходный с Миттой трагической судьбой, выдвигал такой императив: «...собственная кровь, собственная судьба — вот требование сегодняшней литературы».

Жизненный путь поэта не был легким и радужным. Его биография почти симметрично делится на два периода: 17 лет свободного творческого самовыражения (1924—1937, 1954—1957) и 17 лет вынужденной немоты, неучастия в культурно-общественной жизни. Достигнув к середине 30-х гг. творческой зрелости и широкой известности, В. Митта разделил со многими лучшими представителями национальной интеллигенции трагедию 1937 г. Однако трагический опыт не отвратил его от творческого призвания. После всех перенесенных страданий В. Митта по праву писал:

Хёнпе хёрсе туптаннă сассăм
Каллех ян хурçă пек таса!..

Мой голос, закаленный болью,
Вновь также чист, как звенящая сталь!..

(Здесь и далее подстрочный перевод)

...Имя В. Митты — одно из наиболее светлых в чувашской поэзии. Родился он 5 марта 1908 г. в с. Большие Арабузи (Аслă Арапуç) Тархановской волости Буинского уезда Симбирской губернии (ныне с. Первомайское Батыревского района Чувашской Республики) в бедной крестьянской семье. Еще во время учебы в сельской школе с увлечением погружался в волшебный мир пушкинского стиха, прозы Гоголя, знакомился с классическими образцами чувашской поэзии — «Арзюри» М. Федорова и «Нарспи» К. Иванова. Ко времени поступления в Ульяновский чувашский педагогический техникум в 1924 г. у него, по собственному признанию, была изрядно заполнена стихами толстая тетрадь. Уже

В. Митта (второй слева в первом ряду) с членами литературного кружка Ульяновского педтехникума. 1926 г.

с середины 20-х гг. его творческие поиски идут в русле революционно-авангардного новаторства М. Сеспеля, радикально реформировавшего чувашский стих и сам язык поэтического самовыражения. В одном стихотворении в 1927 г. В. Митта так и писал: «Пусть брызнут осколки от старой глиняной поэзии! Нам нужен огненный язык!» 20—30-е гг. в творчестве В. Митты были весенней порой, когда все пьянило душу и тело, кипели силы. Обновлялась жизнь, менялся облик чувашской родины. Он широко печатается в республиканских газетах и журналах. Обновление, красота мира и, конечно же, родной язык — вот темы его стихов этого периода. Одновременно в них находит яркое воплощение и дерзкий, неумный характер юноши-поэта. Пьянящее чувство молодости, весенний настрой души, новая эстетика порождали и новую поступь стиха, и поэмагинистски броские столкновения метафор. Новизна зрения и слуха, всех ощущений орга-

низма, новый чувашский язык были инструментами самого процесса личного и общественного жизнеустройства.

Новая чувашская поэзия в лице сеспелевской школы (Хузангай, Рзай, Васянка, Петтоки, Митта) подняла на щит его лозунг «Чувашский язык рассек железные оковы!.. Именем чувашского языка будем едины!». В то же время эта школа пыталась апробировать поэтику и опыт сначала Есенина, затем — Маяковского. Их творческая практика вызывает горячие дискуссии, в которых все чаще используются жесткие термины, прямые политические обвинения в принадлежности к упадочнически-националистическому, «мелкобуржуазному» течению «булгарских поэтов». Как следствие этих окололитературных полемик и приписывая «болезнь Есенина — богемщину», в конце 1926 г. В. Митта исключают из комсомола и направляют на исправление трудом в д. Кайсарово близ Ульяновска.

В 20—30-е гг. В. Митта социально и творчески чрезвычайно активен. Работает учителем в разных школах, секретарем Батыревской районной газеты, редактором Чувашского радиокомитета, участвует в экспедиции по культурно-этнографическому исследованию чувашей, пишет очерки, занимается художественным переводом (трагедия А. Пушкина «Борис Годунов», романы М. Горького «Фома Гордеев» и Н. Островского «Рожденные бурей»), с бригадой писателей едет в Казахстан и Туркменистан, заведует сектором Дома народного творчества, заочно учится в Литературном институте. В 1932 г. выходит в свет его первая книга стихотворений «Лирика», в которой уже обозначены основные координаты его поэтического мира. «Огненный язык» новой чувашской поэзии в его стихах органично сочетается с естественными, отприродными впечатлениями и чувствами, когда не отрицаются мягкая, задушевная интонация народной песни, меткость и лаконизм народных изречений. Народное начало всегда было сильно проявлено в его творчестве, он никогда не терял живой сердечной связи с родиной. В 1934 г. составляет и издает сборник «Частушки».

Леон Робель, поэт-переводчик чувашской поэзии на французский язык, писал о его поэзии как «о вибрирующей силе любви к своему народу».

Широту творческого диапазона поэта показывают такие его поэмы, как «Дар любимой» (1927), «В угаре» (1927), «Зычный глас» (1930), «Ровесник Октября» (1932). Поэма «В угаре» являлась своего рода квинтэссенцией раннего творчества В. Митты. Это яркая по образам, по обнаженности чувства и его незащищенности вещь, в

В. Митта.
1930-е гг.

которой поэт задумывается о судьбе чувашей, связывая ее с предками-булгарами, несколько наивно скорбит об ассимиляции родного народа. И в то же время поэма проникнута тоской по идеалу, высокому и романтическому, и содержит призыв к молодежи, своим современникам, держа в памяти булгарское наследие, чувствовать сердцем ритм нового времени:

Ан тив, шухăшăм ман аскăн ҫиллĕ,
Ан тив, уртăр ҫитĕннĕ хал!
Эп шанатăп, сисетĕп: вăл килĕ!
Килĕ, килĕ ҫĕнĕ идеал!

Пулхăр ҫамрăкĕ, илт сассăма,
Малалла, малалла эс пăх халĕ!

Пусть моя мысль — шальной ветер,
Пусть буянит мой зрелый норов!
Я верю, чую: он грядет!
Придет, придет новый идеал!

Булгар-юноша, услышь мой голос,
Вперед, вперед смотри отныне!

В поэме содержится и самооценка себя как поэта:

Иртнисемшён пит йывър йăтаймё
Тăвълпа сунатланнă поэт.
Халь кашни самраках:
«Эс Митта-им?» —
Тейсе мана алă сётет.

За прошлое не будет тяжело
Бурей окрыленному поэту.
Сейчас любой молодой:
«Ты Митта ведь?» —
Говорит мне и протягивает руку.

Поэму расхватывали на цитаты досужие критики того времени, и почти каждый, кто писал о В. Митте, непременно упоминал об «угаре», который отравил совсем еще юного поэта, о преодолении этого «угара» и т.д. Тогдашней проработочной критике психология творчества и эволюция автора представлялись как процесс изживания «пережитков прошлого», «упадочнических настроений», исправление поэта. Само название произведения оказалось лакомым кусочком для критиков, оно как бы прилипло к их языкам, и они смаковали его на протяжении целого десятилетия. В какой-то степени оно оказалось роковым ввиду дальнейшего хода событий. Не имея возможности вступить в открытый спор, В. Митта открывал душу своему другу П. Хузангаю в письмах: «...Где же наша молодежь, которая имеет вкус к жизни, чувствует ее прелесть и красоту, а, Хузангай? Есть ли среди чувашей хотя бы десять юношей, десять идеальных юношей? Нет, наверное. А сами все талдычат: «Мы можем, мы — комсомольцы, мы не плетемся в хвосте молодежи, как вы». Таких горлопанов по нашему адресу немало. Ты сам знаешь, как их расценивать. (...) О критике в «Сунтале» о нас с тобой даже говорить не буду. Пусть себе тешатся! Денежки им платят за это. (...) Прошлые не всегда бывают сладким. Что ни говори, я ведь прошел, прорвался через целое «сражение». И в Кайсарово попал из-за этого «сражения». Говорят, в бою не забывай о друге. Не забыл я! Тебя никогда не забуду! Но нам же не нужны эти излишние диссо-

В. Митта,
П. Хузангай,
П. Яковлев.
1929 г.

нирующие стоны. И в этом сражении мой голос был только стонущим звуком в пустом поле. Не хотелось, чтобы ты слышал этот стон... Сейчас настроение получше, но предчувствую, что скоро снова схвачусь, снова — в бой... В последнее время почти не писал стихов. Из написанного только эта поэма «В угаре»...

С начала 30-х гг. В. Митта тяготеет к публицистическому стилю в поэзии, создает несколько примечательных образцов в жанре очерка. Пишет звонкие, ударные стихи и поэмы, становится чуть ли не первым в ряду так называемых «комсомольских» поэтов. Местоимение *эпир* (мы) выходит на первый план, герой как бы не выделяет себя из массы. Но при этом и после «перестройки» в его поэзии не чувствуется ложного пафоса.

Можно сказать, что уже в этот «весенний» период творчества сложился лирический космос В. Митты, в основе которого лежит идея эстетически отмеченного порядка, наполненности пространства красотой. Его космос целостен,

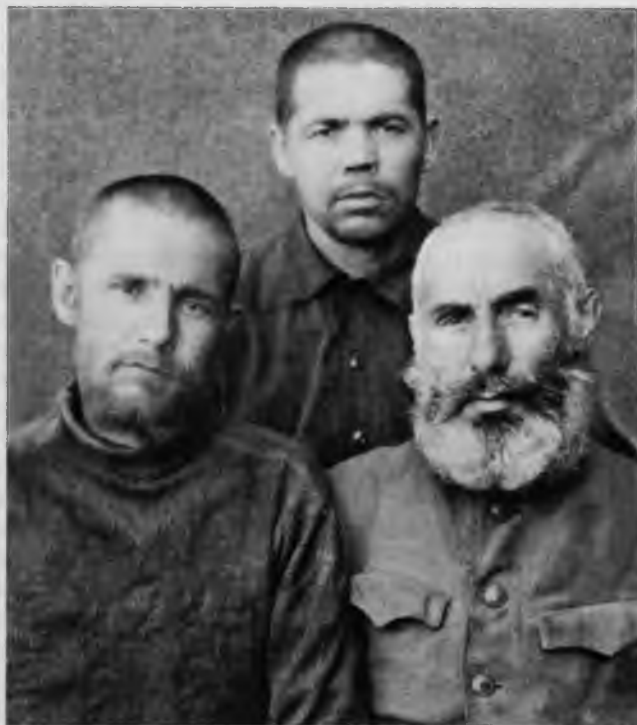
един, его гармония пластична и содержит прекрасное разнообразие. Космос синонимичен «миру, мирозданию», но поэзия В. Митты есть прежде всего воплощенный чувашский космос (чăваш тĕнчи > чăваш тĕнчекурăмĕ). Его ключевые, любимые слова *пархатар, тив-лет, кăмăл, тарават*.

В 30-е гг. нельзя было так сильно любить свой народ. После страстного, полемического выступления в защиту родного языка и чувашской культуры на собрании чувашских писателей по итогам февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП(б) и суда над «членами бухаринско-троцкистского блока», «банды врагов народа» 11 апреля 1937 г., в котором В. Митта дает открытый бой своим критикам и остро ставит наболевшие вопросы национальной политики, ситуации в Союзе писателей, в жизни поэта наступает черная полоса. Материалы пленума широко освещались в газетах, а второй номер журнала «Сунтал» целиком посвящен 100-летию со дня смерти А. Пушкина. Здесь, в частности, печатается отрывок из трагедии «Борис Годунов» в переводе В. Митты, и в том же году полный текст выходит отдельной книгой. Перевод ныне считается образцовым, как одно из лучших перевоплощений пушкинских произведений на чувашском языке. Если вспомнить событийный ряд, основной конфликт (царь и народ) и заключительные реплики трагедии: «Народ в ужасе молчит. Народ безмолвствует», то невольно приходит в голову мысль, что сам выбор произведения очень уж соответствовал сгущающемуся мраку в общественно-политической и культурной жизни Чувашии и страны в целом. Трудно сказать, был ли это выбор сознательный. Но при ретроспективном взгляде в этом нельзя не видеть некоего предзнаменования трагических событий 1937—1938 гг.

В июле 1937 г. В. Митта был исключен из Союза писателей, а 18 декабря арестован. Он разделил участь многих лучших представителей национальной интеллигенции.

Вдова поэта Н. Еремеева-Митта вспоминала: «...Васьлея взяли 18 декабря 1937 г. Пришли ночью, часов в двенадцать. Сразу спросили, есть ли оружие. А он как раз сидел, писал что-то. «Нет у меня никакого оружия, вот ручка — мое оружие!» Перерыли все, перевернули вверх дном. Забрали все его книги, бумаги на русском и чувашском языках. Помню, было у нас роскошное издание «Калевалы». И ее забрали. Тогда же пропала и рукопись «Окурова городка» М. Горького. Наверное, личные библиотеки пополняли. Я все повторяла, что ты наделал, что ты наделал? А они мрачно: «Он и сам не знает, что наделал». Тепло было тогда, вышли во двор. Вода

Ссыльные
В.Е. Митта,
Н.В. Акимов,
Н.Т. Огульник.
Красноярский край,
пос. Мурта. 1949 г.

течет. Так и пошлепал Васyleй в валенках по лужам. Недели через две сталкиваюсь с «ночными гостями» на улице. Спрашиваю их: «Где Митта?» Ни слова в ответ, словно ничего и не было. Потом уж, кажется, был январь, я узнала, что в такой-то день должны были его перевозить в следственную тюрьму НКВД (ныне Национальный музей Чувашской Республики. — А.Х.). Пришла туда, а там уже стоят люди, жена Краснова-Асли, другие знакомые. Тоже ждут. Вот привезли Васyleя. Вышел он, а рядом три или четыре милиционера. Смотрит все на меня, сам идет, ногу приподнимает и все показывает рукой на подошвы валенок. Не поняла я тогда, что он хотел этим сказать, ведь валенки-то были совсем новые. Потом дошло, объяснял он, что, мол, отправляют по этапу». Позже поэт помянул дом купца Ефремова (Ехрем хуса сурчѐ) — эту начальную точку своих тюрем, лагерей и этапов и гневно заклеил в эпиграмме тех «коллег-писателей», которые оклеветали немало безвинных людей в то страшное время:

Ехрем суртне суре-суре
Эс пултан савас та туре.
Малашнехи керешуре
Мёнпе эс тухан-ши турре?

Ты хаживал в дом Ехрема
И стал поэтом и судьей.
В будущей борьбе
Чем же ты оправдаешься?

Семнадцать лет исключения из нормальной жизни: 10 лет Унжлага (Горьковская область), около полутора лет он живет в селе под надзором, повторный арест во время свидания с женой в Чебоксарах в апреле 1949 г. и ссылка «на вечное поселение» в Красноярский край (с. Таловка Большемуртинский район). В. Шаламов задавался вопросом: «Возможно ли активное влияние на свою судьбу, перемалываемую зубьями государственной машины, зубьями зла?» И сам давал ответ: «Иллюзорность и тяжесть надежды. Возможность опереться на другие силы, чем надежда». Такие «другие силы», наверное, каждый из узников ГУЛАГа, пройдя круги ада, находил сам, в своей душе. У В. Митты была семья, дочери, родные в деревне, было страстное желание вернуться к творческому труду. Об этом свидетельствуют скупые строки его писем, отправленных из лагеря: «...Только что усталый вернулся с работы, карандаш из рук падает, и все же хочу сказать тебе то, о чем давно надо было сказать (...) Семь лет (...) они для меня (...) как один горький, черный день, как мучительный сон, от которого никак не можешь очнуться. В то же время, кажется, я только вчера распрощался с вами, только что — вчера. Это, конечно, говорит о том, что моя жизнь по событийности пуста. На воле у каждого дня есть свое чувство, творческое содержание — для доброго, великодушного человека — ступень творческой работы. Здесь же все по-другому, время проходит ужасно бестолково, один день — копия другого. Мы здесь, как скоты, потеряли чувство времени, и потому, кажется, что расстался с вами только вчера.

Я виноват в том, что не смог убедить людей в своей невиновности и из-за этого в течение долгих семи лет не принес ни крупицы пользы ради родного чувашского народа, в том, что я сделал вас такими несчастливыми, и, наконец, в том, что не положил свою голову, как мои родные братья, в это страшное время. Сколько слов остались невысказанными, дел — невыполненными, сколько надежд сгорело зря за эти семь лет!» (Из письма к жене от 10 сентября 1944 г.)

Многодетная семья В. Митты испытала на себе удары жестокого XX в. И Василий Егорович всегда сокрушался о судьбе своих родных. Старший брат Илле и его сын Александр, младший брат Иван (писал под псевдонимом Ара, сатирик, переводчик Жюль Верна) погибли на войне. П. Митта, талантливый чувашский прозаик, также был незаконно репрессирован и погиб в лагере в 1942 г. Другой младший брат Николай пропал без вести в мае 1943 г., подававший большие надежды. Пятый братишка Якку умер еще шестиклассником, надорвавшись на колхозных работах.

Отбыв первый срок — ровно десять лет, — В. Митта вернулся на родину. Работал в школе — бухгалтером, учителем. Жил, как изгой. Без права посещения города. Потихоньку начал заниматься литературным трудом, переводил любимого Пушкина («Песнь о вешем Олеге» и другие стихотворения), роман Л. Кассиля «Великое противостояние». Но... снова арест.

И. Кузнецов,
А. Яндаш, В. Митта,
С. Эльгер,
П. Хузангай,
Хв. Уяр,
Н. Еремеева-Митта.
1957 г.

Каясси ман каллех — вярәм сүл,
Курасси ман каллех — темән чул...
Тусәм, тусәм, мән пулчә? Мән килчә?
Тёрёс-тёкел пурнар тенё чух
Ак каллех уйрәлмашкән тел килчә...
И снова идти мне — по длинной дороге,
И снова увидеть — мне многое надо...
Друг мой, друг мой, что случилось? Что случилось?
Спокойно хотели мы жить
И вот расстаемся опять...

И вот Красноярский край. «Я спустился: не Атәл ли это родной? Нет, эта вода чуждым холодом дышит... ледяного севера жила». Далеко позади осталась милая Чувашия, жена, дети, друзья, цвет юных мечтаний, бурная литературная молодость... Отзвенели ударные комсомольские марши, и даже со времени черного 37-го прошло, страшно сказать, 13 лет. На дворе — весна 50-го... В. Митта не терял присутствия духа, и в далекой ссылке его согревала мысль о детях. Вот что он писал в письме, адресованном дочерям от 7 мая 1950 г.: «...Обо мне, дети, особенно не беспокойтесь, как говорит мать: «Одна голова не бедна, если и бедна, так — одна». Живу затворником. Вот моя хижина: «Эпир пулсан тёнчере — Тётём вылять мәрьере» (Если мы в этом мире — Дым играет в трубе. — А.Х.). Так пел дедушка. Она, как ласточкино гнездо, висит на крутом карнизе береговой горы и единственным оком своим смотрит на величаво-суровый Енисей.

Дни мои проходят в труде (землекоп и лесоруб) и святых молитвах (читаю запоем Пушкина и твержу любимых чувашей).

Иногда приходят вести из далекой Чувашии, получаю и кое-какую литературу. Радуюсь расцвету молодых дарований (Артемыев, Евстафьев) — далеко пойдут. Самому мне сейчас не до литературы, но мысль о ней никогда не покидала меня».

Да, мыслью он все чаще возвращался к родимому краю, неизбывной любовью к нему, к близким людям жила душа поэта все эти мучительные годы. Только в конце 1954 г. он смог вернуться на родину.

С ранних лет В. Митта уверовал в понятие «тәванләх» (родство, братство), и для него оно было всегда созвучно со словом «таврән» (возвращаться). И вот он вернулся, полный мечтаний и замыслов. Готовит к печати рукописи молодых авторов, адресует им ободряющие письма, пишет критические статьи и рецензии. В своих устных выступлениях и дневниковых записях он страстно и глубоко

размышляет о природе чувашского поэтического слова, о перспективах родной культуры. Взыскательно и внимательно следит за творчеством своих коллег по поэтическому цеху, становится заядлым театралом. В 1955—1957 гг. является литературным консультантом Союза писателей, членом редколлегии и ответственным секретарем альманаха «Таван Атӑл». Стихи «енисейского» цикла включает в поэму, условно обозначенную именем «Тайӑр» (1949—1950, 1956). Переводит и публикует отдельные стихотворения С. Кудаша, М. Джалиля, Ш. Мударриса, Г. Лонгфелло. В литературном быту той «оттепленной» поры он выступает как сократический философ, каждым словом, жестом, дарственным автографом или экспромтом напоминая о существовании истины, блага, добра. Как «нежный лирик и мятежник мысли», он достраивает свой поэтический космос. В декабре 1956 г. выходит его вторая книга стихотворений «Лирика». Поздний В. Митта восходит к самым крутым вершинам поэтического духа. Он достигает в лирических стихотворениях этих лет той высшей простоты, которая является идеалом всякого художника.

В родстве со всем, что есть, уверясь
И знаясь с будущим в быту,
Нельзя не впасть к концу, как в ересь,
В неслыханную простоту.

(Б. Пастернак. Из книги
«Второе рождение». 1930—1931)

В «Лирике», как своего рода поэтическом завещании В. Митты, слились воспоминания о юности, мудрое приятие жизни, смерти, вера в нетленность добра, народная мудрость и трагический опыт пережитого...

На V съезде чувашских писателей в 1958 г. П. Хузангай в докладе «За высокое поэтическое мастерство» говорил: «Между нашими двумя съездами ленинская правда нашей партии вернула народу больших мастеров многонациональной советской литературы.

Истинные почитатели чувашской литературы также несказанно обрадовались восстановлению доброго имени трагически погибших художников слова и возвращению тех, кто в труднейших условиях выжил и сохранил внутреннюю чистоту и целеустремленность. Если взять поэзию, то мы слышали, как по-прежнему молодо, открыто и ясно зазвучал было вновь искренний голос Васyleя Митты. Этот голос становился сильнее и тверже с каждым днем... Стихи, что успел написать Митта ... сверкают подлинными жемчужинами нашей поэзии. Народный язык, национальный колорит, умение в немногих словах выразить многое, светлая душа, биение горячего сер-

дца, глубокая мысль — вот что чувствует читатель в стихах Митты. Законченные литые строки, почти в каждом стихотворении разный размер, разная строфика, полная рифма — и все льется непринужденно, естественно... достигнута полная гармония содержания и формы. И какое внутреннее целомудрие, какое чувство меры!»

Недолгой оказалась эта «поздняя осень» жизни поэта и ее краса. Из своих замыслов он осуществил лишь небольшую часть. Ему было отпущено всего-то около двух с половиной лет жизни на свободе. Всего две небольшие книги стихотворений при жизни, но нравственный подвиг, этические заветы, чистый целомудренный язык, стойкость духа — это святая святых чувашской духовности. 10 июня 1957 г., когда вместе с земляками отмечал Акатуй Первомайского района, поэт покинул этот мир. Похороны его стали всенародным прощанием с поэтом и человеком.

Стихи В. Митты, по любимому поэтом народному выражению, это «дети ветра, огня и воды», то есть они входят в число первоэлементов бытия и сами стали неотъемлемой частью нашего миропонимания. И его поэзия осталась с нами, «в родстве со всем, что есть...».

...На надмогильном памятнике поэта в родном селе написаны скромные, но мерцающие каким-то внутренним светом четыре строки автоэпитафии:

Ан тив, хисеп те, чыс та ан курам.
Пин юррăмран пёри анчах юлайтăр,
Ăна тăван ыр кăмăлла юрлатăр, —
Вара ман канлĕ пулĕччĕ тăпрам.

Пусть почести и славы мне не знать.
Когда меня вспомнят хоть одною
Из многих песен, выстраданных мною, —
В земле родной мне не на что роптать.

(Перевод П. Хузангая)

В 80-е гг. состоялись две, на мой взгляд, глубоко символические акции. 8 сентября 1988 г. была возложена горсть чернозема с могилы В. Митты на могилу великого французского поэта Ш. Бодлера на кладбище Монпарнас в Париже. 25 ноября 1989 г. аналогичная акция произошла на могиле великого шотландского поэта Р. Бернса в Дамфризе в Шотландии. Эти акции как бы свидетельствовали о братстве поэтов, которое существует поверх барьеров и всяких границ.

А.П. Хузангай

Никифор
Федорович
Мранька
(Мораньков)
1901—1973

*Талантливый прозаик, драматург,
автор многотомного романа
«Век прожить — не поле перейти».*

ВЕК ПРОЖИТЬ — НЕ ПОЛЕ ПЕРЕЙТИ

Популярность в литературе — явление загадочное и противоречивое. Бывает, книга иного писателя в устах придирчивых критиков и коллег по творчеству получает не очень высокую оценку за неглубокий психологизм и тягу к авантюрно-приключенческим моментам в сюжете, за отдельные языковые шероховатости и т.д. Но читателей этот автор приводит прямо-таки в трепет: игнорируя авторитетное мнение, библиотечные экземпляры его книг они зачитывают до дыр, передают из рук в руки, сметают с полок книжных магазинов солидные тиражи. Горячие поклонники заваливают самого автора, редакции газет и журналов, книжное издательство письмами; охваченные полемическим жаром, они признают лишь восторженные оценки, интересуются судьбами любимых персонажей, просят писать (опубликовать) продолжение книги.

Примерно такая ситуация сложилась в чувашской литературе после выхода в 1959 г. первой книги романа Н. Мраньки «Век прожить — не поле перейти». Довольно холодно встретили книгу профессор-литературовед М. Сироткин, писатель Л. Агаков. Естественно, возник вопрос — опубликовать продолжение романа или нет?

Ажиотаж был несколько странный и непонятный: книга не выходила за рамки политических и художественных стандартов, в ней не было ни тематической новизны, ни отхода от литературных традиций, автор не покушался на запретное, не претендовал на сомнительные политические намеки и т.д.

Осторожность критиков и издательских чиновников можно было объяснить резонансом, вызванным книгой у читателей: их, возможно, на первых порах напугала небывалая популярность романа Н. Мраньки.

Феномен произведения стал понятен, пожалуй, после выхода третьей книги. Успех романа критики видели в том, что писателю удалось создать оригинальные и сильные характеры, обладающие притягательной силой.

Было время, когда, кроме литературного таланта, пролетарское или крестьянское происхождение, военный и трудовой опыт считались непременным условием для создания «истинно народных» произведений. Биография Н. Мраньки вполне вписывалась в кано-

Н. Мранька
(во втором ряду
первый слева)
с односельчанами.
1949 г.

ны эпохи. Она была на редкость богата, ее начальный этап напоминал «скитания» молодого М. Горького.

Родился Н. Мранька (Мораньков) 9 июня 1901 г. в д. Пиндиково Чебоксарского уезда (ныне Козловский район Чувашской Республики). В 1913 г. после окончания церковноприходской школы он поступил в двухклассную школу в с. Козловка. Учиться было нелегко. Ежедневно в слякоть и стужу приходилось ходить в школу, которая находилась в семи километрах от родной деревни. Однажды в зимнее ненастье Никифор простудился и серьезно заболел, из-за чего пришлось ему оставить учебу. Тяжело болел отец, скоро он ослеп. Чтобы помочь матери и двум братьям, неокрепшему юноше пришлось пойти «в люди». Летом 1913 г. по найму он работает весельщиком у бакенщика на Волге, затем выезжает в г. Казань и трудится в чайной и магазине у частных торговцев. Из-за низкой оплаты

часто меняет работу. На пристани пароходного общества «Кавказ и Меркурий» его принимают чернорабочим на баржу, затем он перебирается на буксирный пароход, работает матросом. Продолжил «скитания», став грузчиком леса у лесопромышленника Максимова.

Октябрьская революция застала Н. Моранькова на пристани «Кавказ и Меркурий» в г. Перми. В августе 1918 г., когда белочехи начали наступление на г. Тетюши, матрос оставляет баржу, переходит линию фронта и возвращается домой.

«В октябре 1918 г. я добровольно вступил в ряды Красной Армии и отправился на Восточный фронт, — указывает писатель в своей автобиографии. — Воевал против Колчака в рядах 1-го революционного полка им. Минского Совета. 9 июля на подступах г. Челябинск был ранен и выбыл из строя. После этого до 1 октября 1923 г. служил в разных запасных полках...»

Надо отметить, что Н. Моранька здесь несколько «упрощает» свою биографию, насыщенную событиями. В 1922 г. он самовольно оставил боевую часть и вернулся домой, за что был осужден на один год. После двух месяцев отсидки его освободили по амнистии и возвратили в армию.

Заметим, эта выходка позже аукнулась, когда в ходе чистки партийных рядов выяснилось, что Н. Мораньков при вступлении в ВКП(б) не указал свою судимость. Но отделался легким испугом: в его личном деле появилась лишь строка о наказании строгим выговором.

Жизненные «университеты» будущего писателя на этом не закончились. Около двух лет он трудился лесорубом и лесосплавщиком на реке Илеть. Позже в родной деревне организовал трудовую артель по погрузке и разгрузке леса, которая вскоре была реорганизована в сельское потребительское общество.

В марте 1925 г. Н. Моранькова избирают председателем сельского совета, в мае 1926 г. в порядке выдвижения назначают членом коллегии Народного Комиссариата ЧАССР. А в следующем году переводят в аппарат Высшего исполнительного комитета ЧАССР на должность инструктора. В 1928 г. избирают председателем Главной земельной комиссии.

Известно, в 30-е гг. XX в. в Чувашии прилагались серьезные усилия по развитию «важнейшего из искусств» — кинематографа. Начались поиски талантливой молодежи для привлечения в эту сферу. В 1930 г. Н. Моранькова, который к этому времени уже проявил себя как литератор, направили на годовичные курсы киносценаристов

при Институте кинематографии в Москве, по окончании которых до 1938 г. он работал сценаристом в студии «Чувашкино» (позже «Востоккино»), в соавторстве с И. Максимовым-Кошкинским написал сценарий «Асту» (Помни), по которому был снят полнометражный художественный фильм.

В феврале 1933 г. Н. Моранькова назначили директором чувашской студии «Союзкинохроника», в этой должности он проработал до 1938 г.* Затем трудился редактором газеты «Ленин ялавёпе» (Со знаменем Ленина).

К сожалению, о начале литературного творчества Н. Мраньки мы знаем мало. В автобиографии он указывает, что в 1928 г. начал писать пьесу «Эля», которая «увенчалась постановкой в Чувашском театре в апреле 1929 г.» Исследователь творчества писателя Н. Григорьев отмечает, что Н. Мранька «поначалу публиковал короткие очерки и фельетоны, рассказы, затем начал создавать пьесы». Емкие драматические произведения на злобу дня (так называемые «агитки»), где автор разоблачал противников строительства новой жизни, оказались востребованными: они публиковались в журнале «Сунтал» (Наковальня), в альманахах «Трактор» и «Художественная литература», ставились на сцене Чувашского театра, какими, например, являются его «Слушайте» (1930), «Первая категория» (1932) и др. К наибольшим удачам литературоведы относят драмы «Салют» (о Гражданской войне), «Бурлаки» (о революции 1905—1907 гг.).

Характерной особенностью пьес того периода критик Г. Хлебников считает внутреннюю полемичность. «В драме «Бурлаки» (Эльнеть) встает картина беззастенчивой эксплуатации лесоповальщиков купцами и фабрикантами. Нет, не было той крестьянской «сытости», о которой говорили бывшие эсеры и меньшевики, не было социальной гармонии среди черного люда, а была глухая ненависть к угнетателям, которая взорвалась во время первой революции забастовками и восстаниями — вот о чем говорит пьеса... В драме чувствуются следы творческой учебы у Горького, которые нашли отражение в идейной проблематике и построении композиции пьесы»**.

В годы Великой Отечественной войны Н. Мранька создает пьесы

* В автобиографии указано, что «ушел по болезни», но в воспоминаниях В. Моранькова, которые он прислал нам из г. Луганска, указано, что внезапный переезд в родную деревню связан с событиями 1937 г.: «Отца не могли так просто уволить, но еще не наступили роковые времена, и он удержался...» — *Авт.*

** Хлебников Г. Чувашский роман. — Ч., 1966. — С. 187—188.

«Родина зовет», «Кровь за кровь», «Письмо матери», «Любящие сердца», рассказы «Слово матери», «Не мог я говорить иначе» и др., в которых основной конфликт развивается между оставшимися в тылу тружениками и дезертирами-вредителями, расхитителями колхозной собственности.

В марте 1942 г. Н. Мранька был призван в армию. Служил он политработником, но участвовать в боевых действиях ему не довелось. После демобилизации писатель был принят в Козловский райком КПСС на должность заведующего отделом пропаганды и агитации. Вскоре его перевели в исполком районного Совета заведующим отделом культурных учреждений.

Удел районного чиновника средней руки — звать, мобилизовать, добиваться неукоснительного выполнения установок свыше, говорить с трибун об успехах, закрывая глаза на недостатки. Видимо, не просто было жить писателю с двойной моралью, а когда стало совсем невмогуту, он вышел на трибуну районной организации партии и сказал «всю правду». Случилось это 12 февраля 1950 г.

«По поводу доклада товарища Имуллина (первый секретарь Козловского райкома партии. — *Авт.*) можно сказать, что я много слушал его, но такого несамокритичного выступления еще не слышал, — ринулся он с места в карьер. — Доклад изложен по принципу: «Не сказать нельзя, но сказать обо всем опасно...» Мы живем уже 33 года после свершения Октябрьской революции, 20 лет тому назад организовали колхозы, уже 5 лет прошло, как закончилась война. Под громкими фразами о всеобщем достижении нашей страны мы умалчиваем о том, что колхозников «посадили» на картошку. Почему случилось так, что значительная часть колхозников, именно те, которые наиболее добросовестно отнеслись к колхозному труду, остались без хлеба, а многие колхозы — без семян и фуража?.. Каждый из нас чувствовал, что тов. Имуллин не в меру увлекся темпами хлебозаготовки, что у него получилось головокружение от успехов. Мы не сумели предостеречь тов. Имуллина от порочного метода руководства. И это могло случиться потому, что у нас не было критики и самокритики...»

Конечно, это неслыханное по тем временам острое выступление не могло пройти бесследно. Не простили Никифору Федоровичу за высказанную правду и справедливую критику в адрес первого секретаря райкома партии. Тот начал собирать факты для обвинения писателя в антисоветском выступлении, искать лжесвидетелей. Вскоре Н. Мранька был вызван в Чебоксары, где у него отобрали партбилет, а самого по дороге на пристань арестовали.

На отдыхе
в г. Сочи. 1961 г.

Ныне в некоторых публикациях указывается, что Н. Мранька по характеру был вспыльчив, на язык не воздержан и пострадал за спонтанно высказанные слова с высокой трибуны. Дочь писателя И. Кириллова (Моранькова) в своих воспоминаниях напрочь опровергает эти утверждения: «Перед партконференцией текст своего выступления он зачитал матери. Заплавав, та сказала: «Этим ты ничего не изменишь, лишь погубишь себя». Отец на это ответил: «Будь что будет — выступлю, ведь кто-то должен заступиться за колхозни-

ков»*. Трагедия коснулась не только самого писателя, но и его семьи. Чтобы избежать исключения из Чувашского педагогического института, его сын Виталий вынужден был срочно оставить учебу и перевестись в Одесский университет. Дочь Ира, студентка выпускного курса этого же вуза, несмотря на угрозу исключения, осталась в Чебоксарах. Получив диплом, она переехала в Казахстан.

Следует отметить, что репрессия не сломила дух писателя. В застенках он боролся с тюремными порядками, объявляя голодовку. Удалось ему здесь продолжить работу над романом «Век прожить — не поле перейти». После выхода на свободу о своих тюремных днях, причинах незаконных репрессий и путях их преодоления он собирался рассказать с трибуны съезда чувашских писателей**.

После реабилитации о тех роковых событиях Н. Мранька написал трагедию «Плаха», слегка изменив фамилии реальных персонажей: Имуллин — Шамуллин, Ахазов — Айхалов и т.д.***.

В письме своим детям Н. Мранька писал: «...Отклики об этой повести (речь идет о рассказе А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича». — *Авт.*) были в печати и прозвучали по радио. Мне казалось, что там написано очень серьезно о культе личности. Но это оказалось всего-навсего описание одного дня лагерной жизни. В общем, ищут стрелочников, чтобы остались незамеченными настоящие преступники. Ведь еще не разоблачен ни один преступник, действовавший хотя бы в масштабе области. Больше того, они спокойно работают, а придет время, как заслуженные деятели пойдут на пенсию. Они-то не дадут довести разоблачение до конца»****.

Как явствует из автобиографии, первую книгу романа «Век прожить — не поле перейти» Н. Мранька окончил до незаконной репрессии, сдал в издательство, а в тюрьме работал над последующими книгами.

«В начале 50-х гг. прошлого века редактор книжного издательства видный прозаик Хв. Уяр для ознакомления предоставил мне объемистую рукопись, — вспоминает писатель Н. Григорьев. — Напомнил, поскольку автор сидит в тюрьме, читать книгу желательно вне стен издательства. Захватывающий сюжет, яркие характеры — вот что бросилось в глаза с первых же страниц. «Если поработать над рукописью как следует — роман прозвучит», — таково было

* Таван Атӑл. 2001. №6.

** Н. Мранька не смог участвовать на съезде по состоянию здоровья.

*** Таван Атӑл. 2001. №6.

**** Датировано 24 января 1962 г.

мое мнение. Скоро автор вышел на свободу, пришел в издательство. Держался он робко, отказывался даже зайти в кабинет. У подоконника (тогда издательство размещалось на верхнем этаже Дома печати по ул. Володарского) мы обменялись мнениями о книге. Через месяц Никифор Федорович приехал вновь. Со многими редакторскими замечаниями, особенно с сокращениями, он не был согласен: «Если так будешь кромсать, что от книги останется?» Авторский стиль в целом меня устраивал, но были шероховатости, чтобы придать динамизм повествованию, следовало избавляться от повторов и лишних подробностей. По 20—30 страниц он забирал в ходе своих «челночных» заездов в Чебоксары. Порой горячо спорили (заметил его вспылчивый характер), но приходили к единому мнению. Успех первой книги окрылил нас. Правда, те части романа, над которыми он трудился в заключении, требовали особенно тщательной работы. Писатель рассказывал, что ему не давали бумаги в достаточном количестве. Тюрьма — не Дом творчества, были видны следы эскизности. Ценил он читательские отзывы. «Пусть критики выискивают недостатки, но мы на вашей стороне» — не редко их отзывы заканчивались такими словами. Разные были письма. Помню, Никифора Федоровича сильно огорчило мнение одного из его земляков. От его объемистого послания, направленного в издательство, веяло доносом*.

Взвешенную и убедительную оценку произведению Н. Мраньки дал известный критик Г. Хлебников в своей книге «Чувашский роман» (1966). В последующем эта позиция не была оспорена, ее можно считать точкой в многолетнем споре о первых книгах романа: «Тема романа Н. Мраньки в историко-хронологическом отношении почти одинакова с темами романов «На заре» С. Эльгера, «Ахрат» С. Аслана, «Черный хлеб» Н. Ильбека: это вызревание в Чувашском крае революционных событий 1905—1907 гг., — отмечал критик. — Однако сходный исторический материал освещается в них с разных сторон. Романисты мыслят характерами, а характеры в этих произведениях различные**.

Уже в экспозиции романа автор выявляет основной конфликт, который последовательно развивает в пяти книгах (шестая книга, незавершенная, опубликована в журнале «Тăван Атăл» (1991, № 8—11). Богач Михха в пьяном угаре насккивает на своем аргамеке на толпу односельчан, которые возвращались с кладбища, где помя-

* Из беседы с автором данного очерка. 2008 г.

** Хлебников Г. Чувашский роман. — Ч., 1966. — С. 189.

нули усопших предков. На его пути встает сельский богатырь Степан, который останавливает разгоряченного коня и ударом своего пудового кулака сваливает животное с ног. Изошренно мстит за это ему Михха: дважды конокрады уводят с его двора кормилиц-лошадок, «кто-то» отравляет корову с теленком, а надел земли переходит в руки сельского мироеда. Немудрено, что «богатырь с детской душой» (Н. Григорьев) оказывается бессильным в противостоянии с полукрепостническими порядками общества и их защитниками.

«Мранька умеет открывать в мужике гуманнейшие чувства, — отмечал Г. Хлебников. — Быт его суров. Много причин для ожесточения сердца. И тем удивительней любовь Степана к детям, тем трогательней забота о здоровье жены, дружба с соседями и даже доверчивость к прежнему врагу... В романе свет от характеров героев падает на все то, что их окружает. Такого всестороннего интереса к человечности, умения распахивать душу героев не хватало первым чувашским романам»*.

Особенно удачными Г. Хлебников назвал первые две книги романа, где автору удалось воплотить «большую правду жизни в новой для чувашской прозы оригинальной форме... Но задачу создания романа-эпопеи Н. Мранька разрешить не смог. Обогащая литературу многосторонне индивидуализированными и емкими социальными характерами, он вместе с другими романистами вплотную подводит современную чувашскую прозу к решению этой задачи»**.

Многочисленные читатели, горячие поклонники творчества Н. Мраньки, утверждали, что роман пропитан притягательным ароматом народной жизни. Автор хорошо знал языческие обычаи, особенности крестьянского хозяйства, плюсы и минусы общинной формы пользования землей. Он умело использовал эти знания для создания впечатляющей панорамы патриархальной деревни, с лихвой компенсировав недостатки и промахи произведения — неглубокий психологизм и увлечение авантюрными сюжетами.

До своих последних дней писатель продолжал трудиться за письменным столом, планировал завершить роман восьмой книгой, параллельно вел работу над автобиографической повестью. Оборвалась его жизнь 20 февраля 1973 г. после неудачной операции.

В.Н. Алексеев

* Хлебников Г. Чувашский роман. — Ч., 1966. — С. 190—192.

** Там же. С. 206.

**Петр
Николаевич
Осипов
1900—1987**

***Н**ародный писатель Чувашии (1984),
талантливый драматург,
прозаик, автор пьес «Айдар»,
«Кужар», «Симфония будней»,
«Проклятое племя»,
романа-эпопеи «Эльгеевы».*

«РАЗНОЕ АМПЛУА — РАЗНОЕ СЧАСТЬЕ»

Природа щедро одарила его: врач (кандидат медицинских наук), главный терапевт республики, отличный скрипач, блестящий актер и режиссер, талантливый драматург, переводчик и прозаик, педагог, общественный деятель. Во всех этих «ипостасях» он сумел сказать свое неповторимое слово.

Родился 14 (27) января 1900 г. в д. Кудемеры Чебоксарского уезда (ныне Козловский район Чувашской Республики), с ранних лет познал трудности крестьянской жизни. Его отец был образованным и состоятельным человеком, держал склад, выписывал газету «Хыпар». Маленького сына он не раз брал с собой в г. Казань. Но в 10 лет мальчика постигло жестокое горе, он остался сиротой: от чахотки умерли отец и мать, позднее — и брат. Возможно, именно тогда у него зародилось желание стать врачом. Чтобы приблизить мечту, он поступает в Казанскую мужскую гимназию № 3. Но романтическая душа Петра не удовлетворялась сугубо естественно-научными знаниями. Одновременно с учебой в гимназии с 1913 по 1918 гг. он получает уроки в Казанском музыкальном училище по классу скрипки, затем два года в Татарском музыкальном техникуме, посещает Восточную консерваторию, играет роли статистов в театре оперы. Позже начинает исполнять сольные скрипичные партии в симфоническом оркестре при Казанском театре оперы и балета.

Во время каникул П.Осипов не пропускал молодежные праздники, свадьбы. Очень нравились ему гостевые и молодежные песни. Конечно, хотелось их запечатлеть на бумаге. Также старательно записывал он сказки и легенды, предания, которые впоследствии легли в основу драматических произведений. Уже 16-летним юношей на основе сельских историй он пишет пьесу «На посиделках». В 1924 г. опубликовал ее в журнале «Сунтал» под названием «У двух парней одна дума». В 1918 г. в сельском клубе несколько раз ставилась комедия «Потеха», сюжет которой автор также записал в родной деревне. Поскольку она существовала только в рукописном варианте, до наших дней не дошла. Сценическая судьба следующей пьесы «Кужар»* оказалась счастливей: она неоднократно ставилась профессиональными и народными коллективами. По признанию самого автора, это

* Кужар — девичий праздник.

П. Осипов —
учащийся Казанской
мужской гимназии
№ 3.

произведение — одно из самых любимых, где прототипами являются его родственники и односельчане.

После революции 1917 г. воодушевленная свободой чувашская молодежь Казани спланируется и создает национальный театр. Вместе с И. Максимовым-Кошкинским П. Осипов принимает самое активное участие в его организации. «Ко мне подошел высокий и худощавый юноша и попросился в труппу актеров, — вспоминал Иоаким Степанович. — Это был ученик Казанской мужской гимназии Петя Осипов. Он был очень скромным, но талантливым». Характеризуя драматургию П. Осипова, И. Максимов-Кошкинский писал: «Он настоящий мастер диалога, его герои говорят на истинно чувашском языке, каждый образ имеет неповторимую речь. Пьесы очень сценичны...». Разумеется, маститый кино- и театральный режиссер такую характеристику мог дать только настоящему драматургу.

27 января 1918 г. Чувашский театр города Казани показывает свой первый спектакль по пьесе А. Островского «Не так живи, как хочеться». В роли Еремки дебютировал 18-летний гимназист П. Осипов, избравший себе звучный псевдоним Эльгей. По отзывам современников, эта роль была сыграна им на вполне профессиональном уровне. В течение двенадцати лет — до 1930 года — П. Осипов создал целую галерею ярких образов, обогативших молодую чувашскую сцену: Ухтеркке («На суде» Ф. Павлова), Ухатер («Ухатер» Г. Тал-Мрзы), Подколесин («Женитьба» Н. Гоголя), Осип («Ревизор» Н. Гоголя), Митрофанушка («Недоросль» Г. Фонвизина), Сатанвиль и Журден («Жорж Данден» и «Мещанин во дворянстве» Ж. Мольера), Дерюгин («Светит да не греет» А. Островского), Муромский («Свадьба Кречинского» А. Сухово-Кобылина), Мордыкин («Нечистая сила» А. Толстого), Король Дагобер («Королевский брандмейстер» А. Луначарского), музыкант Миллер («Коварство и любовь» Ф. Шиллера), Вильям Шекспир («Бедный Иорик» М. Тамайо-и-Бауса). Как отмечает театровед Ф. Романова, «П. Осипову как актеру было свойственно глубокое проникновение во внутренний мир героя, умение раскрывать его психологию, мотивы поведения. В то же время в комических ролях ярко проявлялась острота мысли, великолепное чувство юмора, наблюдательность». В 1920 г. после гастролей Чувашского театра в г. Симбирск артист Кумельский, очарованный игрой П. Осипова, писал: «За свою жизнь я повидал много Миллеров, но так талантливо и от души, как П. Осипов, сыграл только артист Д. Смирнов. Осипов не только комик, но и истинный трагик, ему следует играть Лиоа, Трибулена, Свингалия, Дона Сезара де Базана!»

Для вновь созданного театра нужны были пьесы. П. Осипов переводит с русского на чувашский трагедию Ф. Шиллера «Коварство и любовь», драму М. Тамайо-и-Бауса «Бедный Иорик», комедии А. Толстого «Нечистая сила», А. Луначарского «Королевский брандмейстер», монодраму А. Чехова «О вреде табака», инсценирует поэму К. Иванова «Нарспи» (впервые поставлена в 1921 г.). По признанию самого П. Осипова, ему очень нравилась эта поэма, поэтому при создании драмы «Айтар» он дал своим персонажам похожие имена: Пинерпи, Сентьер.

В 1918 г. П. Осипов завершает учебу в гимназии с серебряной медалью и поступает на медицинский факультет Казанского университета. Но студенческая пора оказалась короткой — в 1919 г. он добровольцем уходит на Гражданскую войну, работает в редакции газеты «Чухансен сасси» (Голос бедноты), издававшейся Чувашским политотделом Пятой армии Восточного фронта. Также играет в пе-

редвижной Ударной труппе чувашских красноармейцев, в составе которой побывал в Симбирске, Самаре, Уфе. В 1920 г. П. Осипов возвращается в университет и в 1924 г. получает диплом врача.

За что бы ни брался этот одаренный юноша, все он делал с большим энтузиазмом, с душой. Не только на сцене, но и в медицине показывал отличные успехи, за что его оставили в клинической ординатуре при кафедре внутренних болезней Казанского университета. В это время он снимается в роли Тевлета в одном из первых чувашских кинофильмов «Черный столб» (1927 г., студия «Чувашкино»). Профессор Казанской терапевтической клиники М. Чебоксаров вспоминал, что он очень удивился и обрадовался, когда узнал, что у

П. Осипов
в роли
Подколесина
(комедия
«Женитьба»)
г. Казань. 1919 г.

него работает настоящий артист и киноактер. Отпуская его на съемки в Москву, напутствовал: «Разное амплуа — разное счастье».

После образования в 1920 г. Чувашской автономной области Чувашский театр во главе с И. Максимовым-Кошкинским переезжает в Чебоксары, но П. Осипов из-за учебы в университете вынужден был остаться в Казани в труппе Г. Зайцева (Тал-Мрзы). В этот период наряду с работой в клинике он создает свои значительные драматические произведения: «Ёмёр сакки сарлака», «Ылханлă йăх», «Кăкклман тымарсем», «Трахомă юрри», «Хёрлĕ хунав», «Айтар», с успехом ставит их на сцене Чувашского педагогического техникума Казани. В ходе репетиций он дорабатывал и оттачивал свои произведения. Поэтому пьесы получились с богатыми постановочными возможностями, где умело использовано устнопоэтическое народное творчество. Почти все они поставлены на сцене чувашских и русских театров. Главная тема в них — историческое прошлое, быт и нравы народа, показ нового героя в новое историческое время, зарождение чувашской интеллигенции. Публикуются они позже. Здесь нельзя умолчать об одном факте: нередко ему приходилось переделывать пьесы, поскольку они не вписывались в рамки официальной идеологии. Позднее, вспоминая это нелегкое время, он скажет: «Мои произведения не устраивали то одного, то другого. Я уже не знал, кому как уго-

Писатели
П. Осипов,
Н. Дедушкин,
И. Максимов-
Кошкинский.

П. Осипов
(второй слева)
при осмотре
пациента.

дить. Потом сделал вывод: не нужно было ничего менять из-за чьих-нибудь замечаний». Так, известно, насколько искажился первоначальный замысел драмы «Пирён пурна́с хәтлә́хра» (Айдар), когда вместо показа задуманной народной мощи (в основу была положена бытующая в народе легенда о народном герое Айдаре и участие чувашей в Пугачевском восстании) ему пришлось изобразить лишь упрощенный социальный конфликт.

Интересна судьба другой его пьесы — «Родина». Автор посвятил ее победе советского народа в Великой Отечественной войне. Но после выхода в 1946 г. Постановления ЦК ВКП(б) «Репертуары драматических театров и меры по их улучшению» были раскритикованы некоторые эпизоды этого произведения, как «искажающие героизм советского солдата, мужество тылови́ков и т.д.». По этой нелепой причине пьеса несколько раз переделывалась и переименовывалась: «Ленинградский портсигар», «На родине»,

«Песня о Родине». В итоге автор смог завершить ее лишь к 25-летию юбилею республики, она была опубликована под названием «Юхан шыв хёрринче», затем была переделана в либретто оперы «Прерванный вальс», которую в 1963 г. режиссер Б. Марков поставил на сцене. Следует заметить, что по просьбе П. Осипова композитор Г. Лебедев написал музыку для торжественного финала. Это произведение сегодня знакомо нам как Государственный гимн Чувашской Республики.

По глубокому убеждению П. Осипова, многие беды чувашского крестьянина исходили из его необразованности и консервативности. В 1929 г. после XIV областной партийной конференции городской комитет партии в составе 1200 человек отправил его на месяц для организации сельхозкооператива в д. Изеево. Приходилось ему лечить больных трахомой, выступать с агитационными докладами. Эти события легли в основу драм «Новая волна» и «Песня трахомы».

В 1927 г. по приглашению Народного комиссариата просвещения Чувашской АССР П. Осипов переезжает в Чебоксары. Его назначают заведующим санитарно-эпидемиологическим подотделом Народного комиссариата здравоохранения (1927—1928). Наряду с работой в больнице на общественных началах он трудится художественным руководителем чувашского театра (1927—1930), который после отъезда И. Максимова-Кошкинского в Москву остался без режиссера. Время

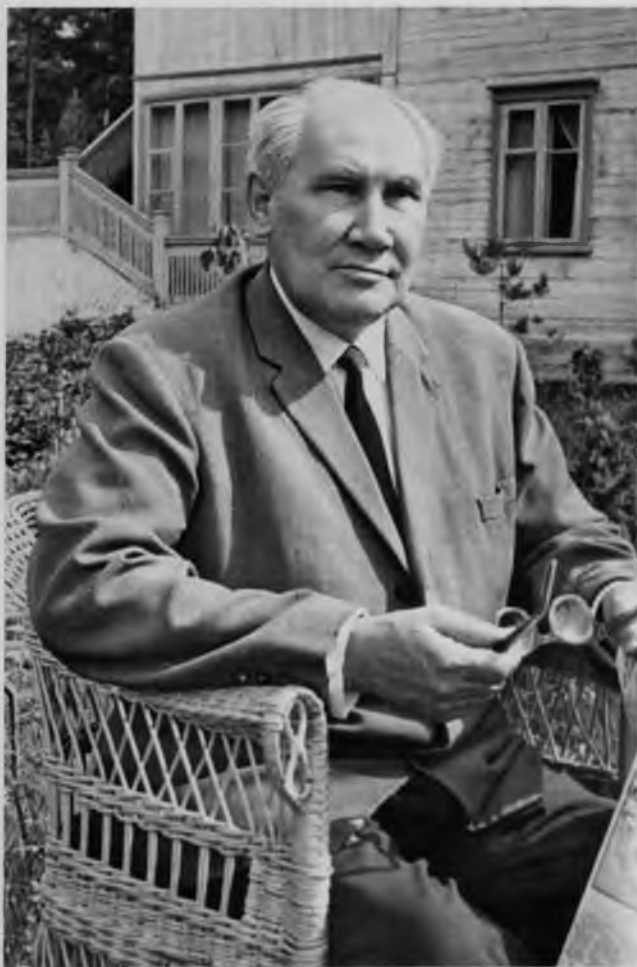
П. Осипов в роли
Тевлета.
Кадр из фильма
«Чёрный столб».
1927 г.

П. Осипов
(в центре)
с артистами
Чувашского акаде-
мического
драматического
театра
им. К.В. Иванова.

было трудное. Из-за отсутствия зарплаты часть артистов уволилась, заново нужно было собирать коллектив. В том же году при театре открыли драматическую студию. Преподавателей пригласили из Москвы. Театр в эти годы ощутил новый подъем, мастерство актеров росло. В этом немалая заслуга главного режиссера П. Осипова. Кроме этого, он преподает в классе скрипки в Чебоксарском музыкальном училище (1931—1934). В те годы драматург серьезно начинает интересоваться музыкой: пишет пробные сочинения, знакомится с известным композитором А. Касьяновым, музыкантами И. Люблиным, В. Кривоносовым, С. Грабером.

В 1934 г. П. Осипов участвовал в работе Первого съезда Союза писателей СССР. В том же году он участвовал в Декаде чувашской музыки в г. Горьком, где в оркестре под руководством С. Грабера играл скрипичные партии.

П. Осипова по-особому волновала судьба национальной интеллигенции. В основу пьесы «Симфония будней» (музыка И. Люблина) лег конфликт

На отдыхе
в Доме творчества
«Сильби».
1980-е гг.

между народниками и идеалистами (сторонниками европейской музыки), в которую он был втянут и сам. Тогда П. Осипов встал на сторону В. Кривоносова и И. Люблина, «дерзнувших добавить полутона в народную пентатонику в стремлении сравниться с русской и европейской культурой». Он стоял у истоков зарождения чувашской музыкальной комедии и оперы: написал либретто для опер по мотивам своих пьес «Прерванный вальс» и «Священная дубрава». Создал музыкальную комедию «Сваха из Шоршел» в соавторстве с А. Асламасом.

В Чувашии в 30-е гг. свирепствовали туберкулез, тиф, трахома, а врачей не хватало. В столице функционировала всего одна больница, где принимали больных со всей округи. В это сложное время П. Осипова назначают заведующим терапевтическим отделением Чебоксарской городской больницы (1928—1933). Он отдает много сил на искоренение этих болезней. По его инициативе в Чебоксарах прокладывают водопроводные трубы, открывают кабинет клинической диагностики. В 1927 г. он первым в истории медицины доказал обезболивающее действие гистамина при язвенной болезни. В 1928 г. впервые открывается кабинет пневмоторакса для лечения туберкулеза. В 1931 г. П. Осипов впервые в республике осуществляет переливание крови пациенту. С 1934 по 1947 гг. он был главным врачом Чебоксарской городской поликлиники, в 1948—1950 гг. — министром здравоохранения Чувашской АССР. Его стараниями в 1938 г. в Чебоксарах открывается кабинет грязевого лечения. С его именем также связана организация скорой медицинской помощи и службы санитарной авиации. В 1950 г. П. Осипов был назначен главным терапевтом Министерства здравоохранения республики, в этой должности он проработал до июня 1964 г., затем до 1974 г. заведовал кардиоревматологическим центром в РКБ № 1. В 1965 г. П. Осипов, используя электроимпульсы, впервые в Чувашии начинает лечить сердечную аритмию.

Сын и дочь П.Осипова пошли по стопам отца. Они оба — профессора медицины, работают в Москве.

П. Осипов был одним из активных участников ликвидации трахомы в Чувашии в 1930—1960-х гг., организации научно-практических обществ и создания Совета этих обществ, являлся бессменным председателем Общества терапевтов (1947—1975) и председателем Совета медицинских обществ (1967—1972).

В 1943 г. Петр Николаевич защитил кандидатскую диссертацию на тему «Вопросы патогенеза и терапии легочных нагноений». Опубликовал около 50 научных трудов по медицине. За выдающиеся достижения в области здравоохранения ему присуждено звание «Заслуженный врач РСФСР» (1945), за достижения в области культуры и искусства — звание «Заслуженный деятель искусств Чувашской АССР» (1940). Он награжден орденами «Знак Почета» (дважды), Трудового Красного Знамени, Дружбы народов, медалями. В 1984 г. ему присвоено звание «Народный писатель Чувашской АССР». Его имя занесено в Почетную Книгу Трудовой Славы и Героизма Чувашской АССР (1970).

П. Осипов прожил долгую и интересную жизнь. Пережил революции (1905, 1917), Гражданскую и Великую Отечественную войны,

коллективизацию и индустриализацию страны. Рожденный художником, он успешно работал и в искусстве, и драматургии, и медицине. Душой он навеки был привязан к Чувашии и родному народу.

В последнем своем крупном произведении — прозаической трилогии «Род Эльгеевых» («Элкей таврашĕ», «Пиччĕшĕпе шăллĕ», «Элкей Павăлĕ») на примере своей семьи показал зарождение культурно-просветительских традиций среди чувашской интеллигенции, рост национального самосознания. Жизненный путь представителя второго поколения семьи Эльгеевых, Павла, во многом совпадает с биографией самого писателя: распространение капиталистических отношений в сельской среде, учеба в гимназии, участие в революции и Гражданской войне, игра на любительской, а затем и профессиональной сцене, врачебная деятельность. Нельзя не отметить художественное мастерство писателя в «освоении проблем личной ответственности за воспитание внутренней культуры людей» (Г. Хлебников). Сквозь призму истории вырисовываются судьба отдельного человека, его глубоко интимные переживания. Роман представляет собой автобиографическую сагу, в которой автор изложил свою трудную, но славную жизнь, прожитую во имя родного чувашского народа.

Е.Р. Афанасьева

Юрий
Семенович
Семендер
1941

*Народный поэт Чувашии (1999),
лауреат премии Комсомола Чувашии
им. М. Сеспеля, автор книг
«Присяга», «Орбита», «Здравствуй,
солдат», «Калина на опушке»,
«Черное и белое», а также многих
популярных песен.*

«СТИХИ МОИ, ДУШОЮ НЕ КРИВИТЕ...»

Один из самых плодотворно работающих писателей нашего времени Ю. Семендер пришел в чувашскую литературу в начале 70-х гг. прошлого столетия. Именно тогда появились его первые стихи и поэмы, где имелись выстраданные строки о трудном детстве, военном лихолетии и раннем гражданском становлении. Уже в то время поэт поставил перед собой высокую планку:

Стихи мои,
Душою не кривите,
Звените, словно гусли,
В трудный час.
Не суетитесь вы и не кричите,
Чтоб не назвали пустомелей вас.

(Перевод П. Градова)

Сегодня, по прошествии более тридцати лет, мы можем смело констатировать, что заветная мечта поэта сбылась. Судя по изданиям его произведений на языке оригинала и по переводам на российские и зарубежные языки, Ю. Семендер известен как яркий представитель современной чувашской поэзии.

Родился Ю. Семендер (Юрий Семенович Семенов) 2 января 1941 г. в д. Таныши Красноармейского района. Учился в Исаковской семилетней, Красноармейской средней школах, окончил Цивильское культурно-просветительское училище и историко-филологический факультет Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова. Работал в Цивильском райкоме комсомола, редакции районной газеты «Путь Октября», Чувашском книжном издательстве и в течение более тридцати лет (1974—2005) — главным редактором журнала «Ялав» (Знамя). Дважды — рядовым и офицером — призывался в армию, которой посвятил книги «Присяга», «Орбита».

Вспоминая свою первую встречу с Ю. Семендером, видный московский поэт В. Кочетков пишет: «Знакомы мы с ним еще с Ташкентского фестиваля молодой поэзии, где он был участником семинара, руководимого мной... Чувствовалось, что его лирика близка к песенному жанру, в то же время многие стихи он строил на основе неожиданных жизненных деталей. Эти качества он развивал из года в год, а впоследствии все заметнее обнаруживается

Ю. Семендер
с дочерью Людмилой.
1977 г.

его тяготение к философским обобщениям. Я перевел на русский язык много стихотворений Ю. Семендера, они увидели свет и в Чебоксарах, и в Москве, и в других краях». Именитому русскому поэту импонирует тесная связь чувашского автора с устным народным творчеством, народное представление о красоте, нравственных ценностях в них занимают главенствующее положение, присутствует легкий народный юмор.

Ценители поэзии Ю. Семендера одним из ярких его произведений, проникнутых страстным пафосом, считают поэму-балладу «Пуля». Она была написана в 1990 г. в Доме творчества писателей Белоруссии, в стране, где в Великую Отечественную войну погиб каждый четвертый житель. Поэма выдержала множество публикаций и эфирных исполнений и получила огромное количество откликов читателей и слушателей. Слово поэта всколыхнуло немало сердец,

вынесших неисчислимые беды и лишения в годы войны. Концепция произведения основана на необычном трагическом происшествии: сын, защищая Сталинград от фашистских захватчиков, погибает от пули, изготовленной руками родной матери, работающей на военном заводе. Не будем вдаваться в сюжетные подробности развития событий, а обратим внимание на возникающий при этом главный вопрос: во имя чего воюет человечество, почему в кровавых схватках лишаются жизни тысячи и миллионы людей? В стихотворении «Монолог свинца» эта мысль поэта превращается в крик души, в гневный протест против вооружения и насилия:

Отливайте не пули, отливайте шрифты,
Чтобы хорошие книги рождались на свет.
Я не крови хочу, я хочу красоты.
Я добра вам хочу, а не крови и бед.

(Перевод В. Кочеткова)

Поэтические сборники Ю. Семендера «Медный колокольчик», «Млечный путь», «Черное и белое», «Узорчатый мост», а также поэмы «Последний путь», «Сосна», «Катюша», «На стыке двух суток» пользуются большой популярностью у читателей, в них автор добивается большого накала чувств в раскрытии внутреннего мира нашего современника.

Сборник стихотворений Ю. Семендера «Здравствуй, солдат», посвященный жизни и боевой учебе российских воинов, в 1983 г. удостоился премии Комсомола Чувашии им. М. Сеспеля. И действительно, этой книгой, раскрывающей думы и чаяния молодых защитников Родины, военно-патриотическая тематика чувашской поэзии получила своеобразное пополнение, выраженное в зримых армейских образах солдат, обеспечивающих покой трудового народа в мирное время. Верность присяге, самоотверженному воинскому долгу, постоянная готовность к подвигам — эти и другие благородные поступки и стремления молодых воинов были отображены в поэтических строках емко и масштабно. Как новинки воспринимались многие детали солдатской жизни: блеск молнии во время ночного штурма высоты, например, молодой пехотинец понимает как попытку неба выявить трусов среди атакующих, в глобусе солдат видит объект, который заставляет чувствовать ответственность за весь земной шар, а в зеркале родника в минуты привала улавливает взгляд матери, в котором выражен наказ Родины. Так в обычных повседневных картинах, пейзажных зарисовках поэт добивается мелодичного соприкосновения душевных струн.

А. Лукин,
Н. Ильбек,
Ю. Семендер.
1980 г.

Духовные ценности каждого народа куют таланты на наковальнях своих сердец. Строка за строкой, книга за книгой, полотно за полотном формируется художественный опыт России на новом витке истории. Вот и сейчас мы переживаем непростые времена. Некоторые политики пытаются доказать, что поэтическое слово в наши дни не имеет веса. Ловкачи ушли в бизнес, иные подались за границу, некоторые совсем замолчали. Какую же позицию выбрал в этих условиях чувашский поэт Ю. Семендер?

Скажем прямо, в этой круговерти он, без сомнения, оказался в авангарде народной демократии. Его гражданский пафос, философская лирика, исторические размышления оказались устремленными к многовековому прошлому чувашского народа. В эти годы он создает либретто оперы о бесстрашном гунне Аттиле, в войсках которого языком межнационального общения был тюркский диалект, сохранивший

**В. Кочетков
и Ю. Семендер.
1987 г.**

**Композитор
Ф. Лукин,
поэты Ю. Семендер
и В. Давыдов-
Анатри. 1985 г.**

свои черты, по определению известного историка Л. Гумилева, в современном чувашском языке. В либретто другой оперы, названной «Птицей счастья», Ю. Семендер показывает мужественную борьбу чувашских племен во времена насильственной исламизации, ставя во главу угла процесс формирования их национального самосознания.

Поэт достиг больших успехов в песенной лирике. В содружестве с композиторами за сорок пять лет активного творчества он создал более 400 песен, свыше десяти вокально-хореографических сюит, оратории и кантаты, музыкальную комедию «Лебедушка», либретто балета «Лесные дети».

Немало сделано им в области перевода: издано на чувашском языке «Слово о полку Игореве», стихи А. Пушкина, М. Лермонтова, С. Есенина, произведения многих писателей народов России, стран СНГ и дальнего зарубежья, в том числе более 15 пьес для театров. В то же время и произведения самого Ю. Семендера стали достоянием десятков народов России и мира.

Поэма, баллада, сказка, рубай — в таких разнообразных жанрах добивается Ю. Семендер своего самовыражения. Язык его произведений богат и сочен, в ритмике наряду с народной силлабикой применены традиционные реминисценции. Все это наглядно свидетельствует о новаторских качествах его сочинений.

Расширяется его современная тематика. Заслуженно отмечая успехи, он смело бичует псевдодемократов, которые пекутся только о личном благополучии. Глубокую озабоченность вызывает у поэта сохранение и развитие родного языка, национальной культуры. В небольшом стихотворении «Душа матери», например, описывается характерная картина: душа усопшей матери, и на том свете не знающая покоя, возвращается домой и видит, что в окнах стоит темень, из трубы дым не идет. В поисках детей она направляется в город. Разыскав их жилье, душа матери прикладывает ухо к двери. Ее глаза тут же наполняются горящей слезой: оказывается, ее дети и внуки разговаривают на не родном, а «городском» языке. А куда делся тот язык, на котором она выражала материнскую любовь,

связывала надежды на будущее, давала благословение? Выходит, сохнут корни родового древа... Кто виноват? Пожалуй, мать, ибо она не оправдала завещаний предков...

Оценивая творчество своего чувашского сверстника, лауреат Государственной премии Российской Федерации и Государственной премии Республики Татарстан, народный поэт Татарстана и заслуженный работник культуры Чувашской Республики Р. Харис писал: «Древо творчества Юрия Семендера, как и многих его русских, башкирских, удмуртских, марийских, мордовских, татарских сверстников, питается животворными соками фольклора, дышит свежим воздухом современности «края ста тысяч песен».

Активен он и в общественной деятельности. Избирался депутатом Чебоксарского городского собрания, многие годы являлся членом правления Союза писателей Чувашии, членом ученого совета Чувашского государственного института гуманитарных наук, чле-

Ю. Семендер
среди строителей
Чебоксарского
тракторного завода.
1979 г.

Победителю пробега —
кубок журнала
«Ялав». 1977 г.

ном коллегии Министерства культуры, по делам национальностей, информационной политики и архивного дела Чувашской Республики, членом комиссии по вопросам помилования при Президенте Чувашской Республики.

Особо хочется отметить деятельность Ю. Семендера в установлении и укреплении дружеских связей с представителями других национальных литератур. Общительный от природы, живо интересующийся творческими успехами своих собратьев по перу, он имеет большой круг близких по духу литераторов как в России, так и в зарубежье, ведет с ними постоянную переписку, переводит их произведения на чувашский язык, часто приглашает друзей к себе домой. Это

якут С. Руфов, таджик А. Адхам, башкиры С. Алибаев и А. Ахметкужин, татары Р. Харис и Р. Миннуллин, марийцы А. Тимеркаев и А. Иванова, украинцы С. Репях и О. Ющенко, белорусы Ю. Свирка и В. Павлов и болгары К. Химирски и И. Соколов... А русские поэты В. Кочетков, А. Парпара, В. Широков, П. Градов, И. Смирнов были для него как родные братья — передавали свой богатый опыт, переводили его стихи и поэмы, писали рецензии на его книги. Эти славные поэты братских литератур нашли в Ю. Семендере выразителя мечты и чаяний всего чувашского народа, поэта талантливо-го, искреннего, самобытного.

Возглавляя более тридцати лет один из самых старых и авторитетных чувашских журналов «Ялав», он показал себя умелым руководителем, добрым наставником, открывал новые и новые имена одаренных литераторов, активно работал по наращиванию тиража издания, доводил его в отдельные годы до 40—50 тысяч. «Ялав» был любимым журналом для всего чувашского населения тогдашней большой страны.

Родная река у поэта — Шатьма. Как писал поэт и переводчик А. Парпара, «Шатьма впадает в Цивиль, Цивиль — в Волгу. В том, что Волга с помощью своих больших и малых притоков становится могучей рекой, Ю. Семендер ощущает личную сопричастность к делам современников: строителей, тружеников полей, защитников Родины, людей, воплощающих в жизнь светлые мечты предшествующих поколений. Когда поэт говорит о мире на земле, он ни на минуту не сомневается, что его слова найдут живой отклик в сердцах всех людей доброй воли. Когда пристальный взгляд поэта задерживается на бескрайних просторах родной земли, стих его обретает глубину, строка становится душевнее, слово — более чутким, точным и образным».

За заслуги в развитии чувашской литературы Ю. Семендере присвоены звания «Заслуженный работник культуры Чувашской АССР» (1988), «Народный поэт Чувашской Республики» (1999). Он является лауреатом премий им. Н. Янгаса (1992) и им. Ф. Карима (Республика Башкортостан). Награжден орденом Дружбы (1996), медалью «За воинскую доблесть» (1970). Ю. Семендер — почетный гражданин Красноармейского района Чувашской Республики.

П. В. Афанасьев

**Юрий
Илларионович
Скворцов
1931—1977**

*В*ыдающийся прозаик, поэт, публицист,
переводчик, автор книг
«Девушка с берегов Сормы»,
«Красный мак», «Береза Угаха»,
«Тепло людское», «Священный огонь»,
«Осенние дни» и др.

«ЗАДАЧА ПИСАТЕЛЯ — ЛЮБИТЬ ЧЕЛОВЕКА»

Разговор о Ю. Скворцове, большом художнике слова, авторе философской прозы, ярком мыслителе, пожалуй, уместно начать с анализа некоторых его произведений, в которых нашли отражение характерные особенности его творчества.

В рассказе «Певец Вася», создавая фабульную (событийную) основу жизни героя, прозаик не ограничивается пересказом сути событий: ужения рыбы, работы на колхозном поле, поездки на станцию за девушкой-студенткой, к которой парень неравнодушен и т.д., а сосредотачивает свое внимание на раскрытии особенностей судьбы покинутого человека. Вода для писателя — воплощение многотрудной судьбы человека; ужение — весьма непростой поиск счастья и смысла жизни. Оба символа являются средоточием тех противоречий, которые накапливаются во внутреннем мире человека. Огромную стихийную силу таит ровная гладь спокойного озера. Так и человек, внешне, казалось, невозмутимый и спокойный, от стечения обстоятельств может прийти к неожиданному взрыву.

В конце рассказа и в самом деле пруд прорывает, запруда разрушается, а рыбы (как символы счастья) остаются на безводье, таясь в кустарниках. Все это свидетельствует не о каких-то конкретных и частных событиях, а об огромной и напряженной работе, происходящей в душе персонажа. Выходит, событий нет вовсе, а есть философские символы. То же самое происходит практически во всех произведениях писателя. Герои его устали от циничных толчков извне, они вынуждены задумываться о смысле бытия. Это объяснимо: ритм привычной жизни ими сбит, сломлен.

Отсюда — эффект покинутости: Славик в одноименном рассказе — круглый сирота, оставленный судьбой на презрение окружающих. Вася (рассказ «Певец Вася») растет без отца, Сухви (повесть «Девушка с берегов Сормы») вынуждена выйти замуж за не любимого человека. Для скворцовских героев характерен философский феномен бездомности. Вася почти все свое время проводит на берегу озера, в лесу, поле. Угах (повесть «Береза Угах») страшно тяготится тем, что ей, больной, приходится сидеть взаперти. Темен и неуютен дом Сухви, которая чувствует себя привольно только у реки, на лугу, в лесу.

В произведениях писателя мы находим удивительно тонкий анализ самоощущений ущемленного человека. Это оригинальность особого типа, работающая на поиск народного духа в трудных условиях. Писатель дает ключ к познанию национального типа, его психологической самобытности.

Ю. Скворцов хорошо понимает кризисную не-обустроенность общества, показывает столкновение не конкретных лиц, а глобальных противоречий мира.

Родился будущий писатель 10 января 1931 г. в д. Хорнкасы Моргаушского района. Окончив среднюю школу и филологический факультет Чувашского государственного педагогического института им. И.Я. Яковлева, работал редактором Чувашского книжного издательства, корреспондентом Комитета по телевидению и радиовещанию при Совете Министров ЧАССР, ответственным секретарем журнала «Тăван Атăл» (Родная Волга).

Ю. Скворцов
(в первом
ряду второй справа)
со студентами
педагогического
института.
1954 г.

В служебном кабинете в Доме печати (ул. Володарского, д. 5). 1957 г.

Разразилась страшная война, когда ему исполнилось 10 лет. В семье четверо детей, родители разошлись. Старшие дети с отцом переехали в Батыревский район, младшие остались с матерью. Спасением от жизненных невзгод стали творческие заботы, крепкая дружба с поэтом Г. Айги. Ситуации, в которых оказался Ю. Скворцов, со временем крупным планом оживают в его произведениях. С ранних лет будущий писатель был очень впечатлительным. Рано окунулся он во взрослую жизнь. Уже после окончания четвертого класса мальчик работал в сапожной мастерской. Впоследствии этот опыт воплотился в рассказе «Следы от башмака». Отзвуки тяжелой военной поры звучат в повести «Береза Угаха». Большая любовь к музыке, особенно к скрипке, нашло отражение в рассказе «Славик».

Примечательно, что становление и самого Ю. Скворцова талантливым мастером слова сельчане-старожилы толкуют через причудливые рассказы о былом. В деревне Хорнкасы бытуют два характерных предания, якобы способ-

ные объяснить и открыть секрет приверженности писателя к глубинным философским поискам. На месте дома Скворцовых стояло священное дерево Киреметь. Пень от срубленного дерева в темном подполье дал свежие побеги и тем якобы предрекал кризисные повороты жизни и судьбы будущего художника слова. Не менее показательно и второе предание, повествующее о том, что будто бы в детстве за Юрой гналась бешеная собака. Мальчик, убегая, запрыгнул в окно, но собака якобы успела поранить его пятки.

Такая подоплека вполне понятна — она указывает на жесткое противостояние живой души и холодного мира.

Неудержимая страсть к чтению, привязанность к подлинным шедеврам мировой литературы зримо сказались на жанровых поисках писателя. На рабочем столе после его смерти осталась книга «Красный мак», переработка которой должна была привести к созданию произведения, схожего с романом Р. Фраермана «Дикая собака Динго». Осталась непереработанной повесть «Тепло людское», которая по замыслу должна была вобрать в себя жанровые возможности такого полотна, как «Герой нашего времени» М. Лермонтова.

Писатель хотел создать из отдельных повестей и рассказов роман «Тепло людское». Порыв к углубленному пересмотру своих произведений, вызванных рассказом «Старик и море» Э. Хемингуэя, мы видим в рассказе «Когда позеленели воды». Такие поиски все глубже вели к созданию философских произведений. Мастерство его зиждится на основных мотивах чувашской народной философии, на принципах гуманизма и глубокого психологизма, на осмыслении непростых связей маленького человека с миром.

Перипетии судеб таких героев, их неравное противостояние с миром — материал романного плана. Ю. Скворцов действует почти как Ф. Достоевский. Нагнетая каскад неожиданных событий, он постигает логику того, как и почему уничтожающе давит бездушный мир на маленького человека. Он не признает феномена слаженности мира, не приемлет разумности распорядка жизни, установленного согласно идеологическим догмам.

Маленький человек понимает, что желание поймать судьбу «за жабры» — задача нереальная. Окружающая среда создает для героя роковую и непреодолимую ситуацию. Тщетны попытки Васи уехать из деревни. Неосуществимо желание кряквы-белохвостки улететь с дикими утками и порвать с уделом домашней загнанной птицы («Кряква»). Тяжелым бременем ложатся на сердце заядлого рыболова Германа тяготы быта («Когда позеленели воды»).

Читатель, очевидно, понимает, что художественные устремления Ю. Скворцова пролегают в области кардинальных эстетических поисков чувашской литературы и мировой словесности. То, что тревожило этого автора еще во второй половине XX в. (обращенность к экзистенциальному опыту народа, к осмыслению горечи потерь в самых разных формах), в 70-е гг. стало предметом всеобщего внимания (поиски Ч. Айтматова, О. Чиладзе, Ю. Бондарева, В. Быкова и др.). Безусловно, Ю. Скворцов — не единственный прозаик, который предвосхитил глобальные литературные процессы.

Подспорьем в этом деле служил и большой опыт по переводу произведений С. Есенина, С. Маршака, Я. Купалы, Б. Пастернака, венгерских, сербских авторов, глубокий интерес к эстетическим поискам К. Бельмана, М. Лермонтова и др. Большое одухотворяющее начало зрело в отношениях Ю. Скворцова и Г. Айхи, их творческой заботе друг о друге.

Современные исследователи вскрыли глубинную суть рассказа Е. Еллиева «Немой Эрхип» (30-е гг. XX в.). Различными недомолвками, приемом умолчания прозаик выразил мысль об античеловечности вождистских устремлений Сталина, уподобленного в сознании героя Николаю-угоднику. Сталин для героя страшен, он может вздернуть несчастного за язык. Малейшее желание иметь свое мнение, таким образом, обречено, как обречена и мечта о достойной жизни, свободе самовыражения. Неспроста Эрхип живет за печкой вместе со скотиной.

Живет в хлеву вместе с ослом и Георг, герой романа «И всякий, кто встретится со мной» грузинского прозаика О. Чиладзе.

Не случайно и Ю. Скворцов приходит к созданию образа домгроба (рассказ «Долг»): отец Саши, устраивая недосдачу в магазине, копит деньги для постройки дома для сына, который по его вине несколько лет томится в тюрьме. Несложно сопоставить этот пресловутый дом с мистическими представлениями о гробе (в снах), что и приводит героя к уходу из семьи.

Такой же перевернутый распорядок жизни предписан Пане — женщины советуют ходить за починкой обуви не к живодеру из соседнего села, а обратиться к парню, который согласен выполнить непростую работу за кусок теплого пирога. Или вот другая сцена. Несчастный, не понятый никем и, по сути, отверженный парень (Паня из рассказа «Следы от башмака») «разглядел среди множества следов единственный, до боли знакомый следок». Присев на корточки, он внимательно и въедливо стал его рассматри-

Писатели
В. Игнатьев,
М. Юхма,
Ю. Скворцов.
1957 г.

вать: значит, Галя уехала в город, он снова ничего не смог ей сказать. И не мудрено: тягостное одиночество, сосущая душу боль — к этому он уже привык. Проезжающим мимо сельчанам повадки юноши кажутся странными. «Чего ищешь?!» — крикнула женщина. «Вчерашний день, наверно», — ответил возчик и захотал. Закономерный, хотя парадоксальный, вывод: «юродивый и есть юродивый», «подвода проехала мимо убитого горем Пани» с тупым равнодушием.

«Глуповатой» кажется и кряква, каждый день теряющая свои яйца, неспособная высидеть выводок. Птица загнана воронами, конюхом, хозяевами, мечтающими продать ее и т.д. Понятно, что такая жизнь отучила ее от попыток «уйти на волю», подорвала силы.

На фоне этого вполне понятными становят-

ся слова, записанные Ю. Скворцовым в своем дневнике: «Задача писателя — любить человека, пробудить в павшем достоинство, увидеть оригинальный ум у тех, кого прозвали недалеким...» Получается, что глупости нет совсем. Она доведена до абсурда и парадокса теми, кто фактически сам должен слыть таковым. «Глупость» писатель дискредитирует как обывательское мнение. Мир, в котором отец намеренно ломает жизнь сына («Долг»), мать женит сына, чтобы «породниться» с желанными ей людьми («Девушка с берегов Сормы») — мир этот перевернут, «одурен» по отношению к страдающему человеку, пребывающему в одиночестве и покинутости.

Подчас так называемая глупость, если перевернуть ее с головы на ноги, т. е. поставить как полагается, — это фактически искренность души, неумение и нежелание хитрить и ловчить, быть равнодушным и тупым. Рассказы о таких людях построены на противоречии мироощущения героев. Спасение от непонимания персонажи находят по-особому: для Пани это — искусство сапожного ремесла, для Славика — музыка, для Угаха — беседа с лесом, родными полями и т.д.

Фрагментарность повествования глубоко принципиальна для художественного видения писателя, она необходима для динамичного и напряженного движения сюжета. Рассказ «Береза Угаха», к примеру, начат как бы с середины, тут намеренно опущено начало — девушка просыпается от тягучей боли в локте. Да и финал повествования фактически является началом новой жизни ее возлюбленного Коли.

Повесть о сильной духом девушке-подростке написана на образном выявлении смысла поэтики снов, притч, на приеме придания философского смысла бытовым случаям. Так, Угах выходит в поле жать ни свет ни заря. Подружки недоумевают, почему она так себя истязает, хотя ей внушить, что она доведет себя до гибели. Так и происходит: она от простуды заболевает и умирает.

Тему смерти писатель развивает последовательно: будучи маленькой девочкой, Угахви часто посещает больную женщину Угах, которая изнурила себя непосильным трудом. Этот бытовой эпизод превращается в сюжетную притчу и намекает на характер и статус будущей смерти Угахви, которая в конце повести по причине короткой трагической жизни становится Угах; то есть усекается и ее имя.

Картина мира, осмысленная таким образом, состояние мира внутри личности расцениваются Ю. Скворцовым как поиск гармонии, отсюда проистекает необходимость «коррекции» поведения героя с законами природы. Персонажи ощущают созвучность внутренних сво-

С участниками
читательской
конференции
по книге
«Красный мак»
в Визикасинской
средней школе
Цивильского района.
1963 г.

их переживаний с жизнью лесов, лугов, рек, с жизнью птиц и т. д. В повествовании об Угахе моральная чистота девушки высвобождается через определенный распорядок крестьянского труда.

Единство природы и духовного роста Угахи прослежено прозаиком как нарастание трагического, но все же светлого восприятия героиней своего бытия. Природа выступает как великая прародительница, способная понять и поддержать в человеке веру в жизнь, определять душу. Все это связано с мифами, рассказами о старинных поверьях.

Так, образную основу повести «Береза Угаха» во многом определяют два аллегорических рассказа. Два брата потеряли друг друга оттого, что их ударила хвостом сова; теперь они ищут себя в ночном лесу, утрашая и оглашая лес неведомы-

ми криками. Это фактически творческая переработка древней чувашской притчи о Сак и Сук. Писатель готовит читателя к трагическому исходу любви Коли и Угаха: им уже не суждено свидеться. К моменту возвращения Коли с поля брани Угах ложится в сырую могилу.

Писатели
Г. Айги,
Ю. Скворцов.

Вторая причина — уже упомянутая дружба маленькой Угахви с неизлечимо больной Угах. Едва достигнув семнадцатилетия, девушка начинает трудиться наравне со взрослыми и обрекает себя на великие страдания. Еще в начале повести посреди ночи она идет в поле короткой дорогой и едва не становится добычей хищной рыси. Так выражается идея об изломах трагической судьбы.

Интересна повесть «Девушка из Сормы», героиня которой, красавица Сухви, сродни Эльвире из рассказа «Славик»: обе выходят замуж за нелюбимых мужчин. В отличие от Эльвиры, Сухви — натура более тонкая, она не может скрыть своей любви к родным лесам, полям и оврагам.

Студент музучилища Саня, сватаясь за нее, не сумел постичь ее внутренних побуждений. Девушка не может бросить любимый уголок и уехать с ним в город. Взаимоотношения молодых людей прослежены через эпизоды-символы. Саня видит сон: лошадь не дается ему в руки и убегает к озеру. Пастух Варвари рассказывает Сухви легенду: молодой снохе свекор поручил сходить на луг за конем и предупредил, что у животного хрупкие волшебные крылья. Однако молодушка по неосторожности обломала их.

Вывод естественен: свадьба не состоится, виной тому — нечуткость парня, его неумение чувствовать душу другого. Здравый раскусудок и логика не всегда могут управлять чувствами. Саня этого не понял.

По сути, та же инвектива обсуждается в повести «Погожие дни».

В творчестве прозаика огромную роль сыграли личные впечатления: размолвка между родителями, служебные конфликты и т.д. Вот почему его герои одиноки, живут ожиданием, не находят общего языка со старшими (повесть «Красный мак»), живут только с одним родителем («Береза Угах», «Певец Вася», «Девушка с берегов Сормы»).

Такое концентрированно-философское мироощущение у писателя, безусловно, сформировалось не сразу. На начальном этапе творческой деятельности в годы учебы в институте Ю. Скворцов больше писал стихи, отмеченные мелодичным лиризмом и напевностью. Не случайно на них обратили внимание композиторы, чтобы создать песни («Шелковый платок», «Душа радуется», «О тебе мечтаю» и др.). Однако в конце 50-х гг. он полностью переходит на прозаическую стезю. Этому способствовал целый ряд наблюдений, которые трудно было уместить в лирике. Прототипы, становившиеся художественной основой произведений, дали импульс эпическим устремлениям. Образы трех девушек (Оли, Угах, Феклы) и

одного парня (художника Коли), организующие внутреннее пространство повести «Береза Угаха», навеяны жизнью и судьбой подлинных лиц — художника Н. Яковлева, учительниц из Хорнкасов Оли и Феклы. Старинные предания о Касьликовском Логе художественно воплотились в образном бытии хозяина-богача Сибуры, его дочери Сайде, влюбившейся в бедного Евлени, трагических изломах их жизни (повесть «Священный огонь»). Прототипом немого Пани в «Следах от башмака» стал глухонемой сапожник из деревни Панкли. Незадолго перед своей смертью писатель поведал своему старшему брату, писателю-журналисту А. Скворцову, о замысле создать историческое предание, в котором предполагалось воплотить перипетии волнений крестьян деревень Тиуши, Чувашская Сорма, но талантливому прозаику суждено было уйти из жизни.

Путь творческих исканий Ю. Скворцова был весьма непрост, при жизни он так и не получил надлежащего и заслуженного признания. Совсем наоборот, критика, пропитанная идеологическими догмами, охотнее всего искала в произведениях мастера слова недостатки и прегрешения. К примеру, А. Алга находил откровенно слабыми стихи Ю. Скворцова, пестрящие будто бы слабыми рифмами. А. Эсхель, недоумевая, спрашивал — куда это хочет улететь кряква за дикими селезнями, уж не в буржуазную ли Турцию? Ю. Петрову казалось, что размолвка Сани и Сухви состоялась из-за пустяшных причин, что в повести «Девушка с берегов Сормы» нет водоворота великих событий. Не отставал от них и М. Юрьев, полагающий, что смерть Угаха является отходом от жизненных реалий и т.д. И лишь в конце XX века, уже посмертно, к писателю пришло надлежащее признание (исследования Г. Хлебникова, Ю. Артемьева, Г. Федорова и др.).

Показ будущего персонажей для писателя — основная творческая задача; здесь возникают непреодолимые ситуации, он ищет возможности разрыва порочного круга. Вот почему многоточие часто для него не фактор пунктуации, оно приобретает содержательный смысл, прямую связанный с потенциальными возможностями личности. И еще — многоточие в творчестве прозаика указывает на философскую природу кризисного межсостоянья, в котором находится герой.

Ю.И. Скворцов — автор более чем десяти книг.

Умер писатель безвременно в г. Чебоксары в 1977 г.

Г.И. Федоров

Алексей
Филиппович
Талвир
1909—1979

*Талантливый прозаик, публицист,
автор книг «На Буинском
тракте», «Фундамент»,
«Вутлан зажигает огни»,
«Ветер с Волги» и др.*

БАТЫР ИЗ БАТЫР-ЯЛА

Село Батырево, в котором 21 марта 1909 г. появился на свет А. Башкиров-Талвир, по-чувашски называется Патӑрьел (дословно село-богатырь). Пожалуй, это не случайно, ведь чувашки имена и названия всегда давали со смыслом. С исторических времен этот край пропитан героическим духом. По преданию, еще в 1552 г. русские войска прошли через Батырево в поход на Казань. А 28 августа 1918 г. здесь завязалась битва, в которой вместе с 40 красноармейцами погиб герой Гражданской войны П. Крепков. Ратные и трудовые подвиги многих батыревцев вписаны в историю Чувашии. Пожалуй, каждая улица, каждый переулок в этом селе имеет своих батыров. Здесь гордятся славным трудолюбивым родом Башкировых. Глава семьи Филипп Иванович был известен в округе как мастер на все руки. Слесарь, токарь, кузнец, жестянщик, плотник, техник, механик — всеми этими специальностями он владел отлично. Когда в 1924 г. в селе открыли учебно-показательные мастерские по подготовке кузнецов, слесарей и токарей, местные власти обратились к нему с предложением вести преподавательскую работу по этим специальностям.

Филипп Иванович со своей супругой Феодорой Евсеевной вырастили замечательных сыновей и дочерей, ставших впоследствии известными людьми в республике. Так, средний сын Василий участвовал в Великой Отечественной войне, был летчиком, награжден тремя боевыми орденами. Он окончил Московский энергетический институт, работал на заводе. Младший из сыновей Леонид был директором крупного предприятия Чувашии — завода электроизмерительных приборов. Он — заслуженный работник промышленности Чувашской АССР, кавалер трех орденов. Его сын Владимир — мастер спорта СССР международного класса по альпинизму. Он дважды поднимался на высочайшую вершину мира Эверест. В 1997 г. возглавляемая им группа впервые в мире прошла труднейший траверс 4-й вершины мира Лхоцзе (выс. 8516 м). Но Владимир погиб во время спуска.

К числу этих истинных батыров относится и А. Талвир — выдающийся чувашский писатель и журналист, общественный деятель, участник Великой Отечественной войны. Биография его имеет немало героических страниц.

Семья Башкировых.
1936 г.

...1941 год. А. Башкиров, работающий инструктором отдела пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ, рвется попасть в действующую армию. 13 июля, сдав служебные дела, добровольно записывается в истребительный батальон Краснопресненского района г. Москвы, принимает активное участие в обороне столицы. Дальнейшая фронтовая судьба складывается так: командир взвода, помощник командира роты, политрук роты, военный корреспондент газеты «Комсомольская правда». Сражается он на Сталинградском, Воронежском, Брянском, Прибалтийском, 2-м Белорусском фронтах. Победу встречает в звании майора в немецком городе Росток.

Как и любому солдату, многое пришлось увидеть и испытать ему на дорогах войны. Во время ожесточенных боев вблизи Орла едва не угодил в плен. В районе Сталинграда вблизи него разорвался снаряд и он оказался засыпанным землей. Потерявшего сознание воина спасли однополчане. Долгое время он находился на излечении в госпитале.

На нелегком пути военкора газеты «Комсомольская правда» у Алексея Филипповича было немало впечатляющих случаев. Так, ему удалось выяснить тайну гибели видного советского писателя А. Гайдара. Посчастливилось встретиться и побеседовать с выдающимися

советскими военачальниками — К. Рокоссовским, А. Белобородовым, П. Рыбалко, П. Батовым, М. Шумиловым, итальянским генералом Батисти. Впоследствии, в 70-х гг. прошлого столетия, добрым словом вспомнил о нем генерал армии, дважды Герой Советского Союза А. Белобородов, у которого в тяжелейший период обороны Москвы брал интервью военкор А. Башкиров.

Таким образом, и оружием, и пером смело сражался А. Талвир с врагом. В должности военного корреспондента он находился всю войну. На страницах центральной комсомольской газеты им напечатано около 60 фронтовых корреспонденций.

Когда листаешь подшивку легендарной «Комсомольской правды» тех лет, часто встречаешь имена знаменитых деятелей литературы и искусства — К. Симонова, Л. Соболева, А. Суркова, Ф. Панферова, В. Кожевникова, М. Дудина, С. Маршака, А. Барто, О. Берггольц, Е. Долматовского, А. Безыменского, Я. Френкеля, В. Лебедева-Кумача и др. Рядом с их творениями, радуя и рождая гордость в сердце, регулярно встречаются материалы нашего земляка. Композиционная стройность, умелое построение сюжета, большая эмоциональная сила, сочный язык — вот что подкупает нас в первую очередь в его материалах. В его текстах можно обнаружить умелое сочетание двух стилей: писательского и журналистского. В том, что быстро, оперативно, коротко и конкретно, описываются фронтовые эпизоды и события, ощущается почерк Талвира-журналиста. Некоторым фактам в возможной мере автор дает художественную окраску, в этом угадывается несомненный писательский талант. К примеру, в очерке «В Сталинграде», занимающем «подвал» в номере от 25 сентября 1942 г., в основу положены 4 эпизода, раскрывающие реальную картину кровопролитных битв за Сталинград. Многие реальные факты в последующем легли в основу художественных произведений писателя.

...1955 год, осень. Алексей Филиппович, работающий председателем Союза писателей Чувашии, взял отпуск и прибыл в Дом творчества «Коктебель». После длительного напряженного труда, конечно, хотел немного отдохнуть, подлечиться и заняться творчеством. Однако, прибыв к месту назначения, окунулся в дела Союза. Начал отправлять деловые письма. Его встревожило неудовлетворительное состояние подписки на журнал «Таван Атӑл». Срочно подготовил по этому поводу свои предложения и поспешил их довести до редакции. На его взгляд, чтобы сделать коренной поворот в данном вопросе, следует добиться своевременного выхода номеров. А журналистам редакции необходимо периодически вы-

А. Талвир
(Башкиров) сотрудник
газеты
«Чăваш хресчен».
1929 г.

ездать на места, организовывать встречи, отчеты, конференции с читателями. Пользуясь случаем, Алексей Филиппович встретился с находящимся на отдыхе представителем Литфонда, сумел его убедить в необходимости строительства жилого дома для чувашских писателей.

Находясь в 1954—1958 гг. у руля республиканской писательской организации, дела Союза и своих коллег по перу Алексей Филиппович ставил выше личных интересов. Он был наделен организаторским даром, талантом руководителя. Для него характерны были исключительное трудолюбие и работоспособность, инициатива и поиск, душевность и человечность. Тогда в Союзе писателей работа кипела. На Украине в г. Остер открылся памятник М. Сеспелю (1954), в Чебоксарах — литературный музей им. К. Иванова (1957). Состоялись совещание молодых авторов (1956), творческая конференция писателей (1957), взаимные недели чувашской и украинской литературы (1957), дискуссия по изучению этногенеза родного народа

(1956—1957), конкурс одноактных пьес о молодежи (1958). По инициативе правления Союза писателей после 16-летнего перерыва возобновился выпуск журнала «Капкӑн» (1956), начала выходить библиотечка журнала «Ялав» (1958). В этот период рождаются классические произведения — «Салампи» А. Артемьева (1956), «Черный хлеб» Н. Ильбекова (1961), выходят двухтомник избранных произведений П. Хузангая на русском языке (1958), монография «Очерки истории чувашской советской литературы» М. Сироткина (1956) и т.д.

А. Талвир, будучи председателем правления Союза писателей, уделял постоянное внимание сплочению творческого коллектива, проявлял заботу об улучшении жизненных условий писателей. К примеру, в послании, отправленном из «Коктебля» поэту В. Митте, он делится наболевшими мыслями: «После прочтения статьи А. Фадеева о чувашских писателях хочу сказать следующее: нас здорово подводит склочное отношение друг к другу, избавившись от этого недостатка, мы можем догнать передовые народы».

А. Талвир много работал над укреплением связей с русскими писателями, заботился, чтобы чувашские авторы больше печатались в Москве, в крупных издательствах, во всесоюзных журналах.

Романы и повести, книги рассказов чувашских прозаиков, на его взгляд, «должны быть достойными для перевода на русский и другие языки». Руководитель творческого Союза нацеливает чувашских литераторов на учебу художественному мастерству у русских, советских и мировых классиков, с этой целью призывает активно подключиться к переводу их произведений на родной язык.

Во главе чувашской писательской организации А. Талвир со всей ответственностью берется за подготовку писательских кадров. Молодые авторы, ощутив внимание, тянулись к нему, приходили за советами. В это время Г. Айги, В. Бурнаевский, М. Юхма, В. Игнатьев, Ю. Скворцов, М. Хури, П. Афанасьев, М. Волкова, А. Юман, А. Канаш, А. Лукин, М. Сениэль и другие считались дебютантами, они часто писали А. Талвиру, приходили в правление для беседы. Алексей Филиппович давал им полезные советы, помогал словом и делом. В центральном государственном архиве республики хранятся документы, подтверждающие заботу правления Союза писателей о прикованном к постели одаренном поэте А. Канаше. В них, к примеру, сообщается, что решением правления от 15 июля 1955 г. поэту выделено 500 рублей. Правление ходатайствовало перед вышестоящими органами республики о награждении его Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Чувашской АССР, о назначении ему персональной пенсии местного значения. Заботились

А. Талвир
с участниками
читательской
конференции.
1954 г.

об улучшении жизненных условий А. Кана-ша, о строительстве террасы для поэта в с. Октябрьском. Не забывали и о других молодых авторах. Их произведения часто обсуждали на заседаниях правления и творческих секциях. Поэтов и очеркистов направляли в командировку на целину, на строящуюся Печерскую железную дорогу, на строительство Братской ГЭС, в Сибирь. В эти годы начинают выходить сборники стихов молодых поэтов под названием «Подснежники». Алексей Филиппович в течение всей жизни сохранял заботливое отношение к молодым творческим силам.

Работу руководителя писательской организации А. Талвир плодотворно сочетал с творческой деятельностью. В этот период им написано немало художественных произведений, завоевавших симпатии читателей. В их числе — повесть «На Буинском тракте». Она построена в значительной степени на автобиографическом материале. События происходят накануне и во время Великой Октябрьской революции, а также в

период Гражданской войны. Автор достоверно показывает революционное преобразование через восприятие деревенского подростка Сандора. Прозаик, как опытный психолог, убедительно показал рост и формирование характера главного героя. Перед читателями проходят картины тех далеких времен. Произведение получило положительную оценку не только у чувашских критиков (М. Сироткина, Е. Владимирова, Г. Хлебникова, Г. Волкова и др.), но и у московских писателей и литературоведов (А. Фадеева, Н. Тихонова, С. Баруздина и др.). Н. Тихонов А. Талвира назвал в числе таких имен, как С. Стальский, М. Джалиль, Я. Ухсай, Р. Гамзатов, М. Карим и др., являющихся гордостью всей советской литературы. Много доброго было сказано об авторе повести «На Буинском тракте» болгарскими писателями Г. Караславовым, А. Тодоровым и В. Иосифовым.

В годы работы в Союзе писателей им изданы также повести «Ты будешь инженером», «Шофер такси», «У нас на Буле», роман «Фундамент». Читатели тепло встретили также очерки «В Кольцовке», «Мои земляки», опубликованные в 50-х гг. на страницах журнала «Дружба народов».

...Если взять творчество А. Талвира в целом, главным героем в его книгах выступает человек труда, рабочий. Первым заметным произведением на индустриальную тему явилась повесть «Люди из Батыр-яла» (1933). В ней повествуется о становлении промышленности в Чувашии, формировании национальных кадров рабочего класса. Герои — бывшие батраки Кируш и Прагусь, пройдя сложный круговорот событий, вливаются в ряды рабочих.

Во второй половине 30-х гг. А. Талвир создал повесть «У семи колодцев», позднее она была переиздана под названием «Ты будешь инженером». В ней раскрытие взаимоотношений героев сочеталось с описанием непростых производственных проблем. Герои этого произведения отличаются своей целеустремленностью, жизненностью и достоверностью. Главным героем здесь выступает молодой железнодорожник Микка Кулдаев. Читателю он открывается при разных обстоятельствах: на производстве, во взаимоотношениях с любимой, в общественной жизни, в общении с людьми. Микка преодолевает все испытания, выпавшие на его долю. В коллективе рабочих меняется его характер, укрепляется воля, теперь он выше всего ставит интересы коллектива, ради которого готов даже пожертвовать своей жизнью.

Как особенность творчества А. Талвира можно отметить то, что он часто возвращался к судьбам созданных ранее героев. Рассказ «Серебряная крупинка», созданный в 1948 г., он вскоре перерабо-

тал в повесть, чтобы глубже раскрыть характеры героев. Внимание писателя привлекло движение изобретательства и новаторства, а также проблема взаимоотношений между старым и молодым поколениями рабочих. Центральное место в повести занимает образ Михаила Убасьникова, настойчивого рационализатора.

В числе известных произведений на индустриальную тему — многоплановый роман «Фундамент». Через судьбы героев автор отразил процесс формирования и развития рабочего класса в Чувашии. Ключевым здесь является многослойный конфликт, в основе которого лежат духовные и нравственные искания героев. А. Талвир прослеживает период индустриализации страны, войну с немецко-фашистскими захватчиками и годы послевоенного мирного строительства, когда росли новые люди, формировалась чувашская техническая интеллигенция. Вот то главное, что составляет идейно-художественную основу романа «Фундамент». Люди из народной гущи Кирилл Чигитов, Ягур Ятманов, Харьяс Харитонов поднимаются до высот передовой интеллигенции, становятся командирами производства.

Роман переведен на русский язык, его отметила всесоюзная критика. Ст. Залевский, например, положительно оценивает стремление автора «масштабно отобразить экономическую и культурную жизнь современной Чувашии, проследить формирование нового человека». Тепло отзывались о романе писатели С. Михалков и Н. Буханцев. В. Литвинов называет это произведение в одном ряду с известными советскими романами на рабочую тему — «Стремниной» М. Бубеннова, «Вечным огнем» В. Красильникова, отмечает широту авторского замысла и «хорошее знание автором того, как время властно мнет в своих крепких ладонях психологию»... В контексте многонациональной советской литературы рассматривает роман «Фундамент» и критик Б. Леонов. В частности, он ставит его рядом с произведениями П. Загребельного, В. Акопяна, Р. Файзи, Ш. Бикчурина, П. Григурко, включает в число удачных произведений, посвященных «становлению и развитию личности современного рабочего человека».

В последние годы своей жизни писатель создал серию очерков, рассказов и повестей о людях рабочей профессии. Заметное место занимает среди них повесть «Ветер с Волги». Она посвящена строителям гидроэлектростанции на Волге.

Произведения А.Ф. Талвира — достоверная художественная летопись важнейших событий в чувашском крае с дооктябрьских времен до конца 70-х гг. прошлого столетия. И это не просто повество-

вание стороннего наблюдателя, а горячее образное слово живого очевидца и участника коренных исторических перемен в жизни родного народа.

Мастером слова созданы такие прекрасные образы чувашских рабочих, как Харьяс, Кирилл и Сергей Чигитовы, Иван Мурзайкин, Михаил Убасьников, Микка Кулдаев, Виктор Тарутин, Тарас Ухтайкин, Надя Кашкарова и др. Эти произведения отличаются национальным своеобразием, воплощением типичных черт рабочего человека.

Таким образом, прозаиком создана оригинальная галерея рабочих образов. В дальнейшем И. Григорьев, В. Ухли, В. Чебоксаров, М. Юхма, Л. Таллеров, Г. Краснов, И. Лисаев и др. развивали данную тему. Лучшие традиции творчества А. Талвира — реализм и народность, нравственность и гуманизм.

Страстный пропагандист чувашской литературы, истинный проповедник укрепления содружества производственных и художественных коллективов... Таким был Алексей Филиппович. Он регулярно выезжал на встречи с читателями. Не забывал и своих земляков-батыревцев, часто приезжал к ним с творческим отчетом. Мне, будучи в 60—70 гг. сотрудником редакции районной газеты «Авангард» и ответственным работником райкома партии, приходилось бывать свидетелем таких встреч. Так, в апреле 1965 г. А. Талвир приехал вместе с писателями-земляками В. Давыдовым-Анатри, М. Юхмой и народным поэтом республики П. Хузангаем. Гости принимали участие в совещании молодых авторов и рабселькоров. Состоялись литературные праздники в районном Доме культуры, в колхозах «Рассвет», «Путь Ленина», в школе-интернате, в Первомайской средней школе. Алексей Филиппович рассказал своим землякам о работе своих коллег-писателей, ознакомил с личной творческой лабораторией по созданию произведений о рабочем классе, высказал предложения по дальнейшему укреплению союза труда и искусства.

В очередной приезд к землякам (март 1969 г.) он побывал в Батыревской 8-летней школе. Состоялся интересный разговор с учащимися и учителями по проблемам развития чувашской литературы. Алексей Филиппович выступил с воспоминаниями о своем детстве и юношестве, прошедших в этом краю, о фронтовых путях-дорогах, о творческих планах и замыслах. Библиотеке школы подарил свою новую книгу «Сабантуй в Буинске».

Юбилейные встречи, посвященные 60-летию со дня рождения и 40-летию творческой деятельности А. Талвира, также проходили в Батыреве. С докладом о жизненном и творческом пути прозаика вы-

ступил литературовед Н. Дедушкин. Юбиляра горячо и сердечно поздравил секретарь обкома КПСС И. Прокопьев и вручил Почетную грамоту Президиума Верховного Совета Чувашской АССР.

К лучшим личностным качествам А. Талвира многие его современники относили интеллигентность, большую культуру, дипломатичность, педагогичность и такт. Конечно, эти черты у него появились не сразу и не вдруг. Достойное воспитание дали сельская школа, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Помогли ему в духовном росте Центриздат, коллективы редакций республиканских и центральных газет, в которых он трудился. Подлинными школами жизни для него стали Ленинский комсомол, журналистика и художественная литература, участие в Великой Отечественной войне. С течением времени, все активнее вторгаясь в жизнь, общаясь с людьми, он все больше и больше перенимал доброе и светлое, которые стали неотъемлемыми чертами его характера.

А. Талвир избирался членом Чебоксарского горкома КПСС, депутатом Чебоксарского городского Совета народных депутатов, членом правления Союза писателей СССР. Долгое время руководил постоянным писательским корреспондентским пунктом еженедельника «Литературная Россия» на строительстве Чебоксарского завода промышленных тракторов.

Страна высоко оценила заслуги А. Талвира, наградив его орденами Дружбы народов и Красной Звезды, семью медалями. После смерти писателя сделано немало по увековечению его памяти. На доме по улице К. Маркса в г. Чебоксары, где жил писатель, открыта мемориальная доска. В с. Батырево на доме, где он родился, установлен также памятный знак. Одна из улиц райцентра и средняя школа носят его имя. В столице республики также имеется улица Талвира. Чувашский общественно-культурный центр в честь писателя установил литературную премию, которая присуждается авторам, создавшим лучшие произведения об истории и современной жизни родного народа.

А.И. Мефодьев (Аксар)

Лаврентий
Васильевич
Таллеров
1929

*Н*ародный писатель Чувашии (1988),
талантливый прозаик, публицист,
автор книг «Течет река»,
«Колыбельная», «Звезда путеводная»,
«Архип — внук Архипа»,
«Шеремет», «Красавица» и др.

С ЛЮБОВЬЮ К ПРОСТОМУ ЧЕЛОВЕКУ

Писатель-публицист Л. Таллеров принадлежит к плеяде прозаиков, пришедших вслед таким мастерам слова, как Хв. Уяр, М. Ильбек, А. Артемьев и др. Старшие его собратья по перу тоже не чурались публицистического видения жизни, этой тональностью отмечены многие рассказы и очерки вышеназванных писателей, творческое кредо которых сформировалось в 30—40-е гг. XX в. В эту пору на авансцену литературы вышло мироощущение, концентрирующееся в малых жанрах — очерке и рассказе.

Л. Таллерова любители чувашской словесности знают как автора десятков повестей: «Течет река» (1978), «Колыбельная» (1979), «Архип — внук Архипа» (1992) и др., сборников рассказов и очерков «Труженики» (1965), «Березовый сок» (1975), романов «Звезда путеводная» (1983, 1988), «Шеремет» (2004), «Красавица», (2006) и др. В них писатель предстает перед читателем как напористый публицист, тонкий эссеист, знаток народного быта. Произведения его насыщены пафосом полемики, отличаются аналитическим подходом к нравственным проблемам современности, к поворотным моментам трагической истории XX в.

Художественно-публицистические искания особенно интенсивно велись им на рубеже XX и XXI вв. Тогда под влиянием перестройки в словесном искусстве усилились тенденции переоценки устоявшихся ценностей, издержек тоталитаризма.

В повести «Лошадиный хребет» прозаик методично прослеживает жизненную конституцию главного героя Сергея Сергеевича. В санаториях курортного южного города он свой человек, проявил себя как заядлый танцор. За общительный характер его готов полюбить читатель, но скоро автор открывает истинное лицо героя. На поверку он оказался сексотом, отправившим в сталинские лагеря свою супругу.

Произведение написано на противопоставлении позиций гнусного доносчика и его жены и дочери. Существенна для структуры произведения роль диалога, которая рельефно проявляется в столкновении демагога и начетчика, пишущего диссертацию на устаревших материалах, с подлинным ученым Мазурчуком.

Схожую тему поднимает повесть «Архип — внук Архипа». Здесь противостоят друг другу две группы героев. Действие происходит в

больничном стационаре для представителей власти. На одной стороне — простые работники: пожилая женщина Вера Андреевна, которой за день приходится преодолевать десятки километров по лестницам, и страдающая болезнью груди санитарка Амур и др., на другой — представители власти, поправляющие свое здоровье. Речь Амур насыщена сетованиями на неустроенность жизни. Впечатление от этого заметно усиливается на фоне другого героя — Метри, такого же несчастного и обреченного человека. Бесконечные пустопорожние разговоры, демагогические рассуждения «больных» представителей власти отмечены печатью выпренности, ложной серьезности обсуждаемых проблем. Происходит столкновение образов, это создает феномен острой публицистичности.

Для Л. Таллерова чрезвычайно важен статус художественного портрета. Наряду с приемами антитезы, полемической сшиб-

С женой Розой
Александровной
и с детьми
Вадимом и Таней.
1960 г.

ки разных героев и стиливых плоскостей он становится одним из составляющих индивидуального творческого мира писателя. В названных повестях описание внешности персонажей происходит через показ соответствия этих черт внутренней психологической конституции героя. Неказистая внешность Амур является внешней оболочкой ее внутреннего существа, способствует созданию атмосферы неуютности жизни.

Принцип соответствия зримо наблюдается в поведении и строе мыслей Сергея Сергеевича. Такие портреты наделены у писателя сквозными чертами. Поэтому описание как художественное средство играет важную роль, оно определяет природу жанра произведения, является элементом композиции, несет сюжетную нагрузку. Описание к тому же органично сочетается с приемом рассуждений, вбирающим в себя литературные реминисценции, обильные восклицания, развернутые сравнения, нетерпеливой интонации речи одних героев часто противостоит размеренная и неторопливая речь других.

В 70—80-х гг. Л. Таллеров создает двухтомный роман «Звезда путеводная» — эпическое произведение об историческом прошлом. Жизнь героев здесь протекает в глубокой нужде, в условиях национального гнета. Такие события истории, как революция, обрисованы не в стиле восхваления, а в свете обильных тягот, потоков крови, притеснений, слез и страданий.

Показателен и роман «Шеремет», созданный в начале XXI в., который охватывает события всего столетия. Здесь художественно исследованы эпоха революции и Гражданской войны, а также период второй мировой войны. Роман создан как серия портретов — членов рода Шереметьевых: деда, отца, сына. Как и другие произведения, плотно насыщено диалогами, описаниями и рассуждениями, острыми спорами героев, неприятием хода развития страны.

Произведение состоит из трех повестей, герои которых выброшены из своей ниши историческими катаклизмами. Илларион, будучи красным командиром, настаивает на неприемлемости красного террора и поэтому обрекает себя на горестное существование. Тяжела судьба и Еремея, перенесшего тяготы, связанные с пребыванием в дисциплинарном батальоне, унижением его человеческого достоинства.

С портретом-судьбой в романе соседствует социальный портрет страны. Писатель стремится к описанию среды, в которой формируются социально-исторические личности. Переоценка прежних ценностей, всего пути общественного развития вызывает жаркие спо-

ры героев, иногда это мешает художественному течению сюжета.

Автор часто показывает жизнь не столько через поступки героев, сколько через их рассуждения, нередко обращается он к цитированию высказываний выдающихся мыслителей.

Проблема маленького человека является стержнем поэтики писателя в целом ряде произведений. Мал ростом и неказист внешне Тимуш Перепелкин из повести «Маленький перепел» (1974). Он увлечен гончарным ремеслом, исключительно добропорядочен, заботлив по отношению к близким, незатейлив в удовлетворении житейских запросов.

Маленькие люди привлекли внимание писателя и в романе «Шеремет». Илларион 18 лет находится в бегах, живет все время в пути, не имеет ни дома, ни семьи. Трагична судьба его сына Еремея, прошедшего суровую школу в штрафной роте. Безысходностью отмечено бытие его внука Ардалиона, который погибает

Л. Таллеров (третий слева) в родной деревне среди сверстников. 1968 г.

от рук бандитов-рэкетиров. Обречена на фатальные страдания героиня повести «Архип — внук Архипа» Амур. Странное это имя — плод спора несчастной и больной женщины со своенравным отцом, нарекшим ее Амазонкой, словно предрекая ей несчастную жизнь.

Маленькими стали «обитатели» повести «На окраине» (2004). Отвергнутые городскими властями, они начинают строить засыпушки. Однако властям недостаточно, что их выгнали из центра. Они безжалостно рушат дома, оставляя несчастных под открытым небом.

Целая вереница отвергнутых героев выведена в романе «Красавица». Герой произведения Андрей Егорович переезжает с насиженного места в другую деревню с целью установления мраморного памятника на могиле жены дяди, любимой им учительницы. Но деньги попадают в руки опустившегося проходимца, работающего в системе ритуальных услуг. Этому предшествует каскад событий. Героя изгоняют из райкома комсомола, пропадает написанный им роман, терпит крах друг, защищавший его перед властями. Действие развивается в среде, где хозяйничают карьеристы, начетчики, деляги, авантюристы.

Интересна повесть «Маленькая душа в большом мире» (1978), в

Стучит потихоньку
машинка...
1988 г.

Писатели
Л. Таллеров,
А. Артемьев,
Н. Терентьев,
Хв. Уяр,
В. Давыдов-Анатри.
1991 г.

чем-то перекликающаяся с коллизиями романа «Красавица». Герою произведения художнику Аннушкину присуще исключительное понимание цвета и звука. Рассказчику так и кажется, что он вот-вот услышит кудахтанье кур, журчание реки, пение птиц, звук открывающейся калитки и т.д. На фоне этого появляется портрет героя: он широкоплеч, плотного телосложения, седовлас. Незатейливый внешний вид не совсем соответствует его внутреннему миру, через это автор формирует портрет-судьбу, портрет-характер.

Аннушкин — человек одаренный, исключительно ответственный перед собой и искусством. На аллегорическом примере гибели любимой собачки персонажа прозаик выражает идею о покинутости маленьких людей, утверждает, что слова героя о мужестве перед искусством есть мужество перед злыми силами «большого мира».

Характерна повесть «Прогулка по Берендеевскому лесу» (2002—2005). В ней две несчастные женщины, Инесса и Нелли, мечтают в поисках чего-то неуловимого, встречаются с разными людьми, но преодолевать свою душевную тревогу и неуравновешенность они не могут.

Становление Л. Таллерова как автора художественно-полемической прозы началось с маленьких рассказов-очерков, которые вошли в сборник «Труженики» (1965). В них появились первые проблески будущих находок: автор начинает произведение рассказом о необычном поступке героя, уделяет внимание созданию публицистической проблематики и т.д.

Родился Л. Таллеров 27 января 1929 г. в д. Нюргечи Комсомольского района Чувашской АССР. Окончив семилетку в родной деревне, он поступил в Батыревское педагогическое училище. Скоро будущий писатель оставляет это учебное заведение и переходит в Новокибечскую среднюю школу, которая вскоре закрылась. Юноше пришлось ограничиться девятиклассным образованием и впрячься в крестьянский труд. В 1951 г. его пригласили на работу в райком комсомола, через год, заметив его журналистский дар, перевели в районную газету, где он работал на протяжении четырнадцати лет в качестве ответственного секретаря, редактора. Одновременно учился в Елабужском библиотечном техникуме, затем на факультете журналистики Уральского государственного университета. Получить диплом о высшем образовании ему не удалось, учебу пришлось оставить по состоянию здоровья.

В 1952—1969 гг. Л. Таллеров активно публикуется в районной и республиканской печати, пишет очерки, короткие рассказы и критические заметки о творчестве чувашских писателей, группирует вокруг себя молодых прозаиков Д. Гордеева, В. Шемякина, Г. Мальцева, Г. Уткина и др., оказывает большое влияние на творческие поиски Хв. Агивера.

В 1969 г. опытный журналист и прозаик переезжает в Чебоксары, начинает работать в редакции газеты «Коммунизм ялавл» (Знамя коммунизма), заведующим отделом культуры, литературы и искусства. В 1979—1989 гг. он — ответственный секретарь, заместитель главного редактора, главный редактор журнала «Таван Атӑл» (Родная Волга). В эти годы писатель создает книги «Посмеемся над жёнами» (1977), «Течет река» (1978), «Подсолнух златоглавый» (1986), проявляет себя как мастер остропублицистических произведений, пронизанных страстным полемизмом (романы «Звезда путеводная» (1983, 1988), «Шеремет» (2004), «Красавица» (2006).

В часы отдыха.
2005 г.

Путь его творческих исканий был непрост. Вплоть до середины 70-х гг. прошлого столетия писатель уделял внимание изучению производственных проблем, особенностей труда работников животноводческих ферм (повесть «Течет река»), вникал в особенности городскихстроек (повесть «Колыбельная»), прославлял труд хлеборобов (вторая часть повести «Омежник — трава болотная») и т.д.

Как правило, такая тематика толкала писателя к художественно-очерковой подаче образов. Но и здесь он оставался верен себе — обращался к проблеме маленького человека, противопоставлял его хозяевам жизни, различным авантюристам, карьеристам, любителям легкой жизни.

В повести «Колыбельная» честные труженики-строители противостоят ловким авантюристам — бригадиру Турунову и его помощнику Аликову, выбивающему материалы в ущерб другим строительным бригадам. Все это передано через журналиста Сергея Карпова,

героя-рассказчика, с которым читатель встречается в целом ряде повестей.

Журналист является одним из главных действующих лиц и в повести «Омежник — трава болотная» (1976, 1977). Героя произведения Степана Омежникова он видит на фоне весенней, оживляющейся природы, Волги. Рассказчик наблюдает с высокого берега за довольно помятым человеком. Описание его неприглядной внешности соответствует внутреннему духу. Степан — человек прижимистый, семейный деспот с высокой степенью самомнения. Ему дорого лишь свое мнение, а окружающие его люди — якобы ленивые неумехи, праздные гуляки, не умеющие ценить труд и трудового человека.

Огромную роль в раскрытии характера персонажа играет вещно-предметная среда — Степан собирает производственные отходы и строит из них целые хоромы. Писатель создает впечатление о двойственности его натуры — с одной стороны, он мастер на все руки, с другой — невыносимый деспот, норовящий предписать окружающим свои правила жизни, расписанный им распорядок. Поэтому от него ушли и жена, и дети. Устала от его наставлений, упреков, ругани и вторая жена, которая близка к разрыву с ним.

За вклад в развитие чувашской литературы Л. Таллеров удостоен почетных званий «Заслуженный работник культуры Чувашской АССР» (1981), «Народный писатель Чувашской АССР» (1988). Он лауреат Республиканской журналистской премии им. С. Эльгера (присуждена за создание творческих портретов деятелей литературы и искусства в 1975 г.).

Г.И. Федоров

Николай
Терентьевич
Терентьев
1925

*Н*ародный писатель Чувашии (1980),
талантливый драматург,
лауреат Государственной премии
Чувашской АССР им. К.В. Иванова
(1970), автор книг «Сиреневая
аллея», «Звезды не гаснут»,
«Кукушка все кукует», «Помогите
ведущему, журавли!»,
«Волны бьют о берег» и др.

МНОГОПЛАНОВОСТЬ, ПСИХОЛОГИЗМ, ДРАМАТУРГИЧЕСКАЯ ОТТОЧЕННОСТЬ...

Более сорока лет трудился Н. Терентьев на ниве драматургии, написал более сорока пьес: считай, по одной каждый год. И какие это были произведения! Ставили их профессиональные театры не только нашей республики. Репертуар многих любительских коллективов был составлен также на основе произведений драматурга. К примеру, только романтико-героическая пьеса «Сибирская дивизия» была поставлена в девяти театрах страны, трудно даже сосчитать, сколько народных драматических коллективов включали ее в свой репертуар.

На одной из встреч у известного писателя спросили: «Кого из своих героев вы больше любите?» Улыбнувшись, Николай Терентьевич ответил: «Это мои дети, поэтому я люблю их одинаково». Конечно, и зрителям нравятся герои драматурга, все они из гуши народа, близкие люди — родные, односельчане, знакомые... Диалоги в пьесах Н. Терентьева насыщены юмором, экспрессией, поэтическими оборотами и неожиданными эпитетами. Вот эпизод из трагикомедии «Пожарная лошадь», где два фронтовика склоняют «невесту» Клавье к замужеству:

«Иван. Я — Иван. Нигде не пропадал. Врагов не боялся. Никогда маху не давал.

Якку (*шепчет*). Ты себя не хвали-ка здесь, меня начинай хвалить. Порядок такой.

Иван. Перед этой беззубой старухой-колдуньей буду тебя хвалить? Нет! Ну ладно. Вот этого человека зовут Яков Васильч. Жених красив, в округе он один такой...»

Конфликты в большинстве пьес строятся на основе различного подхода героев к моральным ценностям, необыкновенный романтический настрой и оптимизм захватывают зрителя.

Драматург родился 17 апреля 1925 г. в д. Кошноруй Цивильского уезда (ныне Канашский район Чувашской Республики). С большой теплотой он вспоминает, как в детстве босиком бродил по лугам и оврагам, как продавал на базаре сделанные своей рукой свистульки. Его мировоззрение формировалось в окружении родной природы, в общении с односельчанами.

Во время учебы в Кошноруйской семилетней, затем Чурачикской средней школах Николай ничем особым не выделялся, был

скромен. Одна была страсть — его тянуло на сцену. Он был активным участником художественной самодеятельности.

Но не только романтические воспоминания детства формировали мировоззрение Терентьева-драматурга. Эпохальные события, репрессии 1930-х гг. и Великая Отечественная война, встряхнули юную душу. Его отец был незаконно осужден. «Однажды колонна с арестованными, где находился мой отец, проходила через нашу деревню. С мамой мы решили передать ему печеную картошку. Наивный, я хочу всучить нехитрое угощение, но солдат со штыком меня даже близко не подпустил. И плакать не могу, стою как вкопанный», — вспоминает Н. Терентьев. Мальчика однажды заперли в камеру в Шихазанах, подозревая в краже каких-то документов, которые потерял пьяный чиновник (потом они нашлись).

Мама — первая
слушательница.
1974 г.

У родного дома.
1970-е гг.

Тема войны занимает особое место в творчестве Н. Терентьева. Самые удачные пьесы (они автобиографичны) ярко описывают события великого противостояния с фашизмом. «Сибирская дивизия», «Кукушка все кукует», «Девушка и солдат» убедительно раскрывают суть патриотизма и героизма простых деревенских жителей. Им присущи необыкновенная вера в победу, переходящая в романтику, и крепкая человеческая любовь. Недюжинная сила духа, к примеру, отличает влюбленных Сарби и Сергея, героически погибшего Вавила («Кукушка все кукует»), Мишу и Ольгу («Сибирская дивизия»). И это неспроста. Ведь будущий драматург сам был свидетелем этих событий.

Началась война, когда Николай окончил школу. Мужчины ушли на фронт, тяжелая ноша легла на плечи женщин. Он стал счетоводом в колхозе. В школе не хватало учителей — молодой человек берется за уроки физкультуры и черчения, одновременно заведует хозяйством школы. Гибель брата Вавила на фронте оставила в душе будущего драматурга незаживающую рану. В холодную зиму 1941—1942 гг. ему довелось уча-

ствовать в строительстве оборонительных сооружений. «Были невыносимые морозы. Земля промерзла до одного метра», — вспоминает писатель.

Осенью 1942 г., пройдя конкурсный отбор, Н. Терентьев уезжает учиться в Москву, в чувашскую студию при Государственном институте театрального искусства им. А.В. Луначарского. С теплотой отзывается писатель о нелегких годах постижения основ сценического мастерства. В 1947—1950 гг. он работает актером в Чувашском академическом драматическом театре им. К.В. Иванова. Ему поручают интересные роли в пьесах П. Осипова и В. Ржанова — Сентьера («Айдар»), Ахмара («Эндип»).

В это время Н. Терентьев дебютирует как переводчик: работа над переводами пьес А. Островского и А. Арбузова дополнили багаж знаний, пробудили интерес к драматургии. Кроме этого, он участвует в дублировании художественных фильмов на чувашский язык.

Во время гастролей по крупницам собирает материал для своих пьес.

В 1951—1953 гг. Н. Терентьев учится в Чувашском государственном педагогическом институте им. И.Я. Яковлева, получает второе высшее образование; в 1955—1958 гг. — в аспирантуре в вышеназванном институте; в 1965—1968 гг. учится на Высших литературных курсах при Литературном институте им. А.М. Горького в Москве.

Литературное творчество Н. Терентьева началось с одноактных пьес. Первое произведение под названием «Сиреневая аллея» он создал в 1951 г. Работая заведующим литературной частью Чувашского академического драматического театра в 1953—1955 гг., он создает еще несколько одноактных пьес. Стихия творчества по-настоящему затянула его во время учебы в аспирантуре. Тогда вместо диссертации о творчестве П. Осипова он выложил на стол свою первую крупную и довольно успешную драму «Летать начинают с земли» (1956). Затем написал еще одну пьесу «Что же такое счастье?», которая вызвала фурор.

Смелые шаги Н. Терентьева способствовали тому, что чувашская литература сумела довольно быстро вырваться из сетей партийности и бесконфликтности, от которых особенно сильно страдала драматургия. Писатель понимал, что зрителю надоели идеологические штампы, бесконечные образы партийных секретарей, производственные конфликты на фоне станков и ферм. Ему хотелось видеть, чем дышат простые люди. Образ Лиды Богатыревой из пьесы «Летать начинают с земли» — новое веяние в литературе того периода. Драматург умело раскрывает здесь особенности женского характера. В

В часы досуга.
1970-е гг.

одном эпизоде Лида бросается на диван со словами: «Я — ничтожный человек! И народу, и себе не нужна!» Но тут же у нее просыпается желание не мириться со своим положением: «Никогда я не жила за счет славы других. За себя всегда могла постоять».

Нравственный выбор молодых людей в пьесе труден. Если Володя Новиков изначально знает, кем он станет, то Лида приходит к истине через увлечение бездарным стихотворцем, у которого были некоторые аристократические манеры, но она скоро разочаровывается в его «изысканности» и уезжает в деревню. Хотя и теряет героиня свою любовь, но находит она нечто важное...

Н. Терентьев в первой же «полнометражной» пьесе смог отказаться от внешних проявлений конфликта, характерного для пьес социально-классового содержания. Он углубился во внутренний мир своих героев, делая упор на морально-психологические мотивы.

Акцент на раскрытие «диалектики души» (Л. Толстой) присущ и другим пьесам Н. Терентьева. Смелостью духа, бесшабашной романтикой, поиском себя выделяются герои драмы «Что же такое счастье?» — Надя Дворникова, Виктор Арбатов. Их мучительная, неразделенная любовь (оба семейные) не вызывает общественного по-

ридания. Они целиком заняты более нужным, как им кажется, делом: улучшением жизни деревни. Хотя в пьесе так называемая производственная тема присутствует, но неординарные характеры говорят о несомненном таланте автора.

Пьесы Н. Терентьева получили всесоюзную известность. Так, спектакль по пьесе «Помогите ведущему, журавли!» стал лауреатом Всероссийского смотра театральных коллективов. За постановку исторической драмы «Волны бьют о берег» (1971) творческая группа (режиссер, художник и исполнители главных ролей) была удостоена Государственной премии РСФСР им. К. Станиславского, а автор — Государственной премии Чувашской АССР им. К. Иванова (1970). В данной постановке впервые на чувашской сцене были разыграны реальные исторические события 70—80-х гг. XIX в., связанные с деятельностью просветителей И. Яковлева, И. Ульянова и Н. Охотникова. Несмотря на некоторые идеологические шероховатости, которые обнаружились в раскрытии характеров Володи и Александра Ульяновых, пьеса отличается свежестью взгляда на эпоху, когда с огромным трудом пробивала себе дорогу система национального просвещения. В разговоре со своим чувашским другом И. Ульянов так раскрывает суть своих стремлений: «Работа наша такая: раскрываем глаза народу. Бьют по носу, сбивают с ног — встаньте и идите вперед». Эта идея проходит красной нитью через всю пьесу, через действия главного персонажа И. Яковлева. Просветитель прост в общении. Он часто забывает о своем высоком положении. Кучера Трахвина упрекает за высокопарное обращение «ваше превосходительство». Любовь к чувашам, их языку и культуре помогают Яковлеву отстаивать интересы своих сородичей. «Нет, народ, рождающий такие красивые песни, не уничтожить!» — восклицает он. Как всегда, удачными получились женские образы.

Через некоторое время Н. Терентьев создает продолжение драмы — «После молнии — гром», перенося действия на послереволюционные годы. Известно, тогда для И. Яковлева наступили «черные дни».

Драмы «Волны бьют о берег», «Земля и девушка», «После молнии — гром» были показаны в Москве на сцене МХАТа в 1974 и 1982 гг.

Актуальны и популярны его произведения о современности, которые отличаются запоминающимися социальными и нравственными конфликтами, глубоким психологизмом. В пьесе «Когда встает солнце» Катя Серебрякова, облученная смертельными лучами атома, не сдается болезни. Перед уходом на лечение (скорее с трагическим концом) она любит картину, где изображено полярное

сияние: «Знал бы ты, художник, какое коварство порою скрыто в подобной красоте...».

Своеобразный рекорд по долготе сценической жизни установила трагикомедия «Пожарная лошадь» (премьера состоялась в 1986 г.). Действие здесь разворачивается незатейливо: двое сельчан — фронтовики-инвалиды Иван, которому ничего не нужно, и Якку, который хочет жениться на вдове Клавье, — попадают в трагические и комические ситуации. Пьеса вызывает двойные чувства: зритель, смеясь над неудачными попытками сватовства стариков, видит тонкую грань непонимания их стремлений, угадывает какую-то ненужность, потерянность поколения фронтовиков.

«Через внимание к внутреннему миру героя, проявляя при этом глубокое и разностороннее знание изображаемой сферы, писатель выходит к социальным и нравственно-философским проблемам, сближающим мироощущения автора и героев, их жизненную мировоззренческую позицию», — отмечает исследователь чувашской драматургии Е. Афанасьева.

Особую страницу в творчестве Н. Терентьева занимают пьесы на военную тематику, написанные в 1960-е гг. Их объединяет некоторая автобиографичность. Действие в этих пьесах происходит в его родной деревне — Кошноруях — во время Великой Отечественной войны. Автор знает своих героев: он жил среди них, приближал Победу. В героико-романтической драме «Кукушка все кукует» автор воссоздает образ своего брата Вавила, погибшего на фронте. С первых же дней тот уходит на фронт, получает тяжелое ранение. Но и в тылу не может сидеть спокойно: уходящих на фронт молодых парней готовит к жестоким сражениям, поднимает их моральный дух. Вавил любит родной край, сажает деревья. Подлинный оптимизм — смысл его краткой, но насыщенной жизни. Вот его полемика с лейтенантом, пытавшимся рубить деревья, которые мешают строить оборонительные сооружения: «Разрушать все умеют. Человек ныне научился этому мастерству. Если даже кругом горит земля — ты расти детей, сажай деревья, выращивай цветы! Встань против смерти и строй жизнь!»

Главные герои драмы — лейтенант Сергей и его возлюбленная учительница Сарби — одухотворены верой в Победу. Молодого офицера не удовлетворяют учебные «драки» с муляжами врага: он стремится на фронт и пишет заявление в райвоенкомат. Проникновенно показаны в пьесе чувства молодых людей. И кукушка, считающая время, и ромашка, на которой гадают, — символы надвигающейся беды. Война на несколько лет отрывает героев от привычной

Наедине с природой.
2000 г.

мирной жизни и проверяет их на прочность чувств, характеров. Действия происходят и на фронте: третьи сутки взвод Сергея Антонова упорно сдерживает наступление врага. Гибнут люди, но выполняют приказ. Молодой офицер попадает в плен, его допрашивают, подпольщики устраивают побег... Здесь автор весьма умело использует авантурные сюжетные коллизии.

Шемящие душу картины возвращения Сергея домой, его работа председателем колхоза и ранняя смерть на поле, где растет пшеница, показаны автором мастерски.

В «Сибирской дивизии» в центральном образе мы угадываем черты матери самого автора, его родных и односельчан. Образ матери потрясает своей глубиной и нравственным величием, терпением. Она боится пропустить эшелон, на котором должен проехать сын с Дальнего Востока. Ждет Мишу и Ольга, бережет свою любовь к нему, отвергает лейтенанта Виктора, который пытается ухаживать за ней. Она уходит на войну, чтобы найти возлюбленного на фронте. Тридцать лет Ольга живет любовью к нему: «Пока я люблю его — он жив». Эта драма поставлена во многих театрах страны.

В пьесах «Жили бы как люди», «Грех», «Подснежник мороза не боится», «Колокола души», «Когда горит сердце» и других Н. Терентьев ярко показывает повседневную жизнь с ее разлуками, встречами, ссорами, примирениями. Герои озабочены поиском смысла жизни.

Автор умело пользуется психологическими средствами, усиливая драматические коллизии. Герои часто яростно спорят, доказывая свою правоту. Критики не случайно говорят о жанровом многообразии его пьес: пьеса-диспут, пьеса-следствие, социально-психологическая драма, социально-бытовая драма и т.д.

В пьесе «Глаза Волги» на фоне показа экологических проблем Н. Терентьев создает неординарные типы: учительница химии Анна Матвеевна и учитель родного языка и литературы Ипат Ипатович ведут поиск истины с различных позиций, это позволяет прийти к большому социальным обобщениям.

Характерна в этом отношении и пьеса «Такие родные люди», где действие происходит предельно локально: на вокзале. Здесь находят ребенка-подкидыша, вокруг этого случая разворачивается фабула. Драматург стремится понять, где истинная, а где ложная человечность. В финале пьесы, вопреки ожиданиям, ребенка усыновляет молодая девушка, обрекая себя на неопределенное будущее.

В пьесе «Колокола души» автора интересует проблема исчезновения маленьких деревень. Тем не менее драматург и здесь не теряет оптимизма: он надеется, что влюбленные Петр Яковлевич и Вера обретут счастье, а деревня поднимется. Автор бьет в символические колокола, призывая людей очищаться.

В пьесе «Грех» Н. Терентьев также поднимает тему нравственного очищения людей. Перед смертью Пелагея решила исповедоваться. Но по своей наивности и простоте души она имеет смутные представления о грехе и кается за вынужденные «проступки», на которые шла в неурожайные или военные годы.

К творческому наследию Н. Терентьева обращались многие исследователи литературы: Ю. Зубков, Г. Хлебников, В. Николаева, Хв. Агивер, Ю. Артемьев, Г. Федоров, Е. Афанасьева и др. Они отмечают, что писателю удалось поднимать крупные социальные и нравственные проблемы. Многоплановость, увлекательность фабулы, психологизм, драматургическая отточенность, поэтическая образность, романтическая открытость — основные черты его пьес.

За многолетнюю успешную работу Н. Терентьев удостоен званий «Заслуженный деятель искусств Чувашской АССР» (1968), «Заслуженный работник культуры РСФСР» (1976), «Народный писатель Чувашской АССР» (1980). Он лауреат Государственной премии Чувашской АССР им. К.В. Иванова (1970) и премии им. П. Осипова Союза профессиональных писателей Чувашии (2003).

Маститый писатель ныне живет в родной деревне.

В.А. Абрамов

**Марфа
Дмитриевна
Трубина
1888—1956**

***В**ыдающаяся детская писательница,
автор книг «Мучар»,
«В зимние вечера», «На радость,
на счастье», «Орешник»,
«Детство» и др.*

«СОВЕТСКИЙ ГРАЖДАНИН НЕ ДОЛЖЕН ТЕРПЕТЬ ЛОЖЬ И ПРОИЗВОЛ...»

В предисловии к Собранию сочинений М. Трубиной исследователь ее творчества критик В. Канюков писал: «Творчество Марфы Трубиной оказалось для чувашской литературы весьма благодатным и полезным: оно явилось своеобразной опорой, фундаментом для чувашской детской литературы. Не будь его, возможно, чувашская детская литература и не получила бы столь бурного развития сразу после свершения революции 1917 г. Помимо этого, ее творчество стало как бы составной частью педагогики, ее продолжением и развитием... Душа писательницы-педагога не терпела малейшей несправедливости, стремилась к правде и порядочности. Всем своим трудом, литературным и педагогическим, своими книгами Марфа Трубина внедряла в нашу литературу самые добрые чувства, помогала им расти и развиваться» [Перевод наш. — З.Р.]*.

И с этим нельзя не согласиться, ибо вся трудовая жизнь М. Трубиной прошла в сфере народного образования, одновременно она находила возможность заниматься другим, не менее любимым делом — литературным творчеством.

Родилась М.Д. Трубина 2 сентября (21 августа по ст. стилю) 1888 г. в с. Байгулово Чебоксарского уезда (ныне Козловский район Чувашской Республики) в бедной крестьянской семье. В 1903—1909 гг. училась в Симбирской чувашской учительской школе, где стала свидетельницей рабочих и студенческих волнений периода первой русской революции. Здесь же будущая писательница познакомилась с видными деятелями чувашской литературы и искусства — поэтами К. Ивановым, Н. Шубоссинни, музыкантами и композиторами Ф. Павловым, С. Максимовым, П. Пазухиным, а также с творчеством мастеров русской и зарубежной классики. По ее словам, в числе любимых писателей были Н. Гоголь, И. Тургенев, Л. Толстой, а поэзия А. Кольцова заставила взяться за перо и попробовать силы в сочинении стихов. Чуть позднее родились ее небольшие рассказы. Робкие пробы пера своей ученицы заметил И.Я. Яковлев, одобрил их и посоветовал продолжать писать.

* Трубина Марфви. Сырнисен пуххи. I том. — Шупашкар: Чăваш кĕнеке издательства, 1970. — 28 с.

Первое произведение М. Трубиной — стихотворение «Над колыбелью» — было написано на русском языке и напечатано в мае 1917 г. в газете «Чебоксарская правда» — органе Чебоксарского Совета рабочих и солдатских депутатов. На родном же языке стихотворения М. Трубиной начинают печататься с 1920 г. в чувашских журналах «Шурăмпуç» (Заря), «Сунтал» (Наковальня), «Хатёр пул» (Будь готов), а также в газетах «Канаш» (Совет), «Ёс хёраpамё» (Работница) и др.

В первом опубликованном на чувашском языке стихотворении «Эндюсь и Марусь» начинающая писательница рассказывает о несчастной судьбе молодых людей в революционное время. Автором использована форма старинной народной песни.

Затем последовали произведения интимной лирики, пейзажные, философские и другие строки. Но М. Трубиной больше по душе было фольклорное направление, особенно приметными в этом плане являются ее антивоенные стихотворения «Горе девичье» и «Звезды».

После Октябрьской революции чувашская литература наравне со всей советской литературой стала бурно развиваться, набирать силу. Росло и крепло и мастерство Трубиной, расширялась тематика ее творчества.

Марфа Трубина по праву считается зачинательницей чувашской детской литературы, хотя творчество не было для нее самоцелью: до последнего дня своей жизни она так и не рассталась со школой и детьми. И даже в 1930 г., когда ее избрали секретарем правления Чувашской ассоциации пролетарских писателей, она не согласилась на переезд в Чебоксары. Возможно, сказала и провинциальная робость перед столичными мастерами слова — писательница в письме от 29 марта 1935 г. пишет именно об этом: «Я склонна была остаться на этот вечер (вечер воспоминаний 29 марта 1935 года в Союзе писателей республики), но побоялась, что своим скучным настроением буду выглядеть неловко. Это одно. Второе — чебоксарская публика вообще любит одеваться крикливо (женщины, конечно), и опять у меня появилось чувство беспокойства, что среди разодетых я буду выглядеть как ворона среди пав»*.

Однако жизнь в Байгулове не всегда была для Трубиной спокойной и безмятежной. В 1930-е гг., когда многие ее товарищи по перу были объявлены врагами народа, ей тоже пришлось ис-

* Здесь и далее письма цитируются по публикации старшего научного сотрудника ЦГА Чувашской Республики Питерновой В. «Я не могу терпеть ложь и произвол...» // Советская Чувашия. 1998. 2 сентября.

пытать на себе несправедливые обвинения. Но она была не из тех, кто мог безропотно смириться с клеветой и произволом, и сумела отстоять свои честь и достоинство, решительно отвергнув клеветнические нападки. О смелости и подлинной гражданственности писательницы свидетельствуют ее письма тех лет, адресованные в Союз писателей Чувашии. Вот письмо, датированное 21 июля 1938 г.:

«...Меня оклеветали за связи с якобы врагами народа Васянкой, Золотовым и другими, которые оказались в Союзе писателей.

Президиумом Козловского РИКа за связь с врагами народа я была снята с работы, лишена звания педагога, отведена из состава президиума Байгуловского сельсовета, из членов Козловского РИКа, исключена из профсоюза. В Союзе писателей, по выражению секретаря райкома Липатова, «одни шпионы, диверсанты и всякие враги народа». Изъяты были мои произведения и программы чувашской литературы для начальной и неполной средней школ, и, объявленная врагом народа, с 14 октября по 17 декабря 1937 г. я находилась без работы, встречая на каждом почти шагу одно только презрение и недоверие... Три раза приезжали из Чебоксар на расследование моего дела, и никто из колхозников и учителей не мог выступить в мою защиту, и результаты расследования были далеко не в мою пользу...

На данное время я восстановлена в правах педагога и с 17 декабря 1937 г. работала в Староурмарской НСШ преподавателем русского языка и литературы, а за последнее время переведена в Байгуловскую НСШ на место прежней работы, но атмосфера презрения и недоверия... еще не разрядилась. До сего времени я не восстановлена членом президиума сельсовета, членом РИКа, не получила за вынужденный прогул...

Во мне возмущается чувство советского гражданина, который не должен терпеть ложь и произвол. Меня окончательно втоптали в грязь. Я вижу всю продажность этих людей и не могу мириться с тем, что они оклеветали меня, чуть не загнали меня в гроб и до сих пор еще не теряют надежды окончательно загубить меня и остаются безнаказанными...

Я прошу вас, товарищ Харитонов*, и Союз писателей, помочь мне и создать нормальные условия для педагогической и творческой работы...»

Из тяжелой нечистоплотной борьбы М. Трубина сумела-таки выйти

* В те годы нарком просвещения Чувашской АССР.

**М. Трубина
в годы учебы
в Симбирской
чувашской
учительской школе.**

победительницей, и ее благородный труд сельской учительницы был высоко оценен государством — она была удостоена ордена Ленина, награждена медалями «За трудовое отличие», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», ей присвоены почетные звания заслуженного учителя школы РСФСР и ЧАССР.

Гораздо позже ее именем была названа одна из городских детских библиотек, учреждена литературная премия им. М.Д. Трубиной.

Несмотря на то, что М. Трубина выступила в литературе как поэт*, наиболее полно ее талант литератора проявился в прозе.

Писательница чувствовала, что для воплощения актуальных тем стихотворные рамки становятся тесными, и в 1923 г. в газете «Канаш» появляется первый рассказ М. Трубиной «Винная дорога». Само название произведения говорит о том, как человек, ступивший на путь пьянства, губит себя заживо. А в 1924 г. в журнале «Сунтал» печатается значительно больший по объему рассказ «В базарный день», где уже поднимается тема противостояния злобных деревенских куштанов новому социальному устройству. Эта тема станет для писательницы, пожалуй, основной и любимой — она прозвучит в ее последующих рассказах, повестях и пьесах. А в начале 30-х гг. М. Трубина пишет цикл колхозных рассказов и издает их в сборнике «Рассказы», однако в подзаголовке добавляет: «Все эти рассказы о колхозной и женской жизни», то есть она связывает эти две темы воедино. Судьба женщины и судьба колхоза для нее неразделимы. Особенно ярко они прослеживаются в рассказах «Настук» (1925) и «Марине» (1928).

* За 1921—1929 гг. она написала более трех десятков стихотворений.

Коллектив учителей
Байгуловской
семилетней школы.
1932 г.

М.Д. Трубина
с учащимися
4 класса
Байгуловской
неполной
средней школы
Козловского района.
1935 г.

Уже первые произведения писательницы, в сравнении с рассказами и повестями других прозаиков, отличались остротой сюжета, внимательным изучением и показом движения души персонажей, драматичностью конфликта. Заслуга Трубиной и в том, что она ввела в чувашскую литературу множество новых тем. Это и зарождение новых обычаев, и роль и место женщины-чувашки в советском обществе, и тема революции и землепашца.

Писательница не замыкалась в рамках одного жанра — кроме рассказов, ею создано немало сказок, пьес, повестей.

Всю сознательную жизнь проработавшая учителем в Байгуловской школе (1913—1956), она много произведений посвятила детям: из более чем сорока написанных ею рассказов почти половина повествует о школьной жизни, добрых делах первых сельских пионеров и комсомольцев.

Из пьес М. Трубиной наиболее известными являются «Победил», «Идет» и «Голос земли». Главные темы — та же борьба нарождающегося нового с отживающим старым, Гражданская война и революция, в драмах эти противоречия можно было выразить более остро и динамично, и Трубина пишет пьесу за пьесой.

Как переводчик ее произведений, отмечу три повести — «Мучар», «У тихой заводи» и «Детство», на мой взгляд, наиболее яркие и значительные.

Повесть «Мучар» — это нелегкая, порой трагическая история создания колхоза в одном из чувашских селений. Мучар — ярый и очень хитрый классовый враг, способный на самые гнусные поступки, лишь бы не дать возможности набрать силы зарождающемуся новому. Он сумел убедить чуть ли не всех представителей советской власти в том, что его сосед Михалья, первым раскусивший истинную сущность Мучара, — не кто иной, как враг колхозного строя. «Мучар» по праву занимает одно из первых мест среди произведений чувашской прозы, посвященных теме создания колхозов.

В повести «У тихой заводи» писательница продолжает ту же тему строительства колхозной жизни, но теперь более широко и многопланово. На переднем крае уже не мучары, а уверенные в необходимости нового строя люди деревни — сплоченные, решительные, дружные, доверяющие друг другу. Правда, находится и среди них «особо бдительный» комсомолец Кавырле, временно заменивший деревенского комсорга Иванова и наломавший немало дров из-за своей «сверхбдительности». Он во всех людях ищет врагов народа, а в конце концов сам оказывается в ловушке «святого отца» Ипполита.

К сожалению, М. Трубина так и не закончила свою повесть: она вносила в нее все новые и новые поправки, стремясь усилить воздействие новых социалистических сил и идеалов. Возможно, ее не устраивали изображенные ею классовые враги, будто заново восставшие из праха. Вот почему некоторые персонажи и сюжетные линии оставляют впечатление незавершенности, немотивированности. А возможно, писательница, переживая эпоху жестоких репрессий, время, когда ее многие талантливые товарищи по перу были объявлены «врагами народа», пыталась правдиво отобразить события тех лет?.. Но время гласности еще не пришло, и страх был живуч, он-то и сковывал перья полуправдой, намеками, недомолвками.

Как бы там ни было, даже частичное отображение событий тех лет свидетельствует о смелости и подлинной гражданственности М. Трубиной, о чем говорится в том же письме председателю правления Союза писателей Чувашии А.И. Золотову: «... Меня очень

Семья М. Трубиной.
Слева направо:
сын Николай, муж
Дмитрий Федорович,
Марфа Дмитриевна,
сын Борис.
Село Байгулово
Козловского района
ЧАССР.
1936 г.

волнуют аресты произведений, уже вышедших в свет. При мне объявили Рзаю об аресте его книжки. В ГИЗе работники грызут друг друга. Что-то это не то, не настоящее там. Что будет с Васянкой? Ведь его буквально превращают в кого-то ненужного, которого следует только выбросить. Так ли это на самом деле? Такой ли уж либерал Васянка? Правда, я, конечно, мало знаю всех работников, мало бываю среди них, но иной раз мне удается улавливать их недружелюбное отношение друг к другу...».

Вершиной мастерства М. Трубиной, по словам критика В.Я. Канюкова, является повесть «Детство». «... Это произведение обогатило не только ее творчество, но и всю современную чувашскую прозу», — пишет он в том же предисловии к Собранию сочинений писательницы.

В основу повести положены факты биографии самой Трубиной. Лейт-мотив произведения — высокое, чистое предназначение человека, который от рождения стремится к добру и свету. Но в классовом обществе человек не волен: те, в чьих руках богатство и власть, топчут и не уважают бедных. И все же, несмотря на притеснения и гонения, человек остается на земле высшим существом и через тернии рвется к звездам. Такова девочка Марфа, ее русские друзья Коля и Катя, Гаврила, гусярь Степан, брат Марфы Иван, сельская учительница...

Это так называемые представители «светлого царства» деревни, но властвуют в ней не они, а богатей Шешле Ягур — владелец мельницы и самых плодородных земель и лугов. Разумеется, богатство его нажито не своим честным трудом, а слезами и потом односельчан-бедняков. Он душит их долговой удавкой, из года в год наращивая свой капитал. Не зря о нем сельчане говорят: «Неспроста род ихний Шешле (Шука. — З.Р.) называют. Шука рыбешек всех в реке пожирает, а нас Шешле Ягур со свету сживает, кровушку нашу выпивает».

Не отстают в кровожадности от Шешле и его дружки — приятели, родственники-хапуги. Особенно старается угодить Шешле Ягуру принятый в их круг Казак Василий — он готов разорить своих соседей, отбирая в счет неуплаченного долга их землю, бессовестно обманывает их при расчете. В его образе М. Трубина воплотила самую мерзкую черту мира капитала: пытаясь разбогатеть любой ценой, люди теряют человеческую сущность, идут на любую подлость, обман и даже убийство...

Много бед терпит от богатеев и трудолюбивая семья девочки Марфы. Отец и старший брат Иван день и ночь гнут спину и все равно не могут вырваться из нищеты. Но они не сдаются, потому что в них заложено здоровое и доброе начало. «Умри, но не заискивай, не лебези перед негодаями!» — учит отец своих детей.

Повесть заканчивается оптимистично: Марфа, даже оставшись без отца, успешно заканчивает сельскую школу и едет учиться в Симбирск — к И.Я. Яковлеву. Вот кто поведет девочку по жизни, а не Шешле, не жестокий староста Иванюк, не Казак Василий и пр.

Хотела бы заметить, что мое знакомство с творчеством М. Трубиной началось именно с повести «Детство», причем почти случайно. В 1978 г. Чувашское книжное издательство включило в план издания повесть «Детство» в переводе на русский язык. Однако рукопись по каким-то причинам не поступила, и мне, начинающему тогда переводчику, неожиданно предложили перевести эту повесть.

Несмотря на то, что по времени детство крестьянской девочки Марфы (кстати, описанный в повести факт наречения будущей

На выставке,
посвященной
120-летию
со дня рождения
писательницы.
г. Чебоксары.
Литературный музей
им. К.В. Иванова.
2008 г.

писательницы Марфой в числе других четырех девочек, родившихся в один день с нею, имел место в действительности: в метрической книге села Байгулова за 1888 г. в день крещения 28 августа в графе «Имена крестившихся» записаны три Семена и четыре Марфы — и никаких других имен!) отстояло от моего более чем на полвека, оно оказалось мне очень близким и знакомым: послевоенная чувашская деревня мало чем отличалась от деревни дореволюционной. Бедность, страх перед налоговыми агентами, исключение из школы моих старших сестер за неуплату за обучение, постоянное ощущение голода, болезни, особенно трахома (хотя, скорее, это был авитаминоз, или «золотуха», как говорили в народе) — все это было на моей памяти, и потому, встретившись в повести Трубиной со всем этим, я смело взялась за перевод «Детства».

В оригинале повествование идет сплошным текстом, и мы с редактором В. Захаровым, та-

лантливый чувашским прозаиком и переводчиком, решили ее «оживить» — разбили на подзаголовки, от чего, мне кажется, повесть только выиграла: дети не любят читать сплошной текст... Местная критика, однако, почти не заметила книгу, правда, в газете «Советская Чувашия» выступил с рецензией писатель В. Мурашковский да в журнале «Детская литература» (1986. № 10) критик Г. Гордеева отозвалась о повести следующим образом: «Удачная попытка пополнить, углубить образ чувашской деревни, рассказать детям, как тяжела, страшна и убога была ее жизнь в дореволюционные времена... и какие светлые силы, несмотря ни на что, вызревали в этих темных глубинах, предпринята в книге М. Трубиной, добротной, а местами и поэтично переведенной З. Романовой...»

После перевода «Детства» я прочитала все, что было опубликовано из творчества М. Трубиной, познакомилась с литературоведческими и критическими работами, посвященными анализу ее произведений, с биографией писательницы. Возникло желание перевести другие ее произведения и в 1988 г. вышла книга «У тихой заводи», куда вошли повести «Мучар», «У тихой заводи» и «Детство».

Когда-то было решено издать полное собрание сочинений М. Трубиной в 3-х томах (составители В. Канюков и А. Соколова), из которых вышли два тома в 1970 и 1975 гг. В первый том вошли стихи, сказки и рассказы, во второй — пьесы «Победил», «Идет» «Голос земли» и повести «Мучар» и «У тихой заводи». В третий том, который все же, наверное, когда-нибудь будет издан, помимо повести «Детство», могли бы войти письма, дневники и очерки М. Трубиной, прекрасно владевшей богатым русским языком, впрочем, как и все выпускники Симбирской чувашской учительской школы.

Очень хочется надеяться, что намеченное издание трехтомника М. Трубиной все же будет завершено, потому что творчество ее не избаловано чрезмерным изучением критиками и литературоведами: насколько мне известно, кроме В. Канюкова, серьезным исследованием богатого наследия женщины-писателя мало кто занимался.

Тем самым будет воздано должное основоположнице чувашской детской литературы и талантливому прозаику и драматургу.

З.В. Романова

**Валерий
Владимирович
Тургай
1961**

***Н**ародный поэт Чувашии (2003),
лауреат премии Союза молодежи
Чувашии им. М. Сеспеля,
автор книг «Свет родника»,
«Белая фарфоровая чашка»,
«Будем жить!», «Ночь-мелодия» и др.*

НА НОВОЙ ВОЛНЕ

Художников, которые запечатлевают образы эпохи для последующих поколений, рождает время. Если в балладе «Леший» М. Федорова мы видим темного, забитого крестьянина-чуваша XIX в., то в программном стихотворении М. Сеспеля «Пашня Нового Дня», написанном в начале 20-х гг. XX столетия, перед нами совсем другой чуваш: это уже человек-исполин, одухотворенный идеями свободного, коллективного труда. Понятно, что это стихотворение похоже на своеобразный манифест строителя идеального общества. Поэтический же взлет В. Тургая пришелся на время смены последующих двух веков. В данный период он стал популярнейшим поэтом чувашской молодежи, это заставляет говорить о нем как о выразителе дум и настроений на стыке XX и XXI вв.

В. Тургай (Валерий Владимирович Воробьев) родился 17 апреля 1961 г. в д. Починок-Инели Комсомольского района Чувашской АССР. Окончил местную среднюю школу, историко-филологический факультет Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова, Высшие театральные курсы при Государственном институте театрального искусства им. А.В. Луначарского. Работал сотрудником Бюро пропаганды художественной литературы Союза писателей Чувашии. В 2000 г. В. Тургай избирается председателем правления Союза писателей, впоследствии переименованного в Союз профессиональных писателей Чувашской Республики. Он также секретарь правления Союза писателей России, член редакционного совета московского журнала «Дружба народов».

Первые стихи юного поэта были опубликованы в Комсомольской районной газете, когда их автор учился в восьмом классе средней школы. Понимание того, что именно поэзия является его судьбой, пришло в университетском литературном объединении «Ҫил сунат» (Ветрокрылый), которым с творческим горением руководил ученый-филолог В. Станьял. Роль силлабики в становлении чувашского стиха, реформы М. Сеспеля по внедрению силлабо-тонического стихотворного размера, авангардная поэзия Г. Айги, бурные обсуждения этих и других насущных вопросов стали для литкружковцев настоящей лабораторией. В эти годы средства массовой информации республики обратили внимание на молодого автора, творческие поиски которого соответствовали свежему ветру перемен.

Минуты поэзии
на току одного
из хозяйств
Красноармейского
района. 1984 г.

В 1989 г. выходит первый сборник поэта «Свет родника». Шаги вчерашнего студента были настолько уверенными, образ его лирического героя настолько привлекательным, что ему за данную книгу присуждена премия Союза молодежи Чувашии им. М. Сеспеля. Прием в Союз писателей и названная молодежная премия явились серьезным признанием таланта поэта. Вскоре одна за другой появились поэтические книги: «Белая фарфоровая чашка» (1994), «Слезы на лице Бога» (1996), «Будем жить!» (1999). Одинакового формата и объема, одинакового полиграфического исполнения и нестандартного поэтического почерка, они вновь подтвердили, что чувашский читатель имеет дело с талантом особого полета.

Основные гражданские мотивы поэзии В. Тургая, пожалуй, связаны с историческими судьбами чувашского народа. Судите сами: племена, вышедшие из Центральной Азии, совершили

На презентации
сборника
«Белая фарфоровая
чашка». 1994 г.

в поисках лучшей доли многовековой путь через кавказские хребты, преобразовались по ходу в такую общественную формацию, как народ, который и по языку, и по менталитету, и по жизненному укладу является теперь уникальной частью мировой культуры... Прошлые будоражат умы многих крупных ученых: например, известный историк Л. Гумилев в свое время организовал специальную научную экспедицию в район городища Семендер, а всемирно известный лингвист К. Менгес, занимаясь восточными элементами в тексте «Слова о полку Игореве», пришел к выводу, что семь слов в эпосе имеются только в чувашском языке... Конечно, озабочены этими вопросами и наши поэты. В условиях глобализации чувашский народ, как и другие, сам должен определять свою перспективу. По-

этому нам надо держаться вместе, всечасно помня и свято соблюдая заветы великого учителя Ивана Яковлева. «Чăвашшăн чăваш» (Чуваш для чуваша) — этот мотив является главным в гражданской поэзии В. Тургая.

Прав народный поэт Татарстана Р. Харис, когда он пишет: «В. Тургай сердцем чувствует ритм движения эпохи, ее температуру и современному умеет о них сказать читателю, при этом мастерски пользуясь всей цветовой гаммой поэтической палитры чувашского народа и европейской литературы. В нем хороший баланс авангарда и консерватизма, что и делает его стихи привлекательными и глубокомысленными, игровыми и серьезными, словом, адекватными нашему современному трагическому и комическому времени».

Поэтический слог В. Тургая нетрадиционный. Своеобразен он и в метрике. От чеканного ритма и общепринятых норм рифмовки поэт зачастую отказывается, прибегая к формам белого стиха. В этом плане известный белорусский поэт М. Танк говорил, что ритм и рифма сбивают его от заданной цели и поэтому он не обращает на них внимания, делая ставку на чувственную экспрессию. Таков во многом и В. Тургай. К примеру, в стихотворении «Спасение» он выражает себя так:

Из-за любви
неистой
ненавижу,
но ненавидя,
сильнее люблю.

(Перевод подстрочный)

О стихах В. Тургая в литературных кругах много спорят. А коль поэзия вызывает спор, значит, она будоражит мысль и делает свое дело.

Свою первую пьесу В. Тургай написал в студенческие годы по совету своего друга и наставника, киноактера, театрального режиссера и поэта И. Дмитриева. Он же поставил в 1985 г. в Чувашском государственном театре юного зрителя им. М. Сеспеля спектакль по пьесе В. Тургая «Рядом со счастьем». Судя по посещаемости и отзывам специалистов, постановка получилась интересной и актуальной для молодежи. В ней были отображены характеры бойцов популярных в те времена студенческих строительных отрядов. Спектакль с трудом пробил путь на сцену через всемогущую цензуру: ведь основной конфликт там разгорается между командиром ССО и не совсем положительным комиссаром отряда, который в данном случае не кто иной, как проводник линии партии и комсомола в жизнь.

Острота конфликта и решила судьбу спектакля: он получился живым и злободневным.

Вторую пьесу «Спасти и спастись» В. Тургай написал в 1987 г. в Москве, во время учебы на Высших театральных курсах при ГИТИСе им. А.В. Луначарского (руководитель студии драматургов — Н. Мирошниченко). Молодой сотрудник районной газеты, принципиальный Георгий, своими яркими публикациями пытается изменить жизнь к лучшему, он подвергает критике местных начальников, считающих себя удельными князьками, за упущения в работе, за отсталые взгляды, за отрыв от народа. За такую «корчагинскую смелость» его увольняют из редакции.

Не привыкший сидеть сложа руки, Георгий с бригадой шабашников принимается ремонтировать старый колодец председателя сельсовета Путмасова. И тут он оказался обреченным. На дне внезапно обрушившегося колодца он ждет своих спасателей. Но у оставшихся наверху свои проблемы, притом одна острее другой...

Эта трагедия была поставлена в 1988 г. на сцене Чувашского государственного академического драматического театра им. К.В. Иванова режиссером А. Павловым.

Определенный резонанс среди зрителей вызвал и спектакль «Прости меня», поставленный в 1989 г. по одноименной пьесе В. Тургая. Здесь речь идет о судьбе детей-сирот. Брошенные родителями, они живут в одном из пригородных детских интернатов. Тема ответственности за беспомощных мальчиков и девочек никого не оставляет равнодушным. Гибкий сюжет, разносторонние характеры, мастерство актеров сделали спектакль актуальным.

В последние годы В. Тургай написал трагедию «А жизнь только начиналась», рассказывающую о раскулачивании чувашских крестьян в 20—30-х гг. XX в. Она пока не поставлена.

Многогранна общественная деятельность В. Тургая. Еще в студенческие годы, когда перспективу всех наций в СССР определяла «программа расцвета и слияния культур», он, не задумываясь, встал в ряды творческой интеллигенции, отстаивающей самобытность национальных культур. «И если завтра мой язык исчезнет, то я готов сегодня умереть», — заявил в свое время народный поэт Дагестана Р. Гамзатов. «И сердцем я чуваш, и речью», — вторил ему наш П. Хузангай. «И на Сатурне только по-чувашски общаться буду с миром я», — это голос Я. Ухсая. К ним присоединился и В. Тургай, воскликнувший: «О чуваш! Пусть Всевышний оберегает тебя в пути!» Так возрождение национальной культуры встало в те годы во главу угла в движении демократических сил. Дошло до того, что В. Тургай

Поэты В. Тургай
и М. Карим.
2001 г.

и его единомышленники объявили голодовку и в зимнюю стужу сидели перед Домом правительства в Чебоксарах. Меры, принимаемые передовой частью интеллигенции, возымели определенный резонанс: в республике был учрежден Чувашский национальный конгресс, принят закон «О языках в Чувашской Республике», при журнале «Ялав» (Знамя) возобновилось издание библиотеки и т.д.

С именем В. Тургая связано открытие в 1996 г. Чувашского общественного фонда М. Сеспеля, который активно пропагандирует творческое наследие основоположника новой чувашской поэзии, лучшие работы молодых отмечает премией им. М. Сеспеля, в Канашском районе ежегодно проводит сеспелевские чтения школьников с участием представителей чувашской диаспоры, деятели культуры периодически посещают г. Остер Черниговской области Украины,

где покойтся прах М. Сеспеля. Фонд дважды издал сборник стихотворений классика чувашской поэзии «Пашня Нового дня» в переводе на языки народов мира, принял активное участие в строительстве Мемориального комплекса на родине поэта.

В 2000 г. В. Тургай возглавил правление Союза профессиональных писателей Чувашской Республики. В целях стимулирования авторов учредили четыре ежегодные жанровые премии: по прозе, поэзии, драматургии и переводу. Состоялись Дни чувашской литературы в республиках Татарстан, Башкортостан, Марий Эл и ответные визиты писательских делегаций названных субъектов России в Чувашию. Тепло встретили читатели выход в свет собраний сочинений П. Хузангая, Я. Ухсая, Д. Юмана, В. Митты и других, антологию чувашской прозы, серию книг для детей. Благодарственным письмом отозвался Президент Республики Татарстан М. Шаймиев на новое издание повести классика татарской прозы З. Башири «Чувашская девушка Анисия» к 120-летию со дня рождения автора.

Союз профессиональных писателей республики взял на себя обязанность чествовать классиков чувашской литературы по юбилейным датам, организовать экскурсии по литературным местам, в меру сил способствовать росту творческой активности писателей.

Художественный перевод — вид творчества, сближающий разные народы. От этого важного процесса не отстранился и В. Тургай. В его активе — переводы русских, татарских, башкирских, украинских, эстонских, аварских, лакских, лезгинских, даргинских, балкарских, кабардинских и других современных поэтов на чувашский язык. Следовательно, и сам В. Тургай часто переводится на языки многих народов. Его имя мы постоянно видим в московской, киевской, таллинской литературной периодике, не говоря уже об изданиях, выходящих в республиках Поволжья и Урала. Сборник его стихотворений «Ночь-мелодия» в русском переводе А. Дмитриева получил добрые отзывы в «Литературной газете».

В. Тургай — лауреат премий Союза молодежи Чувашии им. М. Сеспеля, им. И.Я. Яковлева (фонд «Еткер», г. Ульяновск), заслуженный работник культуры Чувашской Республики (1999), почетный гражданин г. Остер Черниговской области Украины, народный поэт Чувашии (2003).

Ю.С. Семендер

Кузьма
Сергеевич
Турхан
1915—1988

*Талантливый прозаик, лауреат
Государственной премии
Чувашской АССР им. К.В. Иванова
(1977), автор книг «Свияга
впадает в Волгу», «На Кубне»,
«Деревня в ветлах» и др.*

В РОМАНАХ — СУДЬБА НАРОДА

В истории художественной культуры нередки примеры, когда единственная книга дарила автору широкую известность и бессмертие. Для писателя Кузьмы Турхана таким произведением стал роман-трилогия «Свияга впадает в Волгу», за который он был удостоен Государственной премии Чувашской АССР им. К.В. Иванова.

К. Турхан (Сергеев) родился 8 октября 1915 г. в д. Подлесные Чурачики Буинского уезда Симбирской губернии (ныне Комсомольский район Чувашской Республики). Рано лишился родителей и воспитывался в детском доме. В 1934 г. окончил Канаашский педагогический техникум (ныне педагогический колледж) и некоторое время работал учителем языка и литературы в родной деревне. Заочно учился в Ленинградском институте журналистики им. В.В. Воровского. В этот период активно публиковался в газете «Пионер сасси». С 1935 г. его переводят на работу в Комитет радиоинформации при Совнарком Чувашской АССР, где до 1937 г. он работал редактором.

В 1937—1940 гг. будущий писатель находился в рядах Советской Армии, участвовал в советско-финляндской войне 1939—1940 гг. В годы Великой Отечественной войны работал редактором Чувашгосиздата и являлся главным редактором Комитета радиоинформации при Совнарком Чувашской АССР. В произведениях этого периода («Пулеметчик Иван Смирнов» и др.) сильны публицистические тенденции. Писатель, как и другие авторы военной прозы, создает собирательный образ чувашского солдата, полный патриотизма, храбрости и самопожертвования.

С 1949 г. К. Турхан полностью посвятил себя литературной деятельности. В 1941 г. вышел в свет первый сборник очерков и рассказов «В атаке». Основной тематикой произведений, вошедших в это издание, стало мужество советских солдат в период военных действий на территории Западной Белоруссии и Западной Украины, участником которых был сам писатель. Затем последовали роман «Деревня в ветлах» и повесть «На Кубне», роман-трилогия «Свияга впадает в Волгу». В 1952 г. К. Турхан становится членом Союза писателей СССР.

Прозаик больше тяготел к публицистическому стилю, к фактографическому и историческому изложению сюжета, предпочитал

К. Сергеев (Турхан) —
студент I курса
Канашского педтехникума.
1931 г.

описывать реальные факты («В атаке», «Свияга впадает в Волгу», «Сибирские встречи»), затрагивал актуальные проблемы времени («На Кубне», «Рана земли», «Деревня в ветлах»), герои произведения взяты из жизни («В атаке», «Сибирские встречи»).

Так, в произведениях послевоенного периода (роман «Деревня в ветлах», повесть «Рана земли») К. Турхан создает типичный для 50—60-х гг. XX в. образ колхозной деревни и соответствующий этому конфликт. Основным предназначением литературы многие тогда считали мобилизацию всего народа на трудовые подвиги, воспитание молодого поколения в соответствующем духе. В лучших своих произведениях чувашские литераторы вполне справились с этой задачей.

Вместе с тем характерной особенностью литературного процесса 50-х гг. XX в. (это проявляется и в творчестве К. Турхана) стало стремление к философскому осмыслению прошлого народа как в крупных эпических формах (роман, поэма, повесть), так и в малых жанрах прозы и поэзии.

Другая большая тема литературы данного периода — изображение подвига народа в тылу. Находясь в русле этого процесса, К. Турхан создал роман «Деревня в ветлах» (1950).

В данном произведении в целом правдиво описываются массовое движение среди чувашского народа по оказанию помощи фронту, героический труд колхозников в годы войны. Многие герои произведений, например, Липа, Ятман («Деревня в ветлах»), старик Шевле («Рана земли», 1963) — это люди, душой переживающие за свое дело и любящие родную землю. Однако в них конфликт не выходит за рамки производственных отношений и не затрагивает внутреннего состояния героев. Происходят столкновения между старыми и новыми взглядами на труд, на колхозное производство, на место женщины в семье и в обществе.

Роман «Деревня в ветлах» был первым крупным произведением К. Турхана, который стал значительным событием в литературной жизни Чувашии 50-х гг. XX в. Критика (М. Сироткин, Е. Владимиров, В. Любимов, С. Угандеев) положительно оценила роман, отметив его некоторые недостатки: внутренний мир героев остается недоступным читателю, язык действующих лиц индивидуализирован слабо, этнографизм и языковые погрешности снижают художественные достоинства романа.

Однако, по мнению Е. Владимирова, если в создании характера современника К. Турхану и не удалось сказать нового слова, то

Писатели К. Турхан
и Г. Ефимов
в д. Передние
Яндоуши
Канашского района.
1955 г.

В годы работы
над романом
«Свияга
впадает в Волгу».
1955 г.

его произведение при всех недостатках имело существенное значение в развитии жанра романа в чувашской литературе.

По мнению М. Сироткина, наиболее удались автору образы людей труда. Индивидуальные особенности характера, поведения автор пытается раскрыть через показ их деятельности. Думается, это вполне удачный прием.

Следует отметить и то, что в романе «Деревня в ветлах» есть сходные черты с аналогичными по тематике произведениями многонациональной литературы того времени, но повествовательная ткань, манера типизации образов (наиболее удавшимися оказались образы коммунистов деревни и молодых фронтовиков) имеют вполне самостоятельный характер. В изображении жизненной обстановки, своеобразия быта и труда, особенностей действующих лиц писатель исходит из чувашской действительности. Поэтому и созвучность поэтики данного ро-

мана с произведениями литератур других народов проистекает не из подражания, а из общности типических черт.

В 1961 г. К. Турхан несколько месяцев путешествовал по районам Дальнего Востока. Затем выпустил сборник рассказов и очерков «Сибирские встречи», куда вошли 14 произведений. Писатель создал образ современника — героя труда и ответственного гражданина, романтика по своей натуре. Так, к примеру, инженеры «Сибтранс-проекта» Кошурников, Журавлев, Стофато — отважные бойцы на фронте и безудержные герои труда — еще на войне мечтали поехать на строительство железнодорожной магистрали между Тайшетом и Абаканом. Они погибли на трудовом посту. Их подвиг не забыт: станция и два разъезда на этой магистрали носят их имена.

В романе «Рана земли» писатель поднимает проблему охраны природы и земельных угодий. Здесь создана галерея образов тружеников колхозной деревни. Сюжет романа вполне соответствует духу 60-х гг. XX столетия.

«По мнению специалистов, — отмечает писатель, — чтобы вернуть плодородие земли, смытое водой за один год, необходимо ее подкармливать и лечить в течение пяти лет». Учитывая особенности ландшафта Чувашии, писатель затронул весьма важную проблему.

Роман «Рана земли», как отмечали литературоведы (Г. Хлебников и др.), отличается публицистичностью. В некоторых отрывках произведение читается как практическое руководство по борьбе с эрозией: автор подробно изучил экономическую сторону этой проблемы, собрал немало фактического материала, и, вероятно, много размышлял о методах борьбы с эрозией почвы. К примеру, один из таких отрывков (обозначен как дневник героя) напоминает законченный очерк.

Роман-трилогия «Свияга впадает в Волгу» вызвал много дискуссий в критике как с точки зрения его художественности, так и исторической достоверности. Так, первая книга, вышедшая в 1960 г., охватывает события 1518—1525 гг., вторая (1967) посвящена теме присоединения Чувашии к Русскому государству и события здесь доведены до взятия Казани русскими войсками в 1552 г., третья (1976) отражает дальнейший небольшой исторический отрезок.

Следует заметить, что первая книга в художественном отношении намного сильнее второй, где автор сумел создать цельные образы Тугая и Уразмеда, Эрнеби и Нухрата, Ахтубая и Ятламаса, хана Гирея и Булата Ширина. Недостатки книги прежде всего обнаруживаются в том, что в ней отсутствует, по мнению критиков,

К. Чулгась,
Ш. Мударрис,
К. Турхан,
Н. Евстафьев
(в первом ряду),
Я. Ухсай,
М. Романов,
Г. Пласкин,
Г. Ефимов,
В. Митта.
1955 г.

«всеобъемлющая цель, притягивающая к себе все без исключения задачи» (Г. Хлебников).

Удачи в создании индивидуализированных образов были достигнуты в основном умелым использованием художественных деталей и точностью диалога. Но во второй книге автор пошел по легкому пути в ущерб образности. Диалог дается здесь не как художественная деталь, раскрывающая характеры, а как комментарий к тем или иным событиям, происходящим в фабуле романа.

Общеизвестно, что автор исторического романа должен быть не только художником слова, но и исследователем-историком. Вполне естественно, что и писателю К. Турхану в работе над данным произведением пришлось перелопатить гору исторического материала. На тот

период истории (70-е гг. XX в.) он имел возможность пользоваться исследованиями М. Тихомирова, Т. Гусева, С. Шмидта, однако обстоятельной монографии по теме романа не было. Писателю пришлось проделать огромную работу по изучению разбросанных и труднодоступных источников, раскрывающих предпосылки и ход присоединения Чувашии к России.

Сюжет романа убеждает, что писатель изучил почти все достойные внимания письменные источники по теме. Он также использовал исторические предания и этнографическую литературу, привлёк чувашскую топонимику и антропонимику. По мнению историка В. Димитриева, исследуя источники, К. Турхан в некоторых вопросах опередил ученых. Так, писателем вполне приемлемо истолкован факт шертования (принесение присяги) нижнесурских чувашей и марийцев русским воеводам в 1523 г., поставлен и разрешен в научном плане вопрос об угрозе перехода Горной стороны к ногайцам в середине 40-х гг. XVI в. А концепция присоединения Чувашского края к России, положенная в основу романа, подтверждается целым рядом достоверных фактов.

Писатели
А. Калган
и К. Турхан.
1975 г.

Писатели К. Турхан
и В. Ильина
с читателями.
1980-е гг.

Роман К. Турхана «Свияга впадает в Волгу» — масштабное историческое произведение. Его тема — не показ судьбы отдельной исторической личности, а изображение общественных, национальных и классовых конфликтов, связанных с освобождением чувашского народа от татарского ига и объединением его с русским народом.

Несомненные успехи романиста в изображении «чувашского мира» конкретного исторического периода: хозяйственного уклада, материальной культуры, земельных отношений, социального строя, общественного и семейного быта, религиозных верований, обычаев, обрядов, общественной психологии народа. Однако, по мнению некоторых исследователей (В. Дмитриев, М. Сироткин), роман не лишен и некоторых неточностей в этих вопросах. Так, на-

пример, М. Сироткин в качестве недостатка отмечал, что в первой книге романа не раскрыта роль общины в общественном быте чувашей, в сопротивлении военно-феодальному насилию.

В 1985 г. роман «Свияга впадает в Волгу» был выпущен в переводе на русский язык.

К. Турхан также известен как талантливый переводчик произведений русской литературы на чувашский язык. Благодаря его переводам чувашские читатели смогли ознакомиться с пьесой «Русские люди» К. Симонова, повестями «Тарас Бульба» Н. Гоголя и «Двадцатый год» С. Григорьева.

За плодотворную работу и заслуги в развитии чувашской литературы К. Турхан награжден Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Чувашской АССР (1965), орденом «Знак Почета» (1976). В 1977 г. он стал лауреатом Государственной премии Чувашской АССР им. К.В. Иванова. Кроме этого, за боевые заслуги в годы Великой Отечественной войны он награжден орденом Отечественной войны II степени (1985).

А.Ф. Мышкина

Илья
Ефимович
Тхти
1889—1938

*В*ыдающийся поэт, прозаик,
публицист, фольклорист, педагог,
автор книг «Колчак»,
«Шерхулла», «Избранное» и др.

«В СТАРИНУ ПИСАЛИ НЕ СПЕША...»

Творчество И. Тхти, одного из талантливых чувашских писателей, в значительной степени определило направление и пути развития чувашской литературы 20—30-х гг. XX в. Его самобытный талант с особой силой проявился в юмористических и сатирических произведениях, созданных как в прозаических, так и поэтических жанровых формах.

И. Тхти (Ефимов) родился 4 сентября 1889 г. в д. Ньюшкасы Янтиковской волости Цивильского уезда Казанской губернии (ныне Янтиковский район Чувашской Республики) в крестьянской семье. Была пора жатвы, когда от мала до велика работали в поле. «Да повремени ты до конца работы, не спеши» («Тăхта ёнтё ана вырса пётериччен, тăхта»), — умоляла мать своего первенца, спешившего увидеть свет. Но он оказался нетерпеливым и скоро среди колосьев раздался крик ребенка. Это прозвище впоследствии стало его псевдонимом.

В 1897 г. восьмилетнего Илью отец отвел в Эльбарусовскую приходскую школу. Через год его перевели в начальную школу, которая открылась в родной деревне. В 1899—1903 гг. он учился в приходской школе при Успенском монастыре г. Свияжск. В 1903 г. поступил в Казанскую учительскую семинарию.

В годы учебы в семинарии (1903—1908) у Ильи появился интерес к изучению устной народной словесности, в пробуждении которого большую роль сыграли преподаватели Н. Ашмарин и Н. Никольский.

К сбору материала для 17-томного «Словаря чувашского языка», представляющего собой богатейшее собрание сведений фольклора, этнографии, языка, ученый-филолог Н. Ашмарин привлекал учащихся семинарии, в их числе был и И. Ефимов. Они записывали примеры живой разговорной речи, отдельные тексты устного народного творчества. Полезными для ученого оказались более 500 слов, оборотов и выражений, а также образцов текстов, представленных Тхти, которые он включил в словарь. Живое соприкосновение с образцами чувашской народной словесности стали мотивом для начала самостоятельной творческой деятельности. Первые его стихи увидели свет в рукописных журналах «Заря» и «Мыслитель», выпускаемых учащимися семинарии. К сожалению, эти издания не

сохранились. В этот период начинающий литератор пристально изучает мастерство А. Пушкина, М. Лермонтова, И. Тургенева, Л. Толстого, А. Чехова, Э. Золя, В. Гюго, Д. Дефо и др.

В годы учебы в семинарии появились его первые очерки и рассказы «Хорась», «Страна, где я родился», «Народы Финляндии», «Как Ухливан водяного обманул» и др. В них затронуты социальные вопросы, автор с иронией рассказывает о некоторых жителях родной деревни, которые любят выпивать и находятся в зависимости от духовенства. «В соседних же деревнях работают с утра до вечера, водку пьют лишь по праздникам, на одежду сильно не тратятся и поэтому живут в достатке», — считает автор. В качестве образца жизненного поведения он приводит евреев: «Еврей еврея в беде не бросит, советом поможет. Зная пагубное действие водки, пить не станет».

В 1906—1908 гг. вместе с другими учениками И. Тхти оказывал помощь венгерскому ученому Д. Месарошу в изучении чувашского языка, исследовании обрядов старой чувашской веры и фольклора.

Сбор фольклорного материала для словаря все больше увлекал молодого писателя, повышал его интерес к истории чувашского народа, событиям прошлого. В 1918 г. он создает свою первую историческую поэму «Элихун», в которой, ссылаясь на предания и сказания старины, описывает события, связанные с завоеванием Казанского ханства и присоединением Чувашского края к Российскому государству. Поэма стала одним из первых крупных лироэпических произведений в чувашской литературе, посвященных историческому прошлому народа.

Наставником И. Тхти был ученый, этнограф, историк Н. Никольский, который всячески поощрял его стремление к литературной деятельности. Вовлек он будущего писателя и в переводческое дело. Под его руководством И. Тхти переводит на чувашский язык задачник И. Михеева, который был напечатан в 1908 г. в Казани и разослан по чувашским школам. В характеристике, составленной на И. Ефимова по окончании семинарии, Н. Никольский так отзывался о своем ученике: «Ефимов — юноша трудолюбивый, скромный и аккуратный. Поведение прекрасного. Заветная мечта Ефимова — учительство в той среде, где он родился и провел большую часть жизни».

И. Тхти хорошо знал просветителя И. Яковлева, с почтением относился к его деятельности. После окончания семинарии летом 1908 г. вместе с товарищем по учебе Н. Никитиным он поехал в Симбирск, где великий просветитель благословил его на учительский труд.

В 1908—1914 гг. И. Тхти работал учителем земской начальной школы в д. Таутово Ядринского уезда (ныне Аликовский район Чувашской Республики). В 1911 г. в Казани на свои средства он выпустил книгу «Песни деревень Таутово, Ходяково и Шерашево».

Кроме фольклора, писателя интересовали предметы этнографического характера. Им были собраны и переданы в музеи Санкт-Петербурга, Москвы, Казани коллекция женской национальной одежды верховых чувашей со всеми украшениями и предметы чувашской материальной культуры. Для Ульяновского историко-этнографического музея он составил «Краткий указатель старинных вещей, собранных в 1914 г. для Симбирской чувашской учительской школы».

С 1914 г. И. Ефимов работает в училище в д. Превозное Сарапульского уезда Вятской губернии (ныне Сарапульский район Удмуртской Республики). В местной газете «Кама» печатает свои статьи и фельетоны о нелегкой учительской жизни и положении в стране. Осенью 1915 г. его призвали в армию, где он участвовал в военных действиях Западного фронта в качестве связиста.

Получив среднее педагогическое образование в учительских школах и семинариях, поработав несколько лет учителями, «инородцы» до революции могли продолжить образование в духовных семинариях. Часто в эти учебные заведения они поступали для того, чтобы получать высшее образование, а иногда для освобождения от воинской повинности. Надо полагать, в Уфимскую духовную семинарию И. Тхти поступил, чтобы со временем продолжить образование в Московском университете. Здесь он познакомился с Г. Комиссаровым, который вовлек его в дело объединения и просвещения чувашей. Для этого в 1917 г. они организовали «Уфимское чувашское национальное общество». Позже в своих воспоминаниях Г. Комиссаров отмечал: «У Ильи Ефимовича под спокойной внешней оболочкой скрывалась пылкая кровь, страстная любовь к простому народу и неудержимая готовность работать для него».

Писатель глубоко задумывался о будущем чувашской литературы. Так, в статье «Пара слов о чувашской литературе до 1917 г.» (1917) он отмечал, что как неодинаковы климат и природа России, так же разнообразны и населяющие ее народы. У каждого своя история, свой язык, своя вера, свое богатое устное народное творчество, которые так или иначе необходимо сохранить. В настоящий же момент чувашская литература претерпевает большие трудности из-за того, что православие, которое является частью российского самодержавия, притесняет народную культуру. «Разнообразное уст-

ное народное творчество самой чувашской массы — песни, сказки и прочее — объявлено было как от лукавого, и поповское проклятие тяготело над ними тяжелым ярмом. Хороводы, народные гулянья с исполнением песен, плясок и танцев, своеобразный костюм чувашской женщины и украшения ее — все это служило предметом яростных нападок воителей славы христовой смиренно-мудрых попов среди чуваш».

И.Е. Тхти
с женой
К.Н. Шишкиной.
1929 г.

В 1918 г. в Казани И. Максимовым-Кошкинским был поставлен первый чувашский спектакль, после которого И. Тхти на сцене перед публикой читал свои стихотворения. Современники не раз отмечали его артистический дар и ораторские способности, умение владеть залом.

В 1919 г. И. Тхти переехал в Москву, в первое время работал инспектором Народного комиссариата просвещения. В эти годы выходит в свет его поэма (сатирический памфлет) «Колчак», принесшая автору небывалую известность. Книга, выпущенная многотысячным тиражом, имела успех среди солдат Красной Армии. В ней публицистическое начало и острота языка умело сочетается с народной метафорой. Сатира автора в целом основывается на комических портретах и действиях героев. Сбежавший в Сибирь адмирал А. Колчак собирает ополчение и разрабатывает план захвата власти. Поэма заложила начало развития сатирического жанра в чувашской литературе.

В 1922—1924 гг. И. Тхти работает директором одного из московских детских домов, где размещались дети, вывезенные из Чувашии в период голода. Его поэма «Год голода» (1921) вошла в литературу как яркое произведение, в котором описаны муки и страдания народа. Полный вариант произведения, где автор воспроизводил живые картины действительности, противопоставляя роскошную жизнь столичных и заморских богачей захудалой жизни чувашских крестьян, в свое время не был напечатан по идеологическим причинам.

Стремление получить элитное образование и уверенность в своих творческих возможностях приводят И. Тхти в Литературно-художественный институт им. В. Брюсова (1924). После его закрытия он переходит на литературное отделение этнологического факультета Московского государственного университета. Годы учебы стали для писателя испытанием в материальном плане — ему приходилось терпеть лишения, но этот период оказался самым плодотворным в творческом отношении.

В 1925 г. он написал ироническое стихотворение «Хвалебный гимн великого племени чувашских поэтов и писателей всех времен и веков».

Чăваш поэт пуличчен
Тăлăх-турат пулас-мĕн,
Çĕтĕк-сұрăк тăхăнса,
Урам тăрăх тăсăлса
Хура-мара хутаспа
Ыйткаласа сұрес-мĕн.

Чем чувашским поэтом быть,
Стать бы бедной сиротой,
В лохмотья обрядиться
Да по улицам бродить,
Котомку нацепив на себя,
Клянчить всякую нечисть.

(Подстрочный перевод)

Поэты
И. Тхму и Г. Савгай.
1934 г.

В такой форме он высказывает боль за развитие и состояние родной литературы.

Постепенно И. Тхму начинает отдавать предпочтение прозе. В этот период он создает большинство своих рассказов и повестей. Накопленный годами опыт и новые знания, полученные в вузе, открывали перед ним большие творческие перспективы. На будничном материале деревенского быта он творил, в сущности, свой необычный мир. Его герои — простые деревенские жители, их незатейливые мысли и чувства часто входят в противоречие с высоким смыслом человеческой жизни и целями нового общества. Это противоречие и составляло тему его творчества.

В 20-х гг. XX в. в Москве издавалась газета «Чувашский крестьянин» на чувашском языке, где И. Тхму работал корректором (1926—1928). Здесь он напечатал рассказы «Погода», «Письмо», «Чет-нечет», «Иптеш», «Тетушка Мадюк», «Витамины» и др., которые отличаются высокой художественностью и психологической наполненностью.

В последний год учебы в университете, задумываясь о своем будущем, писатель отмечал: «Занятие чувашской литературой, теоретическое и практическое изучение русского языка, литературно-переводческое дело для меня не случайность, а вопрос всей моей прошлой жизни и будущей моей работы. Вся моя деятельность с 1905 г. по настоящее время была посвящена родному народу. По окончании университета я должен ехать в Чувашию». В 1928 г. И. Тхти возвращается в Чебоксары и начинает преподавать чувашский язык и литературу в Чувашском педтехникуме.

1931—1937 гг. оказались переломными в жизни и творчестве И. Тхти. Ожесточение цензуры, невозможность печататься в периодических изданиях, ложные обвинения осложняли жизнь писателя. Он уже был сломлен туберкулезом легких, тем не менее продолжал писать. Напряженная обстановка во многом повлияла на творчество. Переоценивая свои социально-политические взгляды, он ищет иные средства художественного выражения. Так появляются его рассказы «Красавица Альдюк», «Долг 777 рублей», поэма «Эпоха» и др. В них — горькая обида и насмешка над безумным миром, которым правят люди, изначально презрительно относящиеся к народу. А рассказ «Помидор» по праву можно считать лучшим в творчестве писателя. С учетом таких произведений и следует оценивать достижения чувашской словесности.

Ввиду вульгаризации критики, недопонимания сути художественного текста писателя часто упрекали в безыдейности. По мнению некоторых критиков, автор рассказов «Шерхулла», «Галушки из молнии», «Великие, умные, знаменитые, уважаемые богатыри» не видит новых веяний и пишет лишь о деревенских недостатках, которым уже не место в советской литературе. Поводом для подобных утверждений послужило своеобразное отражение противоречий жизни. Показывая старое и новое в причудливой, порою комической форме, писатель не проводит между ними резкой грани. Его герой — не воображаемо-идеальный, а реальный человек, в плоть и кровь которого вошел накопленный веками опыт. Да и излюбленный конфликт «старое — новое» в творчестве И. Тхти является лишь фоном.

Определяя творческий стержень литератора, А. Хузангай пишет: «Внутренне Тхти был погружен в стихию чувашского языка, из доньев народного языка он извлекает нужные ему интонации, фразеологию, общий строй и ритм речи. Ему не так важны сюжетные коллизии, как выстраивание речевых характеристик образов своих героев, «плетение словес» (сăмахсен сыпăнăвĕ).

В этом доме
(г. Чебоксары,
ул. Союзная, 14)
в 1928—1938 гг.
жил поэт И. Тхти.

Свою позицию и взгляд он умело маскирует среди ролей либо рассказчика, либо героя, нарочито снижая, прикидываясь простачком. И в то же время смыслы, которые угадываются и прочитываются проницательным читателем в глубине тхтиевского текста, в подтексте, говорят об авторе как о человеке, исполненном житейской мудрости, исходящем из реальности, понимающем нужды и чаяния простого люда».

И. Тхти был человеком скромным, честным, не стыдился своего крестьянского происхождения. Диапазон его интересов был широк, он мог выполнять любую работу. В 1933 г., оказавшись в трудном материальном положении, он уехал в колхоз, где трудился бригадиром овощной бригады. Писатель хорошо разбирался в агрономии, пчеловодстве. Владел семью языками, любил рисовать, слушать музыку, особенно игру брата Дионисия на мандолине.

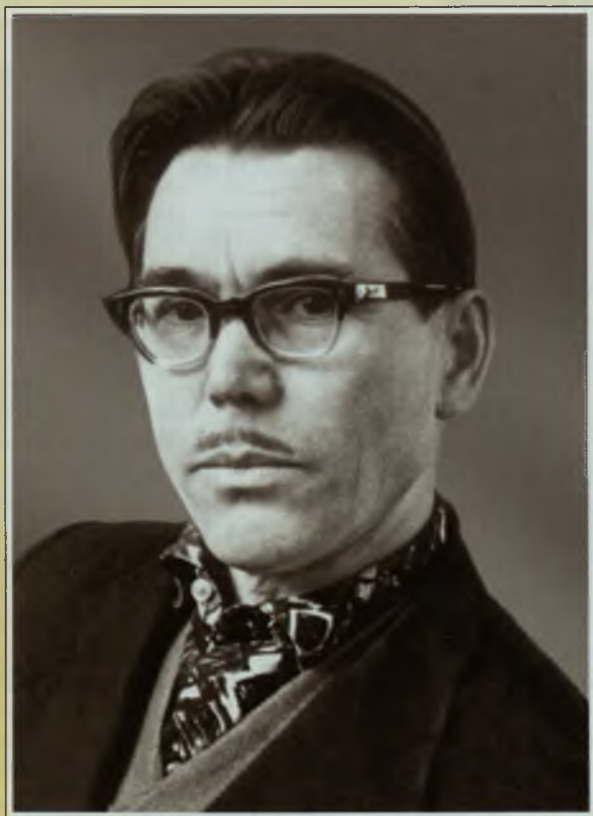
В 1934 г. его приняли в члены Союза писателей СССР. Несмотря на тяжелое самочувствие, осенью 1936 г. он смог выехать в Татарскую АССР для сбора фольклора. Его личный архив полон записями чувашских народных песен, обрядов, текстов преданий и сказаний.

30-е гг. XX в. ознаменованы трагическими событиями, многие писатели были объявлены врагами народа. Вот что писали газеты об И. Тхти в 1938 г. буквально за месяц до его смерти: «Хитрый, словно лис, своими подлизывающими манерами старый деревенский образ жизни выдает за современный. В своей «поэме» «Няни-не-паппине» он мечтает о победе фашистов и на их языке омерзительно пишет о чувашах. Главы «поэмы» вышли в прошлогодних номерах, а последние он успел незаметно вынести из редакции. Вот так выглядит еще один враг народа... Написать о народе и чувашской деревне так, как он, способны лишь враги». Писателю, отдавшему всю свою жизнь служению родному народу, конечно, было больно слышать подобные обвинения, что приблизило его смерть. И. Тхти умер 22 февраля 1938 г. в больнице и похоронен в г. Чебоксары. Дом, который стоял на набережной Волги, где он жил с семьей, был перевезен в родную деревню писателя.

Недооцененный современниками при жизни, не удостоенный почестей и похвал, И. Тхти благодаря стараниям литературоведов смог занять достойное место среди классиков чувашской литературы. Сегодня о его творчестве пишут диссертации, к 120-летию со дня рождения писателя готовится к изданию собрание его сочинений, куда наряду с известными войдут отвергнутые прежде произведения.

И.Ю. Кириллова

Федор
Ермилович
Уяр
1914—2000

*В*ыдающийся прозаик, публицист,
переводчик, народный писатель
Чувашии (1990), автор книг
«Тенёта», «Счастливый Палюк»,
«Встреча с писателем»,
«Сила слова», «Где ты, море?» и др.

КРАСОТА И СИЛА МАТЕРИНСКОГО СЛОВА

Творческое наследие Хведера Уяра как уникальное явление давно признано органически чистым продуктом чувашского национального литературно-художественного сознания. Мастер слова обладал разносторонним талантом. Он пришел в чувашскую литературу с прозаическими произведениями малого жанра (рассказы, сатирико-юмористические миниатюры, очерки, фельетоны и др.), а первое произведение опубликовал в 1930 г.

Хведер Уяр (Федор Ермилович Афанасьев) родился 19 апреля 1914 г. в д. Сухари-Матак Иса克林ского района Самарской области в крестьянской семье. В 30-х гг. XX в. Самарский край был одним из крупных центров чувашской культуры, где действовали литературные объединения, издавались газеты и журналы, на страницах которых публиковали свои произведения известные литераторы. Будущий писатель после окончания начальной школы поступил в Самарскую чувашскую школу второй ступени, которая готовила учителей. Впоследствии писатель вспоминал, что в период учебы в этом учебном заведении он находился в небывалой творчески насыщенной среде, что определило его будущее. Здесь он впервые увидел известных чувашских писателей — В. Паймена, В. Бараева, Н. Янгаса, Д. Исаева и др. Не без их влияния он пристрастился к чтению, особенно увлекала его приключенческая литература.

Как большинство его ровесников, пришедших в литературу на рубеже 20—30-х гг. XX в., Хв. Уяр прошел очень большую и нелегкую жизненную школу. С юных лет он вынужден был зарабатывать на хлеб насущный, устроившись в совхоз-сад, где приходилось ему трудиться на животноводческой ферме, табельщиком, печником, землекопом и т.д. Начиная автор в этот период в сатирическом журнале «Капкӑн» публикует свой первый рассказ «Без сноровки» (1930). С этого времени рассказы, фельетоны и юморески юного автора регулярно стали появляться на страницах названного журнала. Они были еще далеки от совершенства, но основатель «Капкана» и большой мастер юмора и сатиры Иван Мучи сумел в них разглядеть искорки таланта, поэтому пригласил Уяра в столицу республики. В своих воспоминаниях Хв. Уяр об этом говорит не без доли юмора: «Летом 1931 г., чтобы «стать писателем», я приехал в Чебоксары. Но писателем я не стал, да и шагу не сделал с этой

Г. Минин, И. Ивник
(в первом ряду),
Е. Шорникова,
И. Мучи, Хв. Уяр.
1932 г.

целью — устроился конюхом в совхозе чебоксарского Садвинтреста».

Не только в биографии и личной жизни, но и во всем творчестве писателя особое место занимает тема Дальнего Востока и Сибири. Это, несомненно, начало очень важного периода. Целеустремленный поиск собственного места в жизни, жажда романтических приключений привели юношу в этот край, где он учится в Хабаровском педтехникуме, затем продолжает учебу в Благовещенском педагогическом институте. Литературная среда Хабаровска имела давние и глубокие корни, поэтому Хв. Уяр с головой окунулся в творческую атмосферу — посещая литературные вечера, расширяя круг знакомств, продолжил писать рассказы и повести. В круг чтения, по признаниям самого писателя, входили в основном известные произведения о войне — «Железный поток», «Разгром»,

«Колчаковщина», «Бронепоезд 14-65», «Партизаны» и др. На одном из собраний интеллигенции города Хв. Уяр имел короткую беседу с А. Фадеевым. Советы и пожелания большого писателя помогли юноше обрести уверенность в своих силах, с большей ответственностью относиться к литературно-творческим занятиям. Ранние рассказы Уяра («Партизаны») несли печать оптимизма и чувства настоящей любви к родному краю, труженикам земли, окружающей природе. В этом отношении очень примечательны первые сборники рассказов «Тропа» (1941), «Пути и дороги» (1943), «На реке Сок» (1947). Проблески таланта автора были налицо: умение строить интригующую фабулу, несколько резко очерченные характеры, крылатость фантазии и воображения, с помощью которых повествователь обнажает необычное в обычном. Особая грань писательского дара была связана с глубоким знанием психологии маленьких читателей. В рассказах и очерках Уяра довоенного периода берет начало и неумная страсть к путешествию, так называемая тема дороги, и названия книг говорят сами за себя — «Пути-дороги», «По родной стране», «Тропа» и др.

В годы Великой Отечественной войны Хв. Уяр с оружием в руках сражается против гитлеровских захватчиков. В 1943 г. после тяжелого ранения он вынужден был вернуться к мирной жизни. Отважный воин был награжден орденом Славы 3-й степени и медалями. Что касается военно-патриотической тематики, к ней писатель не испытывал особой симпатии, из написанного им на эту тему можно отметить всего несколько произведений: «Письмо» (1941, 1944), «Кузюк» (1942), «На мосту» (1941) и еще несколько рассказов. Создается впечатление, что эти произведения «не органичны» для творчества Хв. Уяра и написаны они всего лишь как отклик на «социальный заказ». Писатель, необычайно требовательный к себе и другим, в последующие годы их не включает в сборники рассказов и повестей. Тем не менее, тяжелые испытания фронтовых лет, личный опыт впоследствии вошли в тот особый «сплав» человеческого материала, из которого в послевоенные годы Хв. Уяр лепит характеры персонажей, портреты, индивидуальные черты героев.

Самым значительным не только в творчестве самого писателя, но и во всей чувашской литературе стал роман «Тенета». Начальный вариант романа автор издал под названием «Близ Акрамово» (1952). Впоследствии это издание не раз перерабатывалось, при этом углублялся его историзм, рельефными становились образы, более достоверными и реалистичными воссозданные обстоятельства и жизненные ситуации. Уже в первом варианте романа автор убедительно

показал, что до него никто из чувашских писателей еще не ставил перед собой задачи так глубоко и масштабно в рамках художественного произведения осмыслить историческую судьбу чувашского народа, отобразить его общественно-политическую и этносоциальную («домашнюю») жизнь. Беспристрастный читатель не мог не почувствовать, что так писать о народе мог только человек, всем сердцем преданный родной земле и отчему краю. Писателя обвинили в сгушении красок, будто бы он недооценивает вызревшие в гуще народной жизни революционные идеи, якобы живописно рисует беспросветную тьму, бесконечные страдания обездоленных. Официальные критики не до конца поняли сверхзадачу талантливого писателя, при этом ими даже не был поставлен вопрос: каков вклад

Хв. Уяр
с нганасанским
оленоводом.
Таймыр. 1973 г.

Хв. Уяра в формирование эпического жанра в чувашской литературе, каковы принципы образности, художественности и особенности поэтики новоявленного эпоса? Впрочем, беспощадный и грозный жупел под названием «историзм» принадлежал в 50-х гг. XX в. историкам, для которых художественная специфика, языковая картина в мире словесности были явлением второстепенным. Автор же романа «Тенета» был художником редкого дарования и шел от жизни, которая не укладывается в рамки предвзятых схем.

В основу романа, переработанного и изданного под названием «Тенета», легли подлинные события, связанные с Акрамовским восстанием чувашских крестьян 1842 г. Доведенные до отчаяния непосильными и безнаказанными издевательствами царских чиновников и служителей церкви, а также угнетением сельских мироедов крестьяне с оружием в руках поднялись против насилия и унижения. Гнев людской накапливался годами, и мысль о необходимости социального протеста, как показано в романе, была выстрадана постепенно, ценою немалых жертв и потерь. Но протест этот в меньшей степени носит политический характер. Чуваша, русские, мари́йцы, татары, простые люди, везде тянут непосильное ярмо, их заставляет объединяться участь голодной смерти, насилие. В этих условиях слухи о загадочной и неуловимой фигуре Григорьева распространяются до самых затаенных уголков поволжского края, пробуждая искорки надежды в сердцах людей. Образ этого героя воссоздан без крупного плана, его облик несколько мифологизирован, он чаще всего «за кадром», но народная молва создала из него «спасителя и друга» униженных людей. Григорьев, двадцать шесть лет тянувший солдатскую лямку, возглавил движение обездоленных крестьян. В его образе много исторически достоверного, документального. Вместе с тем он, как лидер Акрамовского восстания, выдвинулся, как ответ на вызов времени, в атмосфере ожидания «нового Пугачева». Этот доблестный воин, защитник Отечества, а впоследствии с оружием в руках отстаивавший интересы своего народа, после поражения восстания завершил свою жизнь в Сибири. Чувство классовой ненависти просыпается в сознании наиболее активных, выдержавших тяжелые испытания героев — кузнеца Кошеля, люмпена Яндула и ряда других крестьян.

Глубинный процесс социального расселения чувашской деревни прослеживается и в судьбе другого героя — Ухтивана. С какой любовью и проникновенностью создан этот образ автором! От природы наделенный недюжинной физической силой, добрый и справедливый, Ухтиван обладает гордым и независимым характером. Гнул

он спину на чужбине, тянул баржи с бурлаками, переносил издевательства и насилие, эти «университеты» жизни закалили его характер, пробудили ищущий ум. Возвратившись в родные края, Ухтиван видит: оказывается, вся деревня беспомощно бьется, словно птица, угодившая в ловко расставленные тенета, в нужде и голоде. Сквозной символический образ «тенет» усиливает идейно-эмоциональное звучание романа. Опутали крестьян незримыми путами «именитые» люди — Яга Илле, его сын Ивук, Эрнюк, священник Архангельский, уездное и волостное начальство. Погибает от рук наемного палача Шахруна отец Ухтивана Яриле, оклеветанный и обесчещенный, всю жизнь наивно мечтавший обмануть судьбу и каким-то чудом разбогатеть; прощаются с жизнью юные Марись и Савдеби, также безвинные жертвы все тех же ивуков и их прихвостней. Ловко манипулируя национальными предрассудками и авторитетом старых обычаев, Яга Илле провоцирует «кражу земли» из соседней деревни, чем ставит Ухтивана перед угрозой физической смерти. «Бедняку везде худо живется, забит он всюду, задавлен, будь он русский, мариец или чуваш», — эта правда кузнеца Кошеля постепенно овладевает сознанием крестьян. Психологический накал романа обусловлен постепенно назревающим драматическим конфликтом, который разворачивается на широком социальном, национальном, религиозном и географическом фоне.

О романе «Тенета», как уникальном во всей многонациональной советской литературе явлении, писали известные русские романисты и критики В. Федоров, Н. Евдокимов, В. Оскоцкий и др. Особо выделялось мастерство Хв. Уяра в раскрытии национального характера, передаче обычаев и традиций, которые позволили автору воссоздать «полумифологическую» картину чувашского мира. Объемность и многомерность художественного мира Уяра достигались и за счет того, что писатель при этом счастливо избежал увлечения голым этнографизмом и поверхностной экзотикой. Чувство меры не покидает автора и там, где он смело обогащает языковую картину воссозданного им художественного мира за счет колоритного и богатого, до него недооцененного, диалектного пласта в говоре верховых чувашей.

В послевоенные годы параллельно с напряженной работой над переработанной редакцией романа «Тенета» Хв. Уяр-прозаик стремится глубже проникнуть в суть проблем и конфликтных явлений, которые обнаженно выступили в самых разных сферах жизни советского общества — социально-экономической, культурной, нравственно-психологической, бытовой и др. Причем казенное представ-

Хв. Уяр
в рабочем кабинете.
1970 г.

ление о теме, как сельской, военной, производственной и т.д., для творческих исканий Уяра не применимо. В каждом своем рассказе, повести и даже очерке автор ставит перед собой сверхзадачу — каждое новое произведение должно стать вновь открытым, никому ранее неизвестным миром. Писатель пристально вглядывается во внутренний мир современника и, пожалуй, одним из важнейших особенностей мастерства Уяра явилось объемное, психологически мотивированное изображение движения души, мыслей, поступков так называемого отрицательно-го героя. Это было важным достижением для всей чувашской прозы, хотя одновременно с уяровскими типами все еще продолжали появляться на свет ходульные и безликие персонажи — штампы, призванные контрастно оттенять «положительные» стороны героев, победно шествующих по жизни. Это важное наблюдение выражено словами «центрального» героя повес-

ти «Три дня, три ночи» Романа Петрова: «На свете не может быть человека, во всех отношениях совершенного, и внимательный взгляд в любом злодее может обнаружить глубоко запрятанные человеческие начала».

Оторванность литературного развития от реальной жизни обусловила появление массы бесконфликтных произведений, на что критика начала обращать внимание в период хрущевской «оттепели». Публикация таких повестей Хв. Уяра, как «Братья», «Три дня, три ночи», «Лунный свет», стала прямым откликом на настроения и психологические перемены в обществе. Эти повести, появившиеся одна за другой, несли в себе внутренний полемический заряд по отношению к прозе, «питавшейся» преимущественно военной тематикой и пафосом героики, или к произведениям на сельскую тему, большинство из которых воспевало трудовые подвиги земледельца. Хв. Уяра, через переводы прошедшего школу А. Чехова, основательно штудировавшего Л. Толстого, меньше всего привлекает конфликт внешний, событийное столкновение интересов, ценностей, идеалов. Конфликт в произведениях Хв. Уяра переносится во внутрь и разворачивается в душе героя, а основная идейно-эстетическая установка автора (повествователя) заключалась не в создании положительного героя, а в максимально правдивом отражении реальной действительности, человеческих характеров, поступков, достоинств и слабостей. Вот почему герой повести «Братья» Александр Васильевич абсолютно лишен черт плакатности, явно выраженных знаков «положительности». Это — человек интеллигентный, личность творческая, т.е. писатель, как и центральный герой повести «Три дня, три ночи» Роман Петров. Подобный тип героя в произведениях Уяра является аксиологическим центром или высшей идейно-эстетической инстанцией, зеркальным отражением всего происходящего, безжалостным судьей. Это — пучок света, который проникает и освещает даже темные уголки душ остальных персонажей. Человек аналитического ума, внутренне сосредоточенный, он прежде всего необычайно требователен к себе, в его внутренних монологах обнажается душа просветленная, ищущая, нередко мучающаяся от сомнений. Александр Васильевич не приемлет никаких компромиссов, резко осуждает неблагоприятные поступки родного брата Осипа, его хитрость, благодаря которой тот паразитирует коллективное хозяйство. Выбор такого героя, автобиографическая основа этих двух повестей, затронутые в них проблемы интеллигенции свидетельствуют о том, что для автора главными были вопросы о природе литературно-художественного творчества, о

назначении и месте писателя и художника в обществе, о тлетворном влиянии массовой культуры, о мещанстве. Драматическая судьба Ягура, в молодости подававшего большие надежды, мечтавшего стать известным художником, подтверждает, что Хв. Уяр глубоким аналитическим зрением обнажает истинные причины, приведшие человека к творческому краху. Эти наблюдения писателя являются «живым срезом» из жизни мастеров кисти, литераторов, через судьбу отдельного художника здесь дана масштабная типизация. Хв. Уяр — подлинный мастер художественного слова, он ведет повествование с чувством большого такта, без намерения учить читателя. Мы видим: Ягур, находясь уже у последней черты, все понимает, горько сожалеет о своих непродуманных шагах, но жизнь уже прожита... Пластичная кисть Уяра в пестрой толпе, повседневно окружавшей Ягура Алексеевича, скупыми штрихами набрасывает ряд запоминающихся портретов. Это несостоявшийся журналист Сидоров, Катерина Ивановна, словно пиявка присосавшаяся к телу своего безвольного мужа, добрая душа домработница Мархва, романтическая девушка Шура и др.

Тема интеллигенции затронута и в повести «Лунный свет». В центре внимания повествователя почти банальная история взаимоотношений мужчины и женщины. Никонов и Олимпиада Осиповна настолько люди разные, что их брачный союз, кажется, противоречит всем естественным нормам нравственности. Пожалуй, их объединяет только профессия врача. Скрупулезно и тонко исследована автором психология женщины, которую природа одарила прекрасными внешними данными, но без внутреннего нравственного стержня и моральных устоев. Никонов же, женившийся на этой красавице случайно, как бы «закрыв» глаза, испытывает нелегкие морально-психологические переживания, унижения, но до последнего не набирается мужества и решимости для того, чтобы скорее покончить с этой затянувшейся историей. В этой повести, кажется, явно заметны чеховские интонации, органичный для прозы Хв. Уяра подтекст, прием недоговоренности. Характерна финальная сцена: Олимпиада Осиповна, всегда уверенная в неотразимой силе своей красоты, избалованная вниманием любвеобильных мужчин, впервые с чувством тревоги обнаружила на лице почти незаметные следы приближающейся старости и одиночества. Эти импульсы в ее подсознании заронило письмо Никонова, решившегося, наконец, на мужественный шаг и разорвавшего эти тягостные путы, связывавшие его с распутной красавицей. Хв. Уяр по-чеховски немногословен, его мысли обращены к читателю думающему, способному на диалог.

Хв. Уяр
и художник
В. Мешков.
1975 г.

Творческие искания Хв. Уяра 1970-х — начала 1980-х гг. обозначили небывало высокий уровень развития чувашской прозы, а многие известные прозаики по праву причисляют себя к уникальной школе этого большого мастера прозы. Крупнейшим из них был Ю. Скворцов. В печати один за другим появляются рассказы и повести — «Счастливый Палюк», «Где ты, море?», «Поздний дождь», но по-прежнему взаимоотношения писателя с критикой остаются напряженными, а главной причиной тому явилось отставание литературно-критической мысли от вехений времени. Хв. Уяр был мастером высокой культуры, шел в ногу со временем и в своих творческих исканиях ориентировался на высочайшие образцы мировой литературы. Бесспорный факт, столь пристальное, пристрастное внимание со стороны зоилов к каждому новому произведению Уяру не давало расслаблять творче-

ские мышцы, обязывало творить с максимальной самоотдачей. Отсюда его мощные взлеты к вершинам искусства образотворчества, постоянный диалог с передовыми философскими и эстетическими идеями эпохи. Подтверждением этому явилась, к примеру, повесть «Где ты, море?». Она посвящена нивхскому писателю В. Санги. Примечательно то, что именно ему посвятил свою повесть «Пегий пес, бегущий краем моря» писатель с мировым именем Ч. Айтматов. Эти два произведения сближает не только факт посвящения и элемент совпадения в названии. Их ставят в один ряд выраженные в них глубокие идеи гуманизма, восславление силы и ума человека, попытка заглянуть в его запретельные возможности, наконец, глубина психологического анализа и рельефная полнота характеров. Философский смысл этих произведений в торжестве творческих сил Жизни над темными силами Смерти. Возьмем, к примеру, завязку или же кульминационный момент, когда герои отчаянно борются за жизнь в обстоятельствах почти безнадежных. Да и развязка одинакова, хотя события в повести Ч. Айтматова окрашены более глубоким трагизмом — спасается от гибели лишь маленький Киrisk, вряд ли здесь имеются основания для того, чтобы говорить о каких-то явных моментах влияния одного писателя на другого, не говоря уже о подражании. Скорее, перед нами характерное явление: два мастера слова, обогащенные зрелым опытом современной мировой литературы, ведут поиски в направлении одних и тех же нравственно-философских проблем, утверждая высшие духовные ценности. Герои повести «Где, ты море?» чувашский мальчик Педер и маленький эвенк Амикан волею обстоятельств столкнулись с законами враждебной им тайги. Если для них, оставшихся без пищи, безоружных и обессиленных, единственной, почти призрачной надеждой был выход к морю, к рыбакам, то герои Ч. Айтматова, как мы помним, наоборот, оказались в плену безбрежной, могучей и тоже безжалостной морской стихии. Их уже могла бы спасти только земная твердь. Таким образом, повесть Уяра, подтверждая уровень зрелости чувашской прозы, одновременно напоминает об упущенных возможностях литературной критики, за большим деревом не увидевшей леса.

В повести «Осенний дождь» писатель снова возвращается к своему излюбленному образу писателя и, пожалуй, это произведение явилось «лебединой песнью» мастера, подведением итогов, когда рукой подать до семидесятилетнего рубежа. Образ писателя Хелипа Эрне открыто автобиографичен, через его монологи, мысли вслух, сомнения Уяр выразил многие свои рефлексии, то, что отложи-

лось в результате долголетних творческих исканий и мук. На многие вопросы Хелип не имеет ответа, чаще они обращены к самому себе. Вопросы и сомнения мучают его в периоды, когда в душе угасает божья искорка; в такие моменты он страдает: «Может быть, я не художник?» или «Может быть, это подходит старость?» — думает Хелип. Но когда проходит период душевного разлада и самобичевания, герой обретает внутреннее равновесие, к нему снова возвращается творческое вдохновение и подъем духа. Эти самые счастливые минуты своей жизни он не променяет ни на какие другие ценности: пусть в одиночестве, пускай, как обычно, ругают критики, недостает денег — лишь бы писалось! В повести метаморфоза души, которую Хелип пережил за небольшой отрезок времени, пребывая в доме отдыха, автором прослежена с психологической проникновенностью. Отмечая некоторую жанровую особенность этой повести, Уяр к названию добавляет уточняющий штрих: «маленький роман». Конечно, здесь автор не претендовал на романное мышление, он говорит о «романе» из разряда курортных. Именно нечто подобное случилось с Хелипом, но оно его не расслабило, не низвело до уровня низменных чувств, а наоборот, пробудило в нем творческие импульсы, лишний раз подтверждая глубину слов Пушкина: «Врете, подлецы, он и подл, и низок не так, как вы».

Редкий дар Хв. Уяра, его творческая мощь особенно выпукло и рельефно выступают в этом небольшом шедевре под названием «Осенний дождь». Здесь у автора предельно обострен внутренний взор, более раскованны творческие мышцы, обобщения и наблюдения емкие, точные, при этом краски скупые.

Писатель часто ездил по стране, пешком исходил Сибирь и Дальний Восток, не раз бывал в разных странах мира. Результаты этих поездок — как правило, интересные книги очерков, живые портреты людей, заново открытый мир других культур. Так рукой художника созданы очерки, вошедшие в сборники «В Шуше, у подножия Саяна» (1970), «Книга дорог» (1978), «Сила слова» (1980), «Дороги дальние и близкие» (1987) и др. Особый интерес у читателя вызывает отраженный в очерковых зарисовках красочный, экзотический мир Шри Ланки и Индии. Автор с восхищением рассказывает о культурных и социально-экономических достижениях венгров и болгар. При этом ему удастся увиденное, познанное пропустить сквозь «сито» национального (чувашского) мировосприятия, неважно, культура и быт цейлонцев ли это или индусов. Его художественное видение действительности свободно от национального самолюбования и самоограниченности. Национальный колорит в

каждом творении Уяра присутствует органично, словно кислород, которым дышат герои.

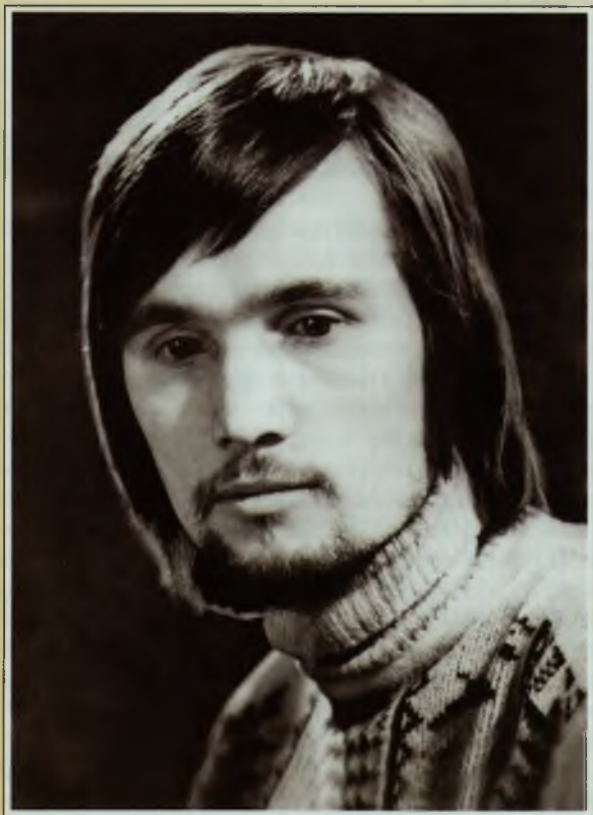
Русская классическая литература, лучшие произведения русских советских писателей для чувашского литератора были той огромной вселенной, которую он всю свою жизнь постигал с неослабевающим интересом. Со многими из своих современников он был знаком лично, поддерживал творческие контакты. Живым «чувством семьи единой» дышат его статьи и зарисовки к портретам русских писателей — М. Горького, А. Фадеева, Д. Бедного, Н. Гарина-Михайловского, Н. Телешова, С. Диковского и др.

Хв. Уяр, как настоящий мастер художественного слова, был строго требовательным к себе и другим. В своих рецензиях и откликах на работы товарищей по перу он давал пронзительно точные, порой нелицеприятные оценки. Слово старшего товарища особенно помогало молодым авторам, нередко робко входящим в литературно-творческую среду.

Невосполнимой потерей стал уход мастера из жизни в 2000 г. Незадолго до смерти он получил звание народного писателя Чувашской Республики; хотя его творения, не дожидаясь этого официального признания, давно и прочно вошли в золотой фонд сокровищ национальной культуры, куда путь заказан тем, кто еще при жизни толпился в очереди на увековечение собственного творчества, используя зубы и локти.

Ю.М. Артемьев

**Борис
Борисович
Чиндыков
1960**

***П**алантливый прозаик, драматург,
лауреат Государственной премии
Чувашской Республики
в области литературы и искусства
(1993), автор книг
«Месяц жертвоприношения»,
«Ужин после полуночи»,
«Ежевика вдоль плетня» и др.*

«ЕЖЕВИКА...» — ПЬЕСА-АЙСБЕРГ

Не будь я знакома с творчеством Б. Чиндыкова, которое было до «Ежевика вдоль плетня», наверняка восприняла бы ее как некое манерничанье, стремление выделиться из общего ряда, блеснуть философскими познаниями и рассуждениями о жизни. Потом, слава богу, мое мнение круто переменялось в лучшую сторону.

Подступом, а затем и фундаментом к написанию пьесы, на мой взгляд, как раз и явились рассказы Б. Чиндыкова «Валюкка и Кеде-рин», «Геннадий Андреевич — дурак-учитель», «Свадебным вечером», «Розы» и др., которые он предложил мне когда-то для перевода, хотя позже сам блестяще перевел свою «Ежевика...»

Как в рассказах, так и в «Ежевике...» герои Чиндыкова — люди все какие-то нескладные, неуспокоенные, им все время чего-то не хватает. Нет, не материального, хотя и с материальным у большинства из них тоже не ахти. Скорее им недостает душевного покоя, причины же «непокоя» в том, что люди эти, на первый взгляд, простые, бесхитростные деревенские жители, очень глубоко задумываются над своими бедами, ищут истоки разлада между душой и бытностью.

Какова же была моя радость, когда я нашла подтверждение своим мыслям в отзыве о пьесе «Ежевика вдоль плетня» видного театрального критика страны Г. Даниловой! «Пьеса молодого драматурга загадочна. По первому верхнему слою, прозрачному и чистому, кажется на редкость безыскусной, даже наивной, как народный лубок. Ее языковая плоть сродни домотканому полотну. Люди, их отношения, характеры — обыденны, узнаваемы. И существуют они в пьесе как-то вольно, словно пренебрегая правилами драматургии. В «Ежевике...» нет единого, последовательно развивающегося по логике конфликта целостного сюжета, есть множество отдельных сюжетных мотивов, какие-то осколки, обрывки человеческих судеб, всплески ситуаций, моменты буден двух издавна по соседству живущих деревенских семей, точнее родов. Все очень просто. Эффект сложности, глубины смысла возникает из сочетания, пересечения составляющих пьесу элементов. «Ежевика...» — пьеса-айсберг. Верхняя часть манит непринужденностью детского рисунка, главное — под ней. ...Собственно, вся эта пьеса, свободная от дидактики, пространных философских выкладок, есть философия, воплощение народного

понимания смысла человеческого существования на земле, черт духовного опыта нации. Вся она — полное драматизма размышление о роковой зависимости «царя природы» от ее могущественных сил, губительных последствиях разлада человека с нравственными законами народа. Человек живет неразумно, под влиянием минутных влечений, личной корысти, эгоистической прихоти и крушит все вокруг, ломает судьбы близких, разрушает самого себя, живет самоуверенно, не сознавая, что в этом мире он — лишь песчинка малая, достаточно одного мига, легкого шевеления земли — и нет его...»*

Как говорится, ни убавить, ни добавить к данной высочайшей оценке что-либо. И неспроста именно за эту пьесу Б. Чиндыков был удостоен Государственной премии Чувашской Республики в области литературы и искусства (1993).

Б.Б. Чиндыков родился 1 августа 1960 г. в с. Балдаево Ядринского района Чувашской АССР. Учился на историко-филологическом факультете Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова. В 1979 г. в числе одаренных литературными способностями студентов по итогам творческого конкурса Б. Чиндыков был направлен для поступления в Литературный институт им. А.М. Горького в Москву, где успешно сдал вступительные экзамены, а его сочинение на тему «Поэма народного поэта Чувашии С. Эльгера «Под гнетом» было оценено приемной комиссией на «отлично» (высшего балла, кстати, были удостоены всего две работы из потока поступающих). В 1984 г. он закончил отделение художественного перевода названного института и вернулся в Чувашию.

Помимо занятий литературой и переводом, любознательный юноша посещал уроки английского и турецкого языков, переводил стихи Назыма Хикмета на чувашский язык и других турецких поэтов. Занимался на кафедре профессора А.Н. Баскакова — сына всемирно известного русского лингвиста Н.А. Баскакова и мог остаться в аспирантуре. Знание турецкого языка позднее его здорово выручило: в Москве Б. Чиндыков довольно долго и успешно работал переводчиком на турецких фирмах, директором по рекламе, а в 2002—2004 гг. возглавлял «Центр делового и культурного сотрудничества с Турцией». С 1990 г. — член Союза писателей СССР. Пишет на чувашском и русском языках.

Мое знакомство с Б. Чиндыковым состоялось, когда он, будучи студентом Литинститута, прислал в альманахе «Дружба» перевод повести Ю. Скворцова «Береза Угахви». Я довольно-таки поверхност-

* Данилова Г. Росла ежевика вдоль плетня... // Театральная жизнь. — 1990. — № 16.

но пробежалась по тексту и с сопроводительным наставлением вернула рукопись на доработку. Летом студент Чиндыков предстал перед нами вживую: худенький, застенчивый юноша в потертых джинсах робко вошел в редакцию — принес доработанный вариант. Поскольку альманах тогда не испытывал недостатка в материалах — портфель его был достаточно богатым, то я снова отодвинула рукопись студента, о чем позже весьма пожалела: уже в этих ранних переводах угадывался серьезный литератор... Ошибку свою я исправила, когда Б. Чиндыков вернулся после окончания Литинститута и стал работать литконсультантом Союза писателей Чувашии: в 1996 г. рекомендовала к публикации в журнале «Лик Чувашии» отклоненную мной повесть «Береза Угахви», а также драму «Ежевика вдоль плетня» в переводе автора, перевела сама несколько его рассказов на русский язык...

В 1986 г. он издает книгу переводов с английского на чувашский «Сказок» О. Уайльда. Однако перевод — дело весьма трудоемкое, кропотливое, тем более если в голове у тебя множество собственных амбициозных замыслов и ты способен их воплотить, — и молодой литератор посвящает себя оригинальному творчеству.

В бурные 90-е гг. минувшего столетия Б. Чиндыков вместе с молодыми чувашскими интеллектуалами учреждает издательскую группу «Аван-и» (Здравствуйте), издает одноименный молодежный еженедельник на чувашском языке и рекламную газету «Экспресс-объявления». Однако газетные рамки не позволяли поднимать проблемы, волнующие передовую часть населения республики и ее зарубежную диаспору. И в 1994 г. с помощью бывшего депутата Госсовета Чувашской Республики А. Хузангая и прогрессивного министра культуры, доктора исторических наук В. Иванова Чиндыков создает и возглавляет международный журнал чувашской культуры «Лик Чувашии» (1994—1998).

Под руководством Б. Чиндыкова журнал имел свое оригинальное лицо и высокую востребованность — издавалось 6 номеров в год, тираж его составлял 1100 экземпляров, и он расходился. Поэтому что из номера в номер публиковались интересные материалы, как-то: Дневники Жиркевича, роман М. Ильбека «Черный хлеб» в переводе на русский язык, выпускались именные номера «Красный угол» — один из них был посвящен творчеству Д. Юмана, другой — Г. Айги. Целью редакции было сделать журнал достойным, профессиональным литературно-художественным и публицистическим органом, который одновременно являлся бы и академическим в смысле подбора материала, отсюда — стремление

Президент
Н. Федоров вручает
Б. Чиндыкову
и Н. Краснову
Государственные
премии
Чувашской Респуб-
лики. 1993 г.

быть максимально объективным и равноудаленным от всех творческих групп и группировок. В нем печатались (по крайней мере, стремились печататься) очень разные авторы, в том числе молодые. Редакция старалась представлять в номерах все лучшее, что есть в чувашской культуре, причем на достойном уровне.

Одной из основных задач журнала было целенаправленное развитие школы художественного перевода с чувашского на русский.

Главный редактор пытался вывести журнал на общероссийский и международный уровень, планировал создать «Библиотеку журнала» «ЛЧ».

Бесспорно, «Лик Чувашии» под руководством Б. Чиндыкова сыграл свою неоценимую роль в 90-е гг. XX в., когда во всех русских школах республики ввели изучение чувашской литературы, истории и культуры родного края, а материала практически никакого не было. Не зря многие

преподаватели, в том числе и вузовские, преподносили культуру Чувашии по журналу «Лик Чувашии». Да и сейчас почти все школьные хрестоматии чувашской литературы на русском языке состоят из материалов, которые были опубликованы в «Лице Чувашии» в 1994—1998 гг.

Другой задачей журнала была поддержка и планомерное развитие литературно-художественной критики: регулярно печатались острые критические статьи, многие из них делались по заказу редакции.

Вообще отличительной чертой работы редакции, возглавляемой Б. Чиндыковым, была плановость в хорошем смысле этого слова: планировались, затем заказывались статьи и переводы, которые, соответственно, более или менее достойно (в тех условиях) оплачивались.

На наш взгляд, «Лику Чувашии» в 1994—1998 гг. удалось выйти из рамок «провинциального» журнала и фактически стать общероссийским изданием.

Стоит отметить еще одно качество журнала — в нем уделялось большое внимание чувашской диаспоре, ибо одной из главных задач было стать культурным мостом за пределами Чувашии. Однако в связи с переездом Б. Чиндыкова в Москву журнал постепенно пришел в упадок, а затем и вовсе перестал издаваться в том виде, в каком он задумывался.

В современной чувашской литературе Б. Чиндыков работает широко и разносторонне: пишет прозу, переводит, занимается публицистикой и литературной критикой, и везде любимым его коньком остается исследование внутреннего мира своих героев. Но он обращается и к размышлениям о будущем чувашской речи, искусства, культуры, нации в целом. Все это в той или иной степени и отражается в его основных прозаических произведениях «Месяц жертвоприношения» (1987), «Hotel Chuvashia» (1989), «Ужин после полуночи» (1992) и др. В четвертом томе антологии «Современная литература России» (М.: изд-во «Пик», 2005) опубликован интереснейший рассказ Б. Чиндыкова «Возвращение хана» — хлесткий политический памфлет о событиях 1990-х гг.

Но, пожалуй, больше Б. Чиндыков все же известен как автор талантливый пьес, с успехом идущих на сценах чувашских театров (потому-то мы и начали рассказ о творчестве Б. Чиндыкова с его знаменитой пьесы).

В 1995 г. была издана книга его пьес «Ежевика вдоль плетня», куда, кроме названной, вошли пьесы «Уразметь», «Ужин после полуночи», «У порога». Особняком стоит довольно авангардист-

Б. Чиндыков —
выпускник
Литературного
института
им. А.М. Горького.
1987 г.

ская пьеса «Шведский стол» (2003), поставить которую почему-то не решился ни один из столичных театров. В том же году написана пьеса «Черная ласточка», поставленная Чувашским государственным академическим драматическим театром и тепло принятая зрителями.

О «Ежевике...» уже сказано довольно много и заслуженно, сейчас же нам хочется уделить внимание другой, на наш взгляд, не менее насыщенной, а порой даже взрывной пьесе — трагедии «Уразметь» (1993). Постановка ее была прекрасно осуществлена режиссером В. Ориновым на сцене Чувашского молодежного театра в 1998 г. Тема, предложенная Б. Чиндыковым в трагедии «Уразметь», не имеет границ для прочтения, т.е. драматург предоставляет режиссеру полную свободу для ее сценического воплощения, о чем поясняет в подзаголовке пьесы: «События в трагедии могли происходить в прошлом, сегодня или в будущем на территории Чувашии или совсем в ином месте». Здесь нет четко очерченных временных, географических рамок, что и дало режиссеру возможность в полной мере реализовать свой замысел.

Трагедия разыгрывается между двумя родами язычников-чувашей, один из которых во главе с Ирдисом остается верным своим богам и киреметям, другой во главе с Уразметом рвется в ислам и через него — к власти над соплеменниками. Но пока они еще единомышленники, и Уразметь отправляется на встречу с Ирдисом, чтобы договориться об объединении всех племен в единую силу. Ибо только так они могут выстоять перед все мощнее наступающим мусульманством. В трагедии оно предстает в образе Энеткея —

эмбю, князя, представляющего интересы Великого Хана на чувашской земле. О тайном уговоре Уразмета и Ирдиса выступить через две недели против ханского ставленника Энеткей узнает от Уляка и немедленно доносит об этом Великому Хану. Однако Хан принимает его довольно прохладно, и Энеткей понимает, что он ему больше не нужен. Едва он воротился домой, как следом за ним к чувашам, вернее — к Уразмету, прибыл ханский Шут, чтобы сообщить повеление Хана: мол, Энеткей стал ленив и мягок, к тому же немолод, а ноша эмбю нелегка, вот Хан и просит Уразмета занять его место, а Энеткея он благодарит за службу и провожает на отдых... Но эмбю мудр и решителен — уязвленное самолюбие толкает его на самоубийство. Далее жертвы множатся одна за другой: новоявленный эмбю Уразметь, забыв о клятвах, данных Ирдису, убирает со своего пути всех, кто препятствует его восхождению на трон. Он не щадит даже родную мать — делает это руками Уляка, существа подлого и в то же время несчастного, готового ради выгоды служить хоть Богу, хоть черту.

В трагедии «Уразметь» Б. Чиндыков остается верен себе: его пьесы в самом деле пьесы-айсберги, что не раз отмечали ведущие критики Москвы.

И еще об одной пьесе Б. Чиндыкова, стоящей как бы особняком, — о монопьесе для народной артистки СССР Веры Кузьминой «Черная ласточка». Здесь драматург использует тот же прием, что и в «Уразмете», — не привязывает действие (да его в общем-то и нет как такового) к какому-то определенному региону, не указывает время, когда и какая идет война. Главное для него — женская душа, способная возродить родное семя даже из мертвых, пойти на любой фантастический подвиг ради спасения ближнего...

Помимо создания серьезных драм и трагедий Чиндыков проявил себя великолепным знатоком народного юмора — его искрометный фарс «77-я жена донжуана с кладбищенского авеню» насыщен таким остроумным фольклором, такой незатейливой, на первый взгляд, игрой русских и чувашских созвучий, которые, к сожалению, не звучат в переводе на русский (вернее, их невозможно перевести), что в зале ни на минуту не стихает смех — спектакль был поставлен режиссером В. Ориновым в Чувашском молодежном театре в 1998 г.

Совсем недавно Б. Чиндыков выступил автором либретто мюзикла «Нарспи» по одноименной поэме классика чувашской литературы К.В. Иванова (музыка Н. Казакова). Казалось бы, что сложного: бери готовый стихотворный текст, перекладывай на музыку —

Сцена
из рок-оперы
«Нарспи»
по либретто
Б. Чиндыкова.
2008 г.

и мюзикл или рок-опера готовы. Ан нет. Кропотливая работа автора и композитора велась чуть ли не на протяжении двух десятилетий. В результате текст поэмы К.В. Иванова почти полностью изложен Б. Чиндыковым заново, но сохранены и тональность, и художественные особенности классического произведения. Кроме ивановского стиха, в либретто мюзикла удачно вписались лучшие образцы чувашской любовной лирики (П. Хузангая, П. Эйзина и др.).

Создание чувашского мюзикла — явление совершенно новое в музыкальной культуре Чувашии. Тем не менее, судя по состоявшейся 20—21 апреля 2008 г. премьере, мюзикл «Нарспи» был оценен зрителями весьма высоко, и ему наверняка уготована долгая и успешная сценическая жизнь. Однако есть оценки и полярно противоположные. Что ж, классика всегда не бесспорна. Поживем — увидим.

В творческом союзе с композитором Н. Казаковым Б. Чиндыковым написано также немало прекрасных песен. Наиболее любимы слушателями «Маленькая сиротка», «Я думал...», «Вечерней рожью», «Пойдемте, девушки, в лес», «Ан выля, шаккатам!» (перевод с турецкого на чувашский) и др.

Пересказывать сюжеты повестей, рассказов и пьес писателя дело неблагодарное и ненужное: для более полного и всестороннего разбора его произведений есть литературные критики. Рядовому же читателю их просто надо читать и понимать так, кто как понимает. Думаю, любой читатель произведений Б. Чиндыкова согласится с нами в одном: они исполнены добротным литературным языком, будь то чувашский или русский.

И еще одно неотъемлемое качество произведений Б. Чиндыкова — это глубочайшее знание предмета, о котором он ведет речь, и доброе, незлобивое отношение к своим героям, даже отрицательным. И идет это от характера самого автора — порядочнейшего человека излишней скромности, которая порой мешает ему выживать в наше безжалостное и вороватое время. Тем не менее писатель продолжает активно работать, и хочется верить, что мы будем иметь счастливую возможность прочесть еще не одну его пьесу, роман, повесть, рассказ, услышать не одну песню на слова поэта Б. Чиндыкова.

З.В. Романова

Стихван Шавлы
(Степан
Антонович
Шумков)
1910—1976

*Талантливый поэт, публицист,
прозаик, народный поэт
Чувашии (1974), автор книг
«Первый гром», «Пионер из Киева»,
«Указывая пальцем»,
«Взял я гусли звончатые»,
«Танец света» и др.*

ЗВОНКИЙ ГОЛОС, ИСКРОМЕТНЫЙ ЮМОР

Народный поэт Чувашии Ю. Семендер, не раз бывавший в закамских краях у своих соплеменников, очарованный здешними лесами и полями, писал: «Красивы и ароматны черемшанские луга в пору цветения: зазывают пчел к себе в гости сочная медуница и желтоголовый первоцвет; словно выводок цыплят, окружают куст шиповника одуванчики, дальше по соседству — нежные ромашки, мята, душица, иван-чай... Изобильное разнотравье свидетельствует о богатстве среды, издавна воспетой русскими, чувашскими и татарскими поэтами...»

Многоцветье причеремшанских земель воспели когда-то в своем творчестве народные поэты Чувашии Н. Шелеби и П. Хузангай. Истоки глубокой философии, всепроникающей душевности, искрометного юмора, колкой сатиры другого народного поэта Чувашии С. Шавлы также находятся здесь.

Прежде чем стать поэтом, Стихвану пришлось пройти через многие испытания.

Родился он 15 сентября 1910 г. в с. Каменка Шенталинского района Самарской губернии (ныне Самарская область). Детство будущего поэта было мучительно горьким.

«До лета 1921 г. моя жизнь протекала в родном селе. В девять лет поступил в сельскую школу, затем стал заниматься крестьянским трудом», — писал С. Шавлы в своей автобиографии.

В 1914 г. отца мобилизовали на империалистическую войну. Воевал он три года. Вернувшись, добровольно вступил в ряды Красной Армии. В первые годы после революции обучал новобранцев, участвовал в подавлении чехословацкого мятежа, в 1921 г. был зачислен на курсы красных командиров в Тифлисе, однако окончить их ему не удалось. В 1921 г. в Поволжье разразился страшный голод. Мать срочно вызвала отца, и семья с тремя малолетними сыновьями выехала на Украину. Вскоре здесь от тифа умерла мать. Без вести исчез брат Вениамин. До середины 1923 г. Стихван с братом Порфирием жили в детском доме, обучались грамоте, получали навыки труда.

Испив, казалось бы, горькую чашу жизни до дна, братья возвращаются в родную Каменку. Отец вновь вступает в брак. Стихвана и Порфирия ждет новая беда в образе злой, нелюдимои мачехи. Не

Поэты Н. Васянка,
С. Шавлы.

выдержав ее грубостей, братья уходят жить к деду. К счастью, братья отца Иван и Василий не остались безучастными в определении судьбы несовершеннолетних детей, помогли им получить необходимое образование. После окончания начальной школы и обучения в школе крестьянской молодежи Стихван продолжил свое образование на рабфаке в Самаре, затем в Куйбышевском педагогическом институте, а диплом филолога получил уже в Казанском государственном педагогическом институте.

Первое поэтическое произведение С. Шавлы — небольшое стихотворение «Товарищу» — было опубликовано в 1931 г. в Самар-

Семья С. Шавлы.
1960-е гг.

ском альманахе «Лед тронулся». Затем его стихи часто стали появляться в краевой газете «Колхозник», в редакции которой в одно время работал будущий поэт. Здесь он познакомился и близко подружился с именитыми впоследствии чувашскими литераторами Д. Исаевым, В. Ивановым-Пайменом, И. Тукташом, В. Бараевым. Часто они выезжали в деревни, проводили лекции и творческие вечера по вопросам литературы, собирали фольклор. Тогда активно развивались малые художественные формы, время было удивительно интересное. Вспоминая те дни, поэт писал:

И жаркие читательские споры
Качали институтский особняк.
Есенин! Маяковский! Нет, Есенин! —
Сшибали мы кумиров имена...
Снег вновь смывал
Веселый дождь весенний,
О встречном плане пела вся страна...

(Перевод В. Широкова)

В эти годы С. Шавлы создает поэмы «Юность Хаехвана» и «Бес-
смертие», которые затем вошли в поэтический сборник «Первый

С. Шавлы,
И. Максимов-
Кошкинский.

гром». Еще в предвоенные годы его особо интересовали темы прошлого нашей родины, патриотические события из истории русского и чувашского народов. Им была написана первая книга лиро-эпической трилогии «Молния блещет», в которой большое место занимали мотивы философского осмысления народно-патриотических традиций.

В годы Великой Отечественной войны С. Шавлы создал поэмы «Зоя» о подвиге связистки Зои Семеновой и «Киевский пионер» — о подвиге детей на войне. В поэме «Мадур Ягур» автору удалось убедительно показать единство фронта и тыла. Как подчеркивал литературный критик Н. Дедушкин, «многие стихи Стихвана Шавлы периода Отечественной войны звучат как пламенный призыв отдавать все силы фронту, делу победы над захватчиками. Поэт запоминающе показывает высокий патриотизм и сознательность советских людей».

Другой известный критик М. Сироткин, оценивая поэму С.Шавлы «Родной уголок», пишет, что это произведение — «характерный пример не только все большего приближения поэзии к конкретному отражению наиболее существенных явлений, но и продолжение творческих поисков новых метро-ритмических и изобразительных средств. Идеино-художественная насыщенность

повествования о новых явлениях в жизни родного края сочетается в поэме с широким применением ритмических интонаций, близких к разговорной и полемической речи. Картины обновления пейзажа родины, духовный рост людей, личные впечатления даются в плане единства судьбы поэта и народа... Автор вступает в живые споры и беседы с людьми, вторгается в их интересы и дела, выражает свое суждение о них, считая это своим гражданским долгом. Отсюда емкость поэтических образов, публицистичность содержания и многообразие поэтических интонаций».

Поэт обладал многогранным талантом. Он также успешно работал в области прозы, сатиры и литературного перевода. В жанре публицистики известна его книга «Взял я гусли звончатые», рассказывающая о буднях тружеников полей и ферм. Немало статей С. Шавлы написал о творчестве В. Бараева, М. Хури, В. Анисси, а также о произведениях молодых авторов.

В творчестве С. Шавлы особое место занимают сатира и юмор. Он обличал бюрократизм, хвастовство, подхалимство и т.д. в сборниках «Указывая пальцем», «Колючки», «Добрый свет». Поэт умело описывал действия персонажей тонкой иронией. По замечанию литературоведа Г. Хлебникова, «Шавлы умеет говорить грубовато, просто, демократично, языком самих масс и тем эффективнее обличает антиобщественные явления. Рисуя отвратительную фигуру распоясавшегося хулигана, автор колкой насмешкой задевает и равнодушные публики».

С. Шавлы перевел на чувашский язык произведения русских писателей — «Конек-горбунок» Н. Ершова, «Песня про купца Калашникова» М. Лермонтова, «Девушка и смерть», «Песня о Соколе», «Песня о Буревестнике» М. Горького, многие басни И. Крылова, стихи А. Пушкина, М. Лермонтова, И. Никитина, Н. Некрасова, В. Маяковского и др. Произведения самого поэта переведены на более чем 25 языков народов России, ближнего и дальнего зарубежья.

Чувашскими композиторами Ф. Лукиным, Г. Лебедевым, А. Орловым-Шузьмом, А. Асламасом, Т. Фандеевым и другими на стихи поэта создано немало песен, ставших популярными в народе.

Теплые отношения поэт питал к своим землякам. В серии очерков «У истоков Черемшана» он взволнованно рассказывает о людях, хорошо знающих народные песни, сказки, пословицы и поговорки. С детства знакомые горы и долины, леса и поля, река Черемшан привлекали сыновнее внимание поэта. «В годы моего студенчества, — писал он, — разъезд Денискино был для меня самым

дорогим уголком. В тихом лесном краю только с приходом поезда, бывало, услышишь шум и гам. Ушел поезд — и разъезд снова в плену зеленой тишины. Теперь для меня таким же дорогим местом является станция Шентала, которая бурно растет и все больше приобретает городские очертания. Многоэтажные дома высятся тут и там. Новая райбольница сама кажется небольшим городом».

Любил поэт и свое родное село Каменку. «Недавно построили прекрасный клуб. Это настоящий театр! Артисты из Чувашии, бывая здесь на гастролях, добрым словом отзываются об условиях, созданных здесь. Молодцы земляки», — писал он.

Иногда можно услышать: «Стихи Шавлы несколько прозаичны». Вряд ли можно согласиться с таким утверждением. Если даже поэт иногда свои произведения не доводил до общепризнанных «поэтических стандартов», тем не менее они имеют мощное звучание. А многие его рассказы читаются как настоящая поэзия. Вот что говорил о своем творчестве поэт: «Трудно шел я по литературной стезе, некоторые мои произведения шумно встречались и шумно провозжались моими друзьями-литераторами, но мои книги всегда доходили до читателя. Я не сетую на свою литературную судьбу. Благодарен своему народу за признание, низко склоняю голову перед его могучим языком, звонкими песнями».

«Я спешу». Так озаглавил С. Шавлы одно из своих стихотворений. И там побывать, и туда поспеть, не отставать от жизни, от трудовых успехов своих товарищей — таково было кредо поэта. Это мы видим и во многих его стихах и поэмах, где автор с большим художественным мастерством утверждает, что только беззаветный, упорный труд может принести счастье и почет, что народной славы достойны лишь закаленные в благородном труде люди. Добавим к этому, что С. Шавлы были присвоены почетные звания «Заслуженный работник культуры ЧАССР» (1970) и «Народный поэт Чувашии» (1974).

Поэт скончался 15 февраля 1976 г.

П.В. Афанасьев

Николай
Иванович
Шелеби
(Полоруссов)
1881—1945

*Н*ародный поэт Чувашии (1936),
автор книг «Черемшан
и Кондурча», «Золотая весна»,
«Чувашская песня»,
«Эссебе», «Избранное» и др.

НЕГАСИМЫЙ ОГОНЬ ТВОРЧЕСТВА

Почетное звание «Народный поэт Чувашии» первым получил Н. Шелеби. Всем творчеством и судьбой он доказал свою народность. Поэт отражал в своих произведениях глубокие чаяния народа, много сделал для сохранения национального духовного наследия для будущих поколений.

Н. Шелеби родился 2 (14) мая 1881 г. в д. Новое Узеево Чистопольского уезда Казанской губернии в крестьянской семье. Первыми учителями поэтического мастерства для него были отец с матерью, а также некрещеные дедушка Ялак и бабушка Шелепи, которые считались лучшими сказочниками в округе. От них поэт услышал легенды и предания, сюжеты которых впоследствии использовал для создания своих произведений. Не случайно имя бабушки он взял в качестве псевдонима.

Во второй половине XIX в. в России набирает силу капитализм, усиливает свое влияние христианство, которые заметно изменили крестьянский уклад жизни. Это приводит к смешиванию культур разных народов. И в д. Новое Узеево, как и повсюду, под воздействием христианской культуры население перестало отмечать пятницу. Первым, кто воспринял новые традиции и начал отмечать воскресенье, был отец будущего поэта, за что и прозвали его «полуруссом».

В 1891 г. Николай поступил учиться в начальную земскую школу в с. Мокшино, которую окончил в 1895 г. Однако учиться дальше у него не было возможности. Более десяти лет будущий поэт прожил безвыездно в деревне, занимаясь крестьянским трудом. По поручению Н. Ашмарина собирал песни чувашей Чистопольского уезда. В архиве тюрколога хранится подготовленная поэтом тетрадь «Эп юрланă юрăсем» (Песни, которые я пел), где представлены застольные, игровые и лирические песни. В них затрагивались проблемы смысла и красоты жизни, родства и ненависти, они проникнуты светлой грустью и полны чаяний о лучшей доле. В небольших по форме текстах прослеживались судьба, мировоззрение и философия народа. Исследователь Н. Иванов отмечал, что Н. Шелеби поэтически перерабатывал некоторые песни, чтобы выразить в них свои переживания. В совокупности этот материал воспринимается как самостоятельное произведение, напоминающее народный эпос.

Н. Шелеби
(в центре)
среди чувашских
писателей.
1934 г.

Среди этнографических материалов, собранных для Н. Ашмарина, есть исторические предания, которые Н. Шелеби записал в 1900—1906 гг. К ним относятся «О взятии Аксак Темиром города Биляр», «Булгар — столичный город», «Город девиц», «Гора девиц», «Дочери хана».

В 1903—1905 гг., общаясь с сельским учителем А. Кузьминым, Н. Шелеби получил возможность знакомиться с лучшими творениями А. Островского, А. Кольцова, Н. Некрасова, М. Горького, М. Сервантеса и др. Будущего поэта воодушевляли и произведения татарских писателей, печатавшихся в периодической печати. Он мечтал создать оригинальные стихи на чувашском языке. А. Кузьмин советовал Н. Шелеби больше внимания уделять лирике. Впоследствии некоторые стихи этого периода были напечатаны в газете «Хыпар».

Начало литературной деятельности Н. Шелеби относится к годам первой русской революции. В печати он дебютировал стихотворением «Россия», в основе которого лежало разоблаче-

ние пороков царской бюрократии, осуждение социального неравенства. Произведение было построено на контрасте. Поэт противопоставлял быт крестьян образу жизни богатых, используя традиции народных сатирических песен. В стихотворении вполне отчетливо чувствуется влияние Н. Некрасова.

Мотивы извечной борьбы с темными силами широко распространены в устной поэзии. Пользуясь аллегорическими образами чувашских волшебных сказок, в стихотворении «Змей» Н. Полоруссов-Шелеби рассказывал о схватке чудесной светлоликой птицы со страшным змеем-драконом. Пафос этого произведения навеян, по мнению профессора М. Сироткина, произведениями М. Горького «Песня о Буревестнике» и «Песня о Соколе». Стихотворения «Змей», «Государственная дума», «Сибирская дорога — железная дорога...» напечатаны в газете «Хыпар» в 1907 г.

За рабочим столом.
1936 г.

Чтобы избежать преследования полиции, в 1907 г. Н. Шелеби уезжает в Сибирь, где работает ремонтным рабочим на железной дороге Красноярск—Ачинск, потом уходит на золотые прииски. В 1910 г. он получает земельный надел, перевозит свою семью и вновь принимается за крестьянский труд. В этот период он писал мало, не имея возможности печататься на родном языке. Было опубликовано лишь несколько его сатирических стихотворений о нравах железнодорожных и приисковых чиновников, о тяжелой жизни рабочего. Убедительность в этих произведениях достигается отражением увиденного и пережитого самим автором. Кроме этого, поэт создает стихотворения на татарском языке и печатает их на страницах газет «Мухбире» и «Вақыт».

Живя вдалеке от родины, Н. Шелеби не переставал интересоваться переменами, происходящими в Поволжье, достижениями литературы, поддерживал связь с молодыми авторами. Поэт с радостью воспринял появление литературно-художественного сборника «Сказки и предания чуваш» (1908).

Социальная несправедливость, народные волнения оказались в центре внимания Н. Шелеби. Возвращаясь в родную деревню, он участвует в переустройстве сельской жизни. Здесь труд крестьянина совмещает с работой учителя школы грамоты. Увлечение историей накладывает отпечаток на его творчество. Поэт сотрудничает с миссионерским обществом «Братство святителя Гурия», собирает материалы о духовной культуре народа, пишет очерки. В 1914—1915 гг. создает этнографические поэмы «Черемшан и Кондурча», «Сказание чуваш об основании Константинополя», «Взятие Аксак Темиром города Бияр», которые вышли в 1915 г. в Казани отдельными книгами. Эти произведения свидетельствуют о зарождении жанра стихотворного предания в чувашской литературе.

Поэма «Черемшан и Кондурча» полна поэтических образов природы родного края, зарисовок крестьянского быта и труда, описаний народных обычаев и обрядов, сельских занятий, развлечений, досуга. В ней поэт развивает пейзажную лирику. В произведении также затрагивается проблема взаимоотношения между народами.

В поэме «Взятие Аксак Темиром города Бияр», созданной по материалам устно-поэтических народных сказаний, описаны последние дни Булгарского государства. В основу сказания поэт положил распространенный у низовых чувашей мотив о монгольском нашествии. В повествовании также использованы сведения, почерпнутые из популярных книг, а также архивные материалы, которые позволили создать трагическую картину разорения чувашской

земли войсками Аксак Темира. Через историческую легенду он показывает роковой момент падения государства. Булгарский народ якобы погибает из-за предательства старухи-колдуньи, которая посоветовала воинам Аксак Темира привязать к ножкам голубей кушочки зажженной серы и отпустить их. Охваченная пожаром крепость сдается.

В поэме помимо исторических событий описаны быт и уклад жизни в булгарском государстве, политические и социальные взаимоотношения, торговые и культурные связи с другими странами. Булгары не раз выручали русских князей во время засухи. Органично вошли в повествование легенда о дочерях хана, которые, спасаясь от пожара, превратились в лебедей, а также предание о топониме Девичья гора.

Откликом на столыпинские реформы стало сатирическое стихотворение «Васянка», в котором изображены непростые взаимоотношения разных слоев общества. Васянка поклоняется деньгам, как богу. Использует любые средства и возможности для их приумножения. Он ставит в зависимость не только крестьян, но и других богачей, купцов, подчиняет себе и силы природы: ветер и вода крутят его мельницы. В основе показа взаимоотношений Васянки с односельчанами лежат ирония и сатира. Богатей отдает с «добрым сердцем» малое и требует взамен в семь раз больше. Изобразительные средства поэтом почерпнуты из свадебных частушек.

В поэме «Сказание чуваш об основании Константинополя» отражены прошлое народов сувар и булгар, историческая действительность IV в., распространение христианства вдоль побережья Черного моря, противостояние между христианством и исламом. В начале IV в. Римский император Константин приходит к черноморскому побережью и решает основать здесь город. Рано утром на очищенной территории он видит большую змею, которая выползла из моря. Двуглавая белая птица поднимает ее в небо и бросает на землю, от чего змея гибнет. Мудрецы растолковали это как противоборство мусульманства и христианства. Н. Шелеби использует в своем произведении легенду, проникшую в чувашскую среду из татарского фольклора. Кроме того, нужно отметить, что мотив борьбы птицы со змеем был распространен в литературах восточных народов. В древнем варианте змея при помощи уловок побеждает орла. Н. Шелеби использует измененную версию легенды.

В основу поэмы «Эсепе» положена легенда о юноше-богатыре, который отличался особым умом. Его полюбила хозяйка страны

Семья
Н. Полоруссова-
Шелеби. 1936 г.

амазонок, заманила в свои владения, притворившись зайцем во время охоты. Автор обратился к преданиям об амазонках, некоторым историческим сведениям о разрушении города Биляр, архивным документам. В поэме отражается переход от матриархального строя общества к патриархальному. Герой не остается в стране амазонок, молодую жену приводит в свой дом.

Формами народной поэтики Н. Шелеби владел мастерски. В своих произведениях он не только повторял поэтический рисунок и ритмику народной песни, но и использовал творческий опыт русских писателей. Сатира Н. Шелеби, в отличие от народной, носила ярко выраженную социальную окраску и в лучших образцах была близка к сатире М. Салтыкова-Щедрина и Н. Некрасова.

В 1916 г. поэта призвали на Первую мировую войну. Однако из-за болезни он вскоре вернулся на родину. За небольшой промежуток време-

ни солдат успел увидеть и осознать захватнический характер войны, разрушительное ее воздействие.

В 1922 г. вместе с газетой «Канаш» из Казани в Чебоксары переехал и Н. Шелеби. Здесь круг его интересов и занятий расширился. Поэт собирал этнографический материал, писал очерки и стихи о ростках новой жизни в чувашской деревне, о ее преобразовании, руководил работой литературных кружков, усиленно пополнял свои записи народного творчества, выступал с чтением своих произведений, писал пьесы для драматических кружков, открытых в Чебоксарской школе-коммуне. Он организовал литературное объединение, откуда впоследствии вышли многие именитые писатели и журналисты. Поэт деятельно участвовал в организации литературного журнала «Сунтал» (1924). На его страницах печатались стихи, песни, этнографические очерки, поэмы, поэтические переложения чувашских сказок и преданий, обработанные фольклорные записи.

Тематика произведений Н. Шелеби стала многогранной: в его стихах отражаются прошлое и настоящее, победа революции, хозяйственное и культурное строительство и многие другие явления. Внимание поэта привлекли преобразование Чувашской области в автономную республику, возникновение на ее территории первых фабрик, заводов, рост национальных кадров рабочих, строительство колхозов и совхозов.

В 1927 г. Н. Шелеби создает поэму-очерк «Шупашкар», где показывает, как не совсем опрятный город постепенно превращается в чистую и уютную столицу. Не остаются в стороне и недостатки. Автор разоблачает попов, осуждает пьянство и мелкое воровство. Приветствует стремление молодежи к культуре, образованию. Будущее столицы представляется светлым и безоблачным. Свободный народ обретает свою былую славу, выходит на мировую арену. Возрождающаяся Чувашия и ее народ напоминают ему героическое прошлое предков — гуннов и волжских булгар.

Поэма «Базар в Цивильске» по жанру близка к публицистическому очерку. Как в калейдоскопе, мелькают выхваченные поэтом из пестрой толпы лица, вещи, сцены торга. Пожалуй, здесь каждый находит то, что ему нужно. Некоторых нужда заставляет просить милостыню.

В новое время Н. Шелеби получил возможность учиться и постигать творческий опыт литератур братских народов. Для него становятся настольными книги русских классиков, насыщенные народно-сказочными мотивами. Поэт много работает над укреплением ли-

тературных связей, переводит на татарский язык избранные произведения чувашских писателей и издает их отдельной книгой в Казани, готовит сборник произведений современных татарских писателей, который в переводе на чувашский язык выходит в 1930 г. Много работает над переводом поэмы Х. Такташа «Покаянная любовь», сюжетная основа которой построена на распространенном мотиве о несчастной любви. Им также переведены сказка М. Метерлинка «Синяя птица», отрывки из стихотворений Н. Некрасова «Рубка леса» и «Мужичок с ноготок», «Детство» И. Сурикова, которые вошли в хрестоматию для школьников.

Многие произведения Н. Шелеби были переведены на языки народов России и зарубежных стран. Поэта приветствовал французский писатель Ромен Ролан: «Передайте товарищу Шелеби мои лучшие пожелания на будущее и мои поздравления за прошлое, когда, несмотря на трудности своей жизни и жизни Вашего народа до революции, он сумел сохранить живым пламя таланта и своих надежд».

В 1926 г. вышел в свет сборник «Поэтические произведения», куда вошли сатирические песни, песни-оды, стихотворения, драмы в стихах, баллады, жанровые и бытовые картинки, пейзажные стихи, а также поэтические переложения и переводы.

В 1928 г. в Казани Н. Шелеби вместе с П. Хузангаем посетил В. Маяковского. Встреча оставила заметный след в творчестве Н. Шелеби. Маяковский вдохновил чувашского собрата на поиски новых форм, его влияние прослеживается в тематике и особой лексике стихотворений.

В 1931 г. в пору расцвета творческих сил Н. Шелеби постигло непоправимое несчастье: он ослеп. Но поэт упорно продолжал творческую работу, не отрываясь от общественных дел. Он выступал с докладами, читал свои стихотворения, диктовал новые произведения — писал об ударниках труда, о преобразовании жизни, не забывал и о детях. Поэт изображал трудное дореволюционное детство, знакомил юных читателей с миром животных и растений.

Н. Шелеби успешно работал и в публицистике: в статье «Размышления», очерках «Путешествие по Цивильскому уезду», «Путешествие по Ядринскому уезду», «Базар в Цивильске» он проявляет себя как этнограф и фольклорист, размышляет об обустройстве государства, социальных взаимоотношениях.

В лирических произведениях «В Аксубаеве», «Деяние», «Членам колхоза», «Начало», «В колхозе», во многих стихотворных очерках и посланиях Н. Шелеби пропагандирует ударничество, соревнова-

ние, призывает к организованной и дружной борьбе со стихийными силами природы, говорит о культуре труда.

Для пропаганды нового образа жизни на селе он успешно использует форму стихотворного письма.

Эпоха репрессий в какой-то мере коснулась и ослепшего поэта. В 1937 г. выходит статья К. Чулгася «Народный ли поэт Н.И. Полорусов (Шелеби)?», в которой автор видит криминал в том, что в некоторых рассматриваемых стихотворениях восхвалены члены правительства, которые впоследствии были объявлены «врагами народа». Также подверглись осуждению его поэмы, описывающие историческое прошлое чувашского народа. В них якобы прослеживается призыв к возвращению к прошлому. По мнению К. Чулгася, в произведении «Сказание чуваш об основании Константинополя» прослеживается миссионерское начало и оно написано в угоду служителям церкви. А в поэме «Эссебе» восхваляется счастливое и богатое прошлое чувашского народа. Поэт якобы распространяет в ней сепаратизм и развивает «теорию национальной обособленности». Но все же ураган незаконных репрессий прошел мимо ослепшего поэта.

В связи с тридцатилетием общественно-литературной деятельности Н. Шелеби было присвоено звание народного поэта, а в 1939 г. он был награжден орденом «Знак Почета».

В первые дни Великой Отечественной войны Н. Шелеби выступал со стихами, призывающими к беспощадной борьбе с врагом. В 1943 г. цикл стихотворений и поэм на военную тему издается в сборнике под названием «Призываю». В поэме «Наши герои», рисуя облик героев-воинов, сынов чувашского народа, Н. Шелеби утверждал идею бессмертия их подвигов.

Несмотря на плохое здоровье, поэт стремился находиться на гребне общественно-политической жизни: читал стихотворения в госпиталях, помогал семьям погибших. Поэт не дожил до Дня Победы, умер 12 января 1945 г.

Поэзия Н. Шелеби по своему характеру глубоко народна. Она возшла и пошла в рост под воздействием художественно-творческого опыта самого народа, на ее формирование оказало благотворное влияние литературное богатство русского народа, а непосредственным ее источником была живая действительность.

И.В. Софронова

Семен
Васильевич
Эльгер
1894—1966

*В*ыдающийся поэт, прозаик, публицист,
народный поэт Чувашии (1940),
автор книг «Эпоха», «Под гнетом»,
«На заре», «Сквозь огонь
и бурю», «Черное и белое» и др.

ЗВЕЗДА ПО ИМЕНИ ЭЛЬГЕР*

Как поэт С. Эльгер засиял на литературном небосклоне в 1917 г., взяв себе звучный и обязывающий псевдоним. На основе опыта предшественников он смог выработать свой почерк и оставить неповторимый след в истории чувашской литературы XX в. Его по праву считают старейшиной в созвездии талантливых писателей, сформировавшихся в революционную эпоху.

С. Эльгер родился 1 мая 1894 г. в д. Большие Абакасы Тойсинской волости Ядринского уезда Казанской губернии (ныне Ибресинский район Чувашской Республики). Отец его, Василий Федотов, был любознательным и грамотным крестьянином, в его доме имелись книги и газеты на чувашском языке. В 1910 г. вместе с сыновьями он отправил письмо известному в Поволжье просветителю Н. Никольскому, в котором выражал свои мысли по основам земледелия, а его сын Семен — свою озабоченность по поводу прекращения издания газеты «Хыпар» и отсутствия возможности продолжить образование. Василий Федотов сделал все, чтобы дать своим детям начальное образование и привить им любовь к чувашской культуре, родной земле, своему народу. «В романе «На заре» я создал образ Арлан Мусси, прототипом которого является мой отец», — писал впоследствии в своих воспоминаниях С. Эльгер.

В 1908 г. Семен заканчивает сельскую начальную школу, но из-за нехватки средств остается в деревне, занимается хозяйством. Его не покидает желание продолжить учебу. С помощью сельских учителей он углубляет свои знания, читает и перечитывает библиотечные книги. «Еще подростком я подражал русским поэтам, писал стихи. Очень любил Пушкина, Лермонтова, Некрасова и др. В художественных произведениях чувствовал пленительную красоту и магическую силу. Много думал тогда: почему нет таких замечательных книг на родном чувашском языке», — писал поэт, вспоминая о своем детстве.

В годы Первой мировой войны С. Эльгер был призван в армию и сразу же отправлен на фронт. В мае 1915 г. в Австро-Венгрии он, тяжело раненный, попал в плен. С. Эльгер первым в молодой чу-

* Эльгер — чувашское название небесных тел, рассеянных в созвездии Тельца (Ала ҫăлтăр).

Поэты
П. Хузангай и
С. Эльгер.
1954 г.

вашей литературе затронул тему войны и мира. Вот такие строки, не утратившие актуальности и сегодня, создал он в 1918 г.:

Все живое на Земле ты, Солнце, щедро чувствуешь,
Кругом растут деревья, травы. Мир цветет.
Тобой никто не обделен.

Ты радостно приветствуешь
С улыбкой доброй жизнь Земли.

Тебя здесь каждый ждет.
Многоязычный род землян себя же пусть не губит,
Пусть чтит себе подобных он.

Под солнцем всем есть место.
Один другому, зла желая, пусть голову не рубит,
Один народ другого пусть не растопчет мстью.

В 1916 г. в порядке обмена военнопленными Эльгер вернулся в Россию. Воспоминания и личные переживания об этой войне легли в основу романа-хроники «Сквозь огонь и бурю» (1933—1935). Это произведение, близкое по жанру к

автобиографической повести, рассказывает о формировании человеческой личности, о том, как под воздействием обстоятельств и суровых испытаний человек задумывается о кровавой сути войны, бессмысленности фронтовых жертв, трудностях и грязи тюремной жизни.

Непреодолимая тяга к образованию приводит С. Эльгера в Казань. В 1917—1918 гг. он учится на общеобразовательных курсах для взрослых. В эти годы им написаны первые стихотворения «В Карпатах», «В плену», «Лагерь», «Поле битвы», «Спасение» и др., основными мотивами в которых становятся тоска по родному краю, размышления о свободе, войне, лагерной жизни. Он пишет также статьи «Чувашская газета», «Трудные времена», «Не срами свой язык» и др., которые печатались в газете «Хыпар», выходившей в Казани, и были высоко оценены известными чувашскими писателями тех лет — С. Фоминым, Н. Васянкой, Г. Тал-Мрзой, Ф. Павловым.

С. Эльгер активно участвовал в послереволюционной реорганизации села. В 1918 г. в родной деревне его избирают председателем комитета бедноты. Для выполнения программы по ликвидации безграмотности тогда не хватало учителей, поэтому 1919—1920 гг. он отправляется на годичные педагогические курсы в Казань, по окончании которых работает учителем в Абакасинской школе. Не забывает и о литературе. В 1921 г. в газете «Канаш» печатаются его стихотворения «Молодая березка», «В Карпатах», «Не забывай», «Человеку», «Два мира».

В 1922 г. С. Эльгер переезжает в столицу Чувашии, «оттачивает» свое перо, будучи переводчиком-корректором в редакции газеты «Канаш» — кузнице писательских и журналистских кадров. Затем работает корреспондентом и заведующим отделом информации журнала «Сунтал». Как публицист, на страницах республиканской прессы он писал на самые злободневные темы. В его статьях «Ряды чувашей сильно редеют», «Сам чуваш, дети — русские» и др. были подняты острые национальные проблемы, которые вызывали большой общественный резонанс и даже негодование официальных лиц. Также им опубликованы критические статьи о творчестве Г. Зайцева (Тал-Мрзы), литературных союзах Милли и «Канаш», которые сыграли определенную роль в формировании традиций чувашского литературоведения.

В этот период С. Эльгер принимал деятельное участие во всех начинаниях первых чувашских советских учреждений культуры и искусства, литературных союзов, активно выступал в периодической печати. Будучи одним из основоположников чувашской советской

литературы, пробовал себя едва ли не во всех жанрах, вносил свою лепту в воспитание молодой чувашской интеллигенции. У него учились, ему подражали. С. Эльгер был первым редактором поэтических книг многих начинающих авторов. Он давал им дельные советы, вдохновлял на дальнейшие творческие поиски. Ему писали со всех концов Чувашии.

Все начинания и дела С. Эльгера были подчинены благородной цели — служению своему народу, родному языку. «Даже Бог не милостив к тем, кто не любит свой язык, такой народ не уважаем и другими народами, ему грозит постепенное вымирание», — отмечал он в статье «Не срами свой язык». Такие суждения иным казались опасными. Его обвинили в том, что «на всем протяжении своей «деятельности» только

Народные поэты
С. Эльгер
и Я. Ухсай
на отдыхе. 1954 г.

и делал, что рьяно защищал буржуазных националистов» («Красная Чувашия», 1938). Поэту-журналисту приходилось оправдываться, искать компромисс с идеологией, он пытался при этом сохранять верность своим национальным идеям. Не случайно его называли чувашским Максимом Горьким.

В первый сборник поэта «Эпоха» (1928) вошли, главным образом, стихотворения на историко-революционную тематику. С. Эльгер, как и многие его современники, весьма воодушевленно принял революцию, искренне верил в нее. В своих стихах он часто обращался к теме борьбы чувашей за национальное освобождение.

Хотя С. Эльгер начинал как лирик, во всей его поэзии ощущается поступь эпического стиля. Первая стихотворная баллада «Селтти» (1919) свидетельствует об углубленном интересе автора к устной народной поэзии, к ее повествовательной традиции. В поэме «Рассказы деда Сахруна» (1919), напоминающей народно-бытовой очерк, автор обращается к повседневным и трагическим событиям в жизни крестьянства. Другое произведение писателя — «В руках голода» (1921—1922) — можно характеризовать как стихотворный рассказ. В нем речь идет о голоде, постигшем Поволжье в 1920—1921 гг.

Классическим произведением чувашской литературы 20-х гг. XX в. стала историческая поэма «Под гнетом». К ее созданию автор готовился долго и основательно. На основе сказаний и преданий о Пугачевском восстании, услышанных им в детстве, сопоставляя их с историческими фактами и архивными сведениями, в 1923—1928 гг. он написал первый вариант поэмы. Угнетенный, униженный и безмолвный народ доходит до такого состояния, что чаша его терпения переполняется, и тогда он готов на самые отчаянные поступки и действия. Назрел бунт, жестокий и беспощадный. Такова главная тема поэмы. Автор смело раскрывал и отрицательные черты чувашского менталитета, сформированные многовековым пребыванием в условиях экономического и духовного рабства. Основная идея поэмы связывалась с неприятием национального гнета и стремлением чувашского народа к свободе, а это не совсем соотносилось с идеологическими задачами. Так, в 1929—1930-х гг. появляется второй вариант поэмы. Третья (1947) и четвертая (1960) редакции, менее значимые по художественному уровню, также были осуществлены автором под влиянием общественно-политических факторов. Безусловная значимость поэмы определяется тем, что поэт сумел реализовать в ней свои характерные художественные приемы; проявилось умение автора воссоздавать дух исторической эпохи, чему способствовало великолепное знание истории, обычаев и древней религии народа.

«...И лишь
поэзией я грезил».
1950-е гг.

В 1927 г. С. Эльгер на основе народных преданий, отчасти используя общетюркские аналогичные сюжеты, предпринимает попытку создания стихотворного эпоса «Улып» (1927) о богатыре небывалой величины и силы. Поэт описывает передвижение чувашей с востока на запад и их обоснование на Волге, демонстрирует вдумчивое и бережное отношение к богатству народной речи, изобразительно-выразительным средствам чувашских песен, сказок, легенд.

В 1933—1936 гг. С. Эльгер — политредактор при Радиокomiteе Чувашской АССР. Он создавал разноплановые программы, благодаря ему в прямом эфире постоянно звучали голоса писателей и других известных людей.

Как редактор, С. Эльгер отличался требовательностью, строгостью, в то же время вызывал уважение у своих подчиненных. Многие удивлялись его умению распределять свое время. Современники часто вспоминали, как с тросточкой в руках, прихрамывая, он совершал

длительные прогулки по улицам города. Многие старались искать с ним встречи и сопровождать его в этих прогулках, делиться с ним своими размышлениями, услышать его советы и мнения.

В годы Великой Отечественной войны С. Эльгер, инвалид Первой мировой войны, работает главным редактором художественной литературы Чувашского книжного издательства. Переживания тех лет он отразил в своих дневниковых записях: «Война — это бич человечества. Война — это голод, холод, разрушение и нищета. Война истребляет цвет народа — молодежь на фронте, в тылу царит нищета и эпидемия. Наш век изобилует такими невзгодами. А моя личная жизнь — это сплошная борьба за кусок хлеба. Четверть века тому назад я искалечен оружием немецкого империализма,

С внуком Юрием.

**Плодотворными
оказались для поэта
1950-е гг.**

испытал все ужасы войны на фронте и в плену, а теперь опять вижу те же страдания и гибель своих братьев и друзей, но только в более озверелой и нечеловеческой форме. Отброшена всякая гуманность...» (12 октября 1942 г.).

С. Эльгер был одним из авторов «Письма чувашского народа к своим сынам-фронтовикам». Ненавистью к врагу пропитаны его стихи, вошедшие в сборники «Долой фашизм!» (1941), «За свободу, за мир» (1941), патриотизм советского солдата убедительно показан в поэме «Он бессмертен» (1946).

С 1950 г. С. Эльгер всецело отдается любимому делу: пишет лучшие произведения, обновляет и печатает стихотворения и поэмы, в свое время отвергнутые цензорами. В эти годы появляется четвертый вариант поэмы «Под гнетом», поскольку переводчики на русский язык предложили ему изменить финальную сцену произведения.

С.В. Эльгер
с супругой, сыном
и невесткой
в Доме творчества
писателей.
Кувшинка. 1966 г.

Образно и идейно обогащается роман «На заре» (1940, 1952). В нем изображены революционные события начала XX в. Главная идея выражена в самом названии произведения. Чувашская деревня, влияясь в революционное движение, постепенно переходит к новому укладу жизни. Ее культура обогащается общечеловеческими ценностями, народ начинает тянуться к образованию.

Одной из главных особенностей творчества Эльгера является то, что события и образы во многих случаях созданы автором на основе реальных событий. Персонажи часто имеют своих прототипов. Это и Семен из романа «Сквозь огонь и бурю» (сам автор), Лена из повести «Черное и белое» (санитарка Настя из госпиталя), Унтри из рассказа «Унтри» (пекарь Андрей Александров), И. Смирнов из

поэмы «Он бессмертен» (герой ВОВ пулеметчик И. Смирнов) и др. В характерах многих героев ощущается влияние психологии крестьянина-труженика, которая была во многом свойственна и самому автору.

С. Эльгер известен и как драматург. Его поэма «Восемнадцатый год» (1948) оценена критиками как «одно из лучших произведений чувашской драматургии» (Н. Павлов) того периода. В основе сюжета — любовный треугольник, в котором богач-кулак Карук и революционер Левень влюблены в Исси. Девушка выбирает комсомольца-революционера. Драматургические элементы присутствуют и во многих его произведениях, например, в поэмах «Под гнетом» и «В руках голода», очерке-инсценировке «Хозяева и лакеи» и др.

Вершиной творчества писателя, безусловно, является повесть с философским подтекстом «Черное и белое» (1961), вобравшая в себя накопленный годами художественный опыт писателя. В ней он выступает как тонкий психолог. Это повесть о чистой любви, где автор показывает своих героев в различных ситуациях, утверждает идею предопределенности человеческой судьбы.

В дневниках С. Эльгера, которые он вел с 1923 г., ярко раскрываются его мягкий и доброжелательный характер, наблюдательность и пытливый ум. Немало в них размышлений о литературе, о творчестве отдельных писателей, о родном языке, о народе.

Большой интерес представляют воспоминания «Янка Купала в Чебоксарах». Семен Васильевич впервые познакомился с народным поэтом Белоруссии в 1939 г. в Армении. Следующая их встреча состоялась в ненастную осень 1941 г. Тогда С. Эльгер приютил великого сына Белоруссии Янку Купалу с женой у себя на квартире. Поэт был свидетелем переживаний гостя за оккупированную Белоруссию, его беспокойства за свою библиотеку и личный архив.

Последние годы жизни С. Эльгера были беспокойными. Пожилой писатель, переживший войны и революции, стоявший у истоков национально-культурного строительства, остро переживал, что чувашский язык оказался почти вытесненным из государственных учреждений, общественных организаций. Он не мог молча наблюдать, как из школьных и вузовских программ исчезал родной язык, как уменьшались с каждым годом тиражи издаваемых книг. «Я за то, чтобы чуваша с детства знали свой язык, свою литературу и историю своего народа... Что же будет в конце концов, если каждый мало-мальски интеллигентный человек будет стыдиться и отмежевываться от своего народа?!» — отмечал он в письме, адресованном первому секретарю обкома КПСС С. Ислюкову. Это обращение

стало поводом для обвинения поэта в национализме, его произведения перестали печатать... «Посылая к Вам товарищеское письмо, я надеялся было поговорить в спокойной и мирной обстановке, — пишет он в своем повторном обращении к партфункционеру. — Вы приняли меня с негодованием и даже напомнили о возможности потери партийного билета. А потом огласили об этом на пленумах ГК и ОК КПСС, выставили меня политически незрелым и тому подобным... Я с 1925 г. состою в партии. С тех пор перед партией ничем не запачкан. И вдруг, из-за товарищеского письма к секретарю ОК КПСС, меня считают каким-то политически ненадежным человеком, мною пренебрегают и закрывают мне дорогу к печатным органам, на развитие которых я отдавал всю силу в течение многих лет. Что это, в знак благодарности что ли за мою работу? Прошу Вас, Семен Матвеевич, не помрачать мою жизнь в старости. Надо рассеять эту нездоровую, гнетущую атмосферу, создаваемую перестраховщиками и подхалимами вокруг моего имени...»

С. Эльгер не был одинок в своем стремлении защитить родной язык. О солидарности со своими братьями по перу заявили П. Хузангай, С. Шавлы, Хв. Уяр и др. В сложной ситуации борьбы писателя за будущее своего языка, в обстановке грубого давления со стороны официальной власти, 6 сентября 1966 г. оборвалась жизнь писателя.

С. Эльгер избирался депутатом Верховного Совета РСФСР третьего и четвертого созывов. С 1934 г. он был членом Союза писателей СССР. С 1937 г. — членом правления Союза писателей Чувашии. Ему присвоено звание «Народный поэт Чувашии» (1940). За большие успехи в литературном творчестве и активную общественную деятельность он награжден орденами Ленина и Трудового Красного Знамени, медалью Отечественной войны. Имя поэта занесено в Почетную Книгу Трудовой Славы и Героизма Чувашской АССР (1964).

В Чебоксарах на доме № 24 по ул. К. Маркса, где в последние годы жил и работал поэт, установлена мемориальная доска. Его именем названа улица в северо-западном районе столицы республики, Большеабакасинская школа Ибресинского района, в которой имеется музей-комната. Учитывая заслуги С.В. Эльгера в развитии чувашской печати, постановлением правления Союза журналистов Чувашии от 17 апреля 1974 г. учреждена Республиканская журналистская премия им. С.В. Эльгера за лучшие произведения по актуальным проблемам экономики, науки и культуры.

И.Ю. Кириллова

Дмитрий
Петрович
Юман
1885—1939

*Т*алантливый прозаик, драматург,
киносценарист,
публицист, общественный деятель.

МОГУЧИЙ ДУБ НА СЕМИ ВЕТРАХ

Говорят, все новое — это хорошо забытое старое. Наступивший после 1991 г. коренной перелом общественного развития оказался похожим на времена столетней давности. Как и тогда, забурлила борьба бесчисленных партий — «правых» и «левых», «справедливых» и «народных», либеральных, демократических, конституционных, монархических и прочих, которые во весь голос заговорили об экономических и национальных проблемах, о национализации и приватизации, купле, продаже и дележе земли. События 1905—1908 гг., кажется, не ушли в Лету, они отчетливо возникают перед глазами, когда читаешь протоколы чувашских крестьянских сходов, грамотно и смело составленные молодым левым эсером, яростным народным защитником и учителем Д. Юманом. Все пошло тогда на переоценку — сословия, имена, звания, ордена... Что было тусклым — стало красным, что было светлым — стало черным. Цвета менялись не раз. Вчера хвалили, сегодня ругают. Вчера ссорились, сегодня сдружились! Иные историки, что в течение многих лет советской власти обвиняли храброго революционера, талантливого писателя, историка и экономиста Дмитрия Петрова-Юмана во всевозможных и невозможных грехах, при перемене политической ситуации стали дружно петь в его адрес небывалые дифирамбы.

Но Юман*, при всех оценках, был и остается могучим, кражистым великаном на вершине национальной культуры и истории. Духом, биографией и судьбой он стал частью нации.

Думал ли о такой славе и величии крестьянский сын Д. Петров (родился 26.10.1885 в с. Бюрганы Буинского уезда, ныне одноименного района Республики Татарстан, умер 18.2.1939 в г. Свободный Амурской области), с детства мечтавший стать сельским учителем? Едва ли. Здоровым и крепким хотели видеть его родители, потому и нарекли Юманом.

После местной школы в 1899 г. Дмитрий поступил в Симбирскую чувашскую учительскую школу и в 1905 г. успешно ее закончил. В годы учебы увлекся художественным переводом, литературным творчеством, революционными идеями и при помощи казанских

* Дословно с чувашского — дуб.

ученых Н. Никольского, М. Тинехпи издал две книги. Талантливого выпускника просветитель И. Яковлев направил учительствовать в свою родную деревню Кошки-Новотимбаево.

Детей и учительскую работу Дмитрий Петрович любил, но не суждено было ему закрепиться в школе. Через полтора года его заподозрили в политической неблагонадежности, уволили. Устроился он в Аксубаевском районе, но и тут выслали. К этому времени молодой учитель успел завоевать авторитет и имел немало друзей-бунтарей в лице Т. Хури, А. Гавриловой, Г. Алюнова, М. Акимова, Т. Таэра. По их просьбе он устроился работать на ст. Ибреси, где на железной дороге нужен был связной для получения французских посылок, присылаемых через Финляндию. Неугомонного революционера и тут выслали. Стражники целым отрядом приехали за ним, но опоздали, резвый бунтарь укатил на поезде в Казань к редактору газеты «Волжский курьер» Г. Плетневу, другу М. Горького. «В степном просторе я один... Куда иду — и сам не знаю... Куда зовет меня душа, куда влекет меня желанье — кто даст ответ моим терзаниям?..» — писал он под стук колес. Это стихотворение в прозе распространилось в рукописи, его частенько декламировали многочисленные друзья.

В Казани Д. Юман сотрудничал со многими периодическими изданиями, постоянно печатался в газете «Хыпар» (Весть).

После полицейского разгрома чувашской газеты Д. Юмана арестовали, выслали из города, запретили занимать какие-либо должности. Перебиваясь с хлеба на воду, он не оставлял газетную и учительскую работу. В какой-то момент даже оказался инспектором школ Казанской губернии. Но все же в учебных заведениях ему работать не давали, хотя он всей душой тянулся к детям. Намного позднее, будучи в Чебоксарах в 1921—1923 гг., помогал жене-учительнице, а также преподавал на рабочем факультете и в техникуме, находил в этом огромную радость.

В годы реакции Д. Юман изучал языки и науки, штудировал Л. Толстого, установил с ним переписку. Позднее посетил его могилу в Ясной Поляне.

В 1913 г. Дмитрий Петрович экстерном сдал экзамены на гимназический аттестат и поступил учиться на философское отделение историко-филологического факультета Московского университета. В тот же год начал учиться на юриста в Народном университете им. А. Шанявского, подружился с Л. Лайценом, И. Филипченко, С. Есениным, С. Ляндресом... Это были годы его бурного духовного и интеллектуального роста.

Вскоре поручика Д. Петрова мобилизовали в армию и отправили в пекло Первой мировой войны. В боях проявил храбрость, его наградили двумя Георгиевскими крестами. О нем писали в популярном журнале «Нива». Подружился он с членом Центрального Комитета партии социал-революционеров, редактором «Народной газеты» («Народное дело») В. Зензиновым (1880—1953).

Весной 1917 г. Д. Юман в Симбирске во главе бунтующего народа. Становится пламенным оратором-трибуном, крестьянским вожаком. Помогает симбирянам издавать чувашскую газету «Самана», выступает за создание Всероссийского Учредительного собрания.

Его дар газетного публициста проявился уже в годы учебы в Симбирской чувашской школе. Под разными псевдонимами он часто выступал в губернских газетах. Однажды совместно с Г. Алюновым осмелился критиковать даже своего кумира И. Яковлева. Таков был характер: настойчивый, непокорный.

Конечно, вялого человека народ не признавал бы как лидера. Исповедник трагической чувашской судьбы, публицист, писатель, педагог, историк и экономист каким-то образом чувствовал подспудные силы народа и старался направлять общественную мысль по пути возрождения и развития. В начале XX в. он — один из признанных руководителей национально-освободительного движения в Поволжье, председатель исполкома Симбирского губернского Совета крестьянских депутатов, председатель Чувашского центрального военного совета, основатель и руководитель Чувашской лево-социалистической (эсеровской) партии (председатель комитета), первый редактор общенациональной чувашской газеты «Канаш», организатор и участник многих собраний и съездов марийцев, удмуртов, мордвы, татар, башкир, русских и др. народов Поволжья. Его избрали председателем совета безопасности губернии, ему доверяли вести общенациональные съезды и собрания. В 1905—1918 гг. Д. Юман в Симбирском, Казанском и Самарском краях пользовался огромным авторитетом. В 1917 г. он без особых усилий прошел в депутаты Всероссийского Учредительного собрания.

Блестящее знание нескольких западных и восточных языков, историко-философское и юридическое образование, полученное в университетах Москвы, крестьянский, педагогический и военный опыт, пылкий ум и двужильная выносливость позволяли Д. Юману многогранно и глубоко анализировать сложные социальные, политические, экономические проблемы, глобальные процессы государственного и общественного развития России. Как ни крути, даже на сегодняшний день историко-политические, лингвистические,

Певец
И. Васильев,
писатели
Д. Юман
и И. Максимов-
Кошкинский.
1930-е гг.

культурологические, экономические прогнозы Д. Петрова-Юмана оказываются верными и оправданными.

Особая дружба связывала его с татарскими и башкирскими лидерами национального движения. Он встречался с татарским эсером Г. Исхаки. Вел дебаты с мусульманскими вожаками, провозвестниками идеи штата Идель-Урал Ю. Акчурой и С. Максуди, обсуждал вопросы Татаро-Башкирской и Чувашской республик с М. Вахитовым, М. Султангалиевым, сторонником «Малой Башкирии» З. Туганом. Близко знал Г. Ибрагимова. Соглашаясь со многими положениями и мыслями друзей-соседей, Д. Юман все-таки был против вхождения чувашей в штат Идель-Урала. 20 ноября 1917 г. по этому поводу он выступил в Уфе, 10—16 декабря отстаивал свои идеи в Казани. Был сторонником прямого и равного вхождения Чувашского края в единое Федеративное демократическое государство.

В бурном и кровавом 1918 г. на Волге полыхала война. Д. Петров-Юман — выдающийся лидер национального движения народов Средней Волги — один из членов Комуча (Комитета Учредительного собрания). У этой структуры были своя особая программа, народная армия, буржуазная власть. Д. Юман там пользовался достаточно большим авторитетом. При чехословацком мятеже стал бургомистром Симбирска. Конечно, его сердце гложил сомнения. Еще 14 февраля 1918 г. он, председатель Чувашского военного совета, в газете «Знамя революции» декларировал, что «чуваши всегда и во всем будут с пролетариатом и трудовым крестьянством... Созидая свое будущее на крови революционных борцов многих поколений, они сумеют отстоять завоевание революции, купленное дорогой ценой, идя рука об руку с единственным союзником всех униженных и обездоленных — пролетариатом и трудовым крестьянством».

Порвав окончательно с Комучем, Д. Петров покидает государственное заседание Уфимской директории (Временное Всероссийское правительство) и со своим другом — редактором газеты «Самана» и книги «Чувашский календарь» В. Ивановым (Кривовым) уезжает в сибирскую деревню, где жил его брат Прокопий. Историки немало потрудились, но не нашли доказательства служения Д. Юмана в белой армии. Не пошел он с Колчаком, несмотря на попытки мобилизовать его как офицера. По духу не принимал идеи белой гвардии. Но вскоре красногвардейцы его арестовали. Четыре месяца проходил он фильтрацию, командуящие М. Фрунзе и В. Блюхер обстоятельно беседовали с ним. Им было что обсуждать. Затем отправили его на польский фронт командиром роты Красной Армии.

В 1919 г. была образована Башкирская автономная республика, в 1920 г. — Чувашская автономная область. Был бы Д. Юман в то время в Казани, Ульяновске, Чебоксарах или Москве, не позволил бы он своим соратникам согласиться со статусом трудовой коммуны, не отказался бы от ленинского предложения образовать Чувашскую республику со столицей в Симбирске.

Молодые организаторы Чувашской автономии вскоре разыскали Д. Юмана и пригласили в Чебоксары.

В голодный 1921 г. Д. Петров-Юман стал заведовать статистическим бюро Чувашской автономии и превратил это незатейливое учреждение в центр, в уникальную «институцию», оперативно собирающую сведения социолого-хозяйственного характера и готовящую социально-политические, экономические, финансово-хозяйственные прогнозы. В областной плановой комиссии, членом кото-

рой он был, чутко прислушивались к его мнению. Не без его помощи в 1924 г. стали готовить материалы о расширении территории Чувашии, но при Сталине, который сам участвовал на совещании по национальному вопросу, этот вопрос пробить было невозможно.

Многогранный ум, организаторский талант и глубокие знания географии, истории, экономики, юриспруденции весьма и весьмагодились. Борьба с голодом, обустройство государственных органов, борьба за экономические ресурсы, возрождение культурных традиций, восстановление школ и больниц, издание чувашского календаря и сбор материалов для национальной энциклопедии — чем только не занимались тогда энтузиасты молодой автономии! Член Совета науки и образования, один из организаторов Общества изучения местного края, чувашской киностудии, института культуры, член совета Национального музея, редсовета газетно-журнального издательства... Он оказывает бескорыстную помощь учителям, преподавателям, выступает с лекциями, докладами...

После трагической смерти жены Д. Юман переезжает в Москву. Но не прерывает связи с Чебоксарами, хотя лицемерные «друзья» упорно ставили ему палки в колеса: не публиковали отмеченные премиями повести «Высокая точка» и «Знаменательный год» (1923), цикл новелл и рассказов, уничтожили полный перевод эпоса «Калевала». После обсуждения на конкурсной комиссии бесследно исчезли все три экземпляра рукописи книги «Горной тропой», первого в чувашской литературе двухтомного романа... Подвергали жесточайшей критике книги «1905 год» (1925), «Чувашия: историко-политический и социально-экономический очерк» (1926). Появляются ярлыки «юманизм» и «юманщина». Составленная им «Антология чувашской литературы» выходит без указания имени составителя и автора предисловия. Набранный типографией сборник прозаических произведений уничтожают...

Наступили поистине черные дни. Д. Юман переписывается и встречается с М. Горьким. «Буревестник революции» заглядывает к нему на Малую Бронную. Тревожно было всем. Друг за другом исчезают друзья из Промбанка и наркомата тяжелой промышленности СССР, где долго и плодотворно он работал экономистом. Исчезают виднейшие деятели культуры и искусства, соратники. Как рассказывала сестра писателя В. Тростина, Дмитрий Петрович в зловещем тридцать седьмом в окно следил за появлением «черного ворона» и сумел угадать день своего ареста. Утром провел планерку отдела и объявил, что собирается в командировку, а сейчас, мол, «удаляется на заседание в наркомат». За ним скоро приехали, расспрашивали. А

«подозреваемый» вышел с запасного выхода и зашагал к Казанскому вокзалу. Уехал по путевке на строительство Байкало-Амурской магистрали в таежную Тынду. Добровольно добрался до лагерного края.

Смерть его загадочна. В 1939 г. писателя пригласила в Москву Н. Крупская для обсуждения рукописи книги об Ульяновых и И. Яковлеве. В городе Свободном, когда ожидал поезд, он умер от кровоизлияния в мозг. В это же время скоропостижно скончался его младший брат Степан Петрович — председатель Калининградского горисполкома Московской области, затем неожиданно умерла и Н. Крупская. Никого из родных на похоронах Д. Юмана не было. Дату его смерти Амурский областной загс не подтвердил, видимо, этот факт не был как следует зафиксирован. Жизненный путь славного сына чувашского народа завершился вдали от родных мест. Могила его неизвестна.

Доброе имя Д. Юмана как следует очистилось от ругани и лжи, ярлыков и клеветы лишь в 1997 г. после выпуска Чувашским книжным издательством его Избранных произведений на чувашском языке. Наследие писателя полностью еще не собрано. Следовало бы вести поиск рукописей, выявить публикации в русских газетах и журналах.

У Д. Юмана нет научных степеней и почетных званий. В начале XX в. званий еще не давали. Но он был, как писал Я. Ухсай, вопреки «воплям горе-марксистов с берегов Кайбулки», ярким теоретиком и пропагандистом истории, политики, языка, культуры, религии, хозяйства, статистики, краеведения — необъятен круг его исследовательских интересов. Он доподлинно понимал теорию цивилизации и национального пласта в общечеловеческом наследии. Теперь, по прошествии целого века, отлично видится, как он был прозорлив и прав, какими ничтожными оказались перехваленные властью выпускники Института красной профессуры.

Д. Юман никогда не избегал острых тем и с глубоким интересом участвовал в дискуссиях и обсуждениях. И, как правило, безоговорочно убеждал слушателей в правоте защищаемого им положения. Именно таким остался он в памяти слушателей. Об этом не раз говорили профессор С. Горский, журналист М. Еник, детский писатель К. Чулгась, ученый и поэт С. Григорьев (Эсрель), чекист Н. Пакша и многие другие. В их памяти Д. Юман остался эталоном человеческой доброты и порядочности.

Много сил отдавал Дмитрий Петрович организационной, редакторской, переводческой деятельности. На его могучих плечах

Дорогой Хузангай-Юман
Алексей Максимович!

Я вынужден обратиться к Вам с лич-
ной и весьма настойчивой просьбой.
Я сейчас нахожусь на учебной командиров-
ке в Чувашском политехническом ин-
сте при ст. Чема, Волго-Бугульминский н.д.
Сараев, получил телеграмму, что мне
нужно ехать в город с Союз. В связи с
этим мое участие в работе, что семей-
ство ^{в Москве} ~~моя~~ (видим) а продовольственный снабжением

Фрагмент письма
Д. Юмана писателю
М. Горькому.

(проще говоря — живя в его московской квар-
тире, на его харчах) в науку, литературу, жур-
налистику вошло целое поколение чувашской
интеллигенции: П. Хузангай, А. Талвир, Я. Ух-
сай, Г. Молостовкин, И. Тубах и др.

Трагические события в 30-е гг. XX в. разом
охватили целые поколения, никто не смог пе-
репрыгнуть через черную бездну времени. Ни ду-
хом, ни верой он не сломался. Знал, что горь-
кое испытание выпало на долю всей интелли-
генции.

Имя Д. Юмана, его влияние на молодое по-
коление литераторов вызывали восхищение и
даже зависть. Он был вдохновителем чуваш-
ской интеллигенции — творческой поросли
20—30-х гг. XX в., дал восторженную оценку ге-
ниальным произведениям К. Иванова и М. Сес-
пеля, всемерно поддерживал П. Хузангая и Я. Ух-
сая, пристально следил за каждым новым про-
изведением родной литературы.

Плодотворная деятельность Д. Юмана на ниве литературы и журналистики, экономики и политики, науки и краеведения не отмечена наградами. Его литературное творчество («Ветла Пюлеха», «Волжский рассказ», «Комиссар промышленности», «На околице», «Степные зарисовки») выделяется оригинальностью, в них читатель видит мифопоэтическое видение мира и неиссякаемый оптимизм. Они включены в программы средних школ и вузов.

В поисках рукописей романа «Горной тропой», повестей «Высокая точка» и «Знаменательный год» мне приходилось встречаться со многими друзьями Д. Юмана, расспрашивать их о содержании и героях пропавших произведений. Писатель был мастером сюжета. Он подсказал Я. Ухсаю фабулу поэмы «Дед Кельбук» и стихотворного романа «Перевал».

Фольклорно-мифологическая метафоричность, психологизм, лиризм, мягкий юмор, затаенность конфликтных линий прозы Д. Юмана резко выделяются в океане серой литературы 20—30-х гг. XX в.

Воспроизведение древней фольклорно-философской мудрости народа удавалось совсем немногим. Поэтика чувашского фольклора как стилевая доминанта в творчестве аксакалов Н. Шелеби, И. Тхти, Д. Юмана — ведущих неоромантиков чувашской литературы начала XX в. — представляет огромный интерес как обновленный отблеск древнего философского мыслетворчества. Схожесть мифопоэтического восприятия действительности приковала внимание Д. Юмана к «Калевале», и он, посетив Карелию, на одном дыхании перевел эпос на чувашский язык. Между калевальскими изустными рунами и неоромантическими песнями Эйно Лейно, древнечувашскими и финно-прибалтийскими творениями существует какая-то труднообъяснимая параллель.

Понять оригинальный мифопоэтический стиль и образность Д. Юмана можно даже по его небольшим произведениям — несеру «Играет зарница», «Степным рассказам» или новелле «Ветла Пюлеха». Произведения эти оказались понятными и нужными широкой массе крестьянства, но пролеткультовским критикам никак не удавалось раскладывать их по своим куцым меркам. Они ополчились на писателя. Но Д. Юмана поняли нижегородские коллеги, перевели и напечатали его произведения в 1932 г. в альманахе «С волжских берегов».

Пюлех по чувашской этнорелигии — богиня высшего разряда, супруга всевышнего Торы, распределитель счастья для людей и народов. А ветла Пюлеха — место преклонения ей и ее верной помощнице Кебе. Что же происходит в рассказе у старой ветлы? Му-

Просветитель
И.Я. Яковлев
и Д. Петров-Юман
(в первом ряду,
в центре) среди
выпускников
Симбирской
чувашской школы.
1924 г.

жики собираются хоронить трагически погибшего середняка Кузюка и, коротая ночь, по очереди рассказывают друг другу сказки. Четыре сказки про жите-бытье. Первая — как ловили журавлей, вторая — как батрачили у богача, третья — как поспорили богач и середняк, четвертая — про великую бурю Мунхаяр (что в дословном переводе означает «большое зло»), про тяжбу классов за землю и равенство. Сомневался середняк Кузюк, ни к богачам, ни к беднякам не примкнул, вот и гнев упал на него... Куда как проста фабула, но стоит лишь расшифровать сказочную метафоричность образов!.. Мне кажется, что писателем здесь проявлен высший пилотаж художественного мастерства.

Не менее талантлива повесть-драма «Улица у околицы» (1927), рекомендованная к постановке в коллективах художественной самодея-

тельности. Широкий охват исторических событий, глубина характеров, острота конфликтов идут от центрального образа прапорщика Мигулая, которому не удастся целым и невредимым пройти между Сциллой и Харибдой революционных противостояний. В основе драмы — личный опыт автора, размышления и сомнения о годах революции и Гражданской войны. По силе воздействия на чувашского зрителя это произведение можно сравнивать с драмой «Бег» М. Булгакова.

Произведения Д. Юмана нацелены на раскрытие злободневных проблем. Повествует он как-то плавно, не спеша, с юмором, но на самом деле речь идет о самых жгучих и трагических вопросах повседневности, без разрешения которых нет будущего! Подорвавший в революцию и Гражданскую войну свое здоровье, комиссар промышленности только что созданной Чувашской автономии Хунар (дословно — «светильник») свое упорство и знание направляет на разработку торфяных болот, чтобы заложить энергетическую основу края. Выписан этот образ изнутри, в размышлениях, в беспоконных чувствах и мыслях. Сейчас уже никого не интересует заволжский торфяник. Прославленного в Великую Отечественную войну Чебоксарского торфопредприятия давно нет. Но повесть Д. Юмана «Комиссар промышленности» живет, и будет жить, потому что в ней заложена сила человеческого духа, отражен свет морали, нравственности. Так проявляется талант, именно в этом неумирающая сила образного слова.

На родине писателя, в с. Бюрганы, в Доме-музее известного деятеля чувашской культуры И. Юркина, в ряду местных литераторов О. Романова, В. Ухли, К. Петрова установлен скромный стенд о жизни и творчестве классика чувашской литературы Д. Юмана. Появился толковый анализ о творчестве писателя в учебнике Ю. Артемьева «Чувашская литература» (2003). Нет сомнения, что на поляне чувашской литературы вечно будет зеленеть могучее дерево Юман.

В.П. Станьял

Михаил
Николаевич
Юхма
1936

*Н*ародный писатель Чувашии (1993),
прозаик, поэт, публицист,
общественный деятель, автор книг
«Дорога на Москву»,
«Цветы Эльби», «Голубая стрела»,
«Наследие», «Кунгош — птица
бессмертная», «Термен» и др.

ЗОВ ДАЛЕКИХ ПРЕДКОВ

Время — строгий и мудрый судья. «Оно предает забвению имена одних общественных деятелей, решительно пересматривает сложившиеся оценки других, сохраняет благодарную память о тех, чьи идеи и труды активно содействовали социальному прогрессу, кто обогатил человеческую культуру новыми научными, творческими завоеваниями. Время отделяет подлинные ценности от преходящего и малозначительного, истинное от иллюзий и заблуждений. Воздействие многих художественных созданий с течением времени не только не уменьшается, но в огромной степени возрастает. Это происходит с произведениями выдающихся мастеров литературы и искусства»*.

Эти слова можно смело отнести и к творчеству народного писателя Чувашии М. Юхмы. Более сорока лет он создает романы, повести, рассказы, очерки, стихи, занимающие почетное место не только в чувашской, но и современной российской литературе. Произведения писателя покоряют читателей неожиданными и глубокими обобщениями, историческими картинками, подкупающими своей правдивостью, документальностью, художественностью.

М. Юхма буквально ворвался в чувашскую литературу. Друг за другом в литературных журналах «Ялав» (Знамя) и «Таван Атӑл» (Родная Волга) в 1959—1960 гг. были опубликованы повести «Цветы Эльби» и «Оксана» (последняя вышла отдельной книгой в библиотечке журнала «Ялав»). В них писатель смело поставил вопрос о призвании человека, о его месте в мире, о смысле жизни, высоко поднял тему исторического прошлого родного народа.

Писателю удалось передать нравственные устремления народа в переломные моменты. Изображение предков чувашей через призму исторических фактов поразило не только читателей, но и критиков, литературоведов. Об этом убедительно свидетельствуют письма читателей из Москвы, Казани, Йошкар-Олы, Якутска, а также из зарубежных стран.

Следует подчеркнуть, что не все одинаково воспринимали произведения М. Юхмы. Некоторые чувашские писатели и критики,

* Храпченко М.Б. Собрание сочинений. Т. 3. — М.: Художественная литература, 1981. — С. 376.

особенно историки, а также околелитературные деятели находили в его первых повестях и рассказах отход от исторической правды и восхваление прошлого чувашского народа, идейные и политические ошибки. В республиканских газетах публиковались разгромные статьи, односторонне освещающие творчество писателя. Казалось бы, собратьям по перу, имеющим большой жизненный опыт, следовало радоваться приходу в литературу самобытного таланта. Творчество М. Юхмы пробуждало читателя по-новому взглянуть на историческое прошлое народа. Это позволяло без идеологической подоплеки смотреть на общественно-политические события, происшедшие в многовековой истории чувашского народа, трезво оценивать процесс формирования его духовных и нравственных качеств. Во многом благодаря таким произведениям, как «Дорога на Москву», «Голубая стрела», тетралогии «Бессмертие», читатели стали глубже смотреть на историю народа, убедились, что она достойна восхищения — предки чувашей никогда не захватывали чужие земли.

Еще в составе раннефеодального государства в Среднем Поволжье — в Волжской Болгарии — мирно существовали тюркские и финно-угорские племена. В течение многих веков шел процесс их объединения, который сопровождался взаимообогащением духовной и материальной культуры. М. Юхма в своих произведениях стремился раскрывать, можно сказать, глаза многих соплеменников, которые знали о прошлом своего народа лишь то, что «чувашаи являются одним из народов, населяющих многонациональное Среднее Поволжье. В прошлом это был забитый, экономически и культурно отсталый народ»*.

В романе «Дорога на Москву» М. Юхма мастерски описывает быт чувашей, их творчество, однако писателя волнует не сама по себе экзотика народной жизни, а его героическая составляющая. Вот что было подчеркнуто в редакционном заключении издательства «Советский писатель» о произведении молодого автора: «Михаил Ильин (Михаил Юхма) — имя для нас новое. Возможно, это его первое произведение, и хочется сразу сказать — во многом удачное. Прежде всего обращает на себя внимание тема, которая потребовала от автора большой и кропотливой работы. О войне 1611 г., насколько нам известно, еще не написано сколько-нибудь значительных произведений. Роман дает основания судить о больших возможностях автора. Настрой повести определяет, конечно, Буртас — чувашский князь, возглавивший народное ополчение, которое присое-

* Чуваш. Этнографические исследования. Ч. I. — Чебоксары, 1956. — С. 25.

динилось к нижегородским полкам Минина и Пожарского. Он прекрасен в бою, в отношениях с друзьями, но, пожалуй, наиболее утонченным становится наедине с собой (например, прекрасная глава о том, как он переживал гибель своего сына)...»

Книга стала большой творческой удачей не только молодого автора, но и всей чувашской литературы 60-х гг. XX в. Самую высокую оценку ей давали журналы и газеты тех лет «Дружба народов», «Огонек», «Правда», «Сельская жизнь», «Литературная Россия». Министерство просвещения СССР включило ее в число книг для внеклассного чтения.

Как писатель М. Юхма сформировался в 60-е гг. В период так называемой хрущевской оттепели, казалось, стало возможным приобретение свободы настоящей, а не мнимой, чтобы открыто выражать свое мнение, глубоко изучать историю, употреблять родной язык во всех областях жизни — в государственной, социально-экономической и культурной. Однако надежды не оправдались, не только в духовной, но и в политической жизни страны мало что изменилось. Более того, в начале 60-х гг. в чувашских школах республики, а также по всей стране в местах компактного проживания чувашей постепенно стали отменять обучение на родном языке. Есте-

**Братья Ильины:
Иван,
Петр и Михаил.
1985 г.**

**Дни детской
книги в Москве.
1990 г.**

ственно, это вызвало не только беспокойство, но и большую тревогу передовой интеллигенции. Некоторые улучшения в жизни общества, происшедшие в середине 50-х гг., стали не только тормозиться, но и были задушены. В то же время не было отбоя от славословия о расцвете национальных культур. Против ложной пропаганды мало кто осмеливался выступить с открытым забралом. Творческой интеллигенции, в том числе и так называемым шестидесятникам, приходилось бороться за культуру, историю, пользуясь эзоповским языком. Как и в 30-е гг., стало довольно рискованно писать на определенные темы. Прогрессивные идеи, призывы уйти от пут идеологизации, политизации не только современности, но и исторического прошлого народов писатели-патриоты часто излагали намеками. К примеру, прочитав повесть М. Юхмы «Судьба певца», думающий читатель конечно же пытливо всматривался в жизнь своих современ-

ников, он догадывался, что обобщения автора выходят за пределы описываемого исторического периода. Именно в таком ключе написаны многие произведения М. Юхмы. Подобное свободомыслие и утверждение смелых мыслей и идей, хоть и под прикрытием исторической вуали, в те годы преследовались.

М. Юхма также является автором повестей и романов на историческую тему «Третья симфония», «Кунгош — птица бессмертия», «Солнечные ворота», «Поэт и царь», «Алтай — страна предков», а также тетралогии «Бессмертие», куда входят романы «Наследие», «Возрождение», «Материнский хлеб», «Батюшкин сад», и многих других. Перечислить все его произведения весьма не просто, ведь им издано около 200 отдельных книг.

Родился М. Юхма 10 апреля 1936 г. в с. Сугуты Чкаловского (ныне Батыревского) района Чувашской АССР. Высшее образование получил в Чувашском государственном педагогическом институте им. И.Я. Яковлева. Окончил Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А.М. Горького, а также Высшие театральные курсы при ГИТИСе им. А.В. Луначарского. Работал учителем, инспектором Совета Министров Чувашской АССР, редактором Чувашского книжного издательства. Многие годы был писателем-профессионалом.

Как и многие другие литераторы, свои творческие опыты он начал с поэзии. Его детство и юношество, формирование духовно-нравственных устремлений протекали под воздействием художественной литературы. Он был увлечен произведениями С. Эльгера, С. Фомина, М. Трубиной, граждански одухотворенными стихами В. Митты, П. Хузангая, Я. Ухсяя, И. Ивника, А. Алги и других поэтов. Духовная жизнь Михаила не ограничивалась чтением произведений чувашских писателей и поэтов, неизменный интерес вызывала русская и зарубежная классика. Еще в школьные годы он горячо влюбился в поэзию А. Пушкина, М. Лермонтова, С. Есенина. В годы учебы на филологическом факультете Чувашского государственного педагогического института он глубоко изучил творчество писателей и поэтов Поволжья, Приуралья, Кавказа, Прибалтики, Средней Азии. На его мировоззрение сильное влияние оказало творчество Л. Толстого, А. Герцена, Н. Гоголя, братьев Аксаковых. Однако творческие пристрастия во многом сформировались под воздействием поэзии и фольклора родного народа. Он стал страстным собирателем чувашских народных песен, сказок. Не удивительно, что первые стихи написал уже в восьмилетнем возрасте, они были посвящены отцу, который находился на фронте.

М. Юхма
с членами своей
семьи. 1985 г.

Талантливый ученый-педагог и писатель Г. Волков, сам влюбленный в народную поэзию, посвятивший ряд исследований чувашскому фольклору, опубликовал не одну работу о творчестве М. Юхмы. В статье «Мужественная и добрая муза» он назвал писателя одним из лучших знатоков чувашской мифологии и фольклора. «Муза Юхмы высокогуманна, — писал он. — Его поэзия добра к людям честным, благородным, смелым в мыслях и делах... Тема честности и правды красной нитью проходит через многие его книги... Патриотические мотивы никого не оставляют равнодушными»*.

Стихи поэта сохраняют и испытывают ритмический натиск чувашской народной поэзии, они пронизаны чувашским духом. Переводчики, как это часто бывает, подавляют авторский по-

* Молодой коммунист. 1975. 21 января.

черк, интонацию, своеобразие поэтического языка. Такой мастер перевода, как Я. Козловский, по верному замечанию критика Н. Сотникова, максимально приблизился к чувашскому оригиналу, к чувашскому национальному характеру при переводе сборника стихов М. Юхмы «Сурбан». Он пишет: «Сам лад, сам строй стихов, их поступь неповторимо чувашские, как и неповторимый национальный орнамент. Да, орнамент порою лучше говорит о народе, чем нивелированные и усредненные слова литературного языка»*.

Можно смело утверждать, что поэт и прозаик, драматург и очеркист, публицист М. Юхма действительно влюблен в свой народ, в его традиции и обычаи, в фольклор. И эта любовь взаимна. Он является одним из самых читаемых авторов Чувашии, его часто приглашают на встречи и школьники, и работники сельскохозяйственных предприятий, и рабочие, и интеллигенция. Писателя часто можно видеть на заводах и фабриках, в колхозном поле и школьном классе, вузовских аудиториях. Поэтому не удивительно, что главными героями его произведений становятся не только конкретные личности из исторического прошлого родного народа, но и те, кто сегодня варит сталь, строит заводы, выращивает хлеб, осваивает новые профессии, а также студенты и школьники, сельская и городская интеллигенция.

Тракторостроители и сельские труженики стали объектом пристального внимания и изучения писателя. Автор не просто описывает труд и будни своих земляков, но глубоко вникает в их психологию, не обходя острые проблемы.

В романе «Наследие» М. Юхма настолько глубоко вник во внутренний мир главного героя И. Яковлева, в его переживания и радости, раздумья и мечты, что у читателя возникает не просто чувство сопереживания герою, но и зарождается внутреннее сопротивление тому порядку в обществе, где угнетаются личность, свобода.

Конечно, и до М. Юхмы о жизни великого просветителя чувашского народа, создателя чувашской письменности, авторе первого чувашского «Букваря» было написано немало художественных произведений. Однако роман «Наследие» отличается тем, что через жизнеописание великого чуваша автор стремился правдиво раскрыть историю всего народа. Он нашел интересный способ для реалистического изображения образа Ванюши, показав, будто ему свыше предначертано быть великим человеком, способным сыграть историческую роль в жизни своего народа.

* Журнал «Волга». 1976. №5.

М. Юхма
был принят
президентом Турции
С. Демирелем.
1998 г.

Мастер-художник отсекал все лишнее из биографии просветителя, что вводило и отвлекало бы от главной задачи — показа жизни великой личности. Просветитель возложил на себя историческую миссию, возглавив огромный прорыв своего народа подняться на один уровень с развитыми народами Европы.

Автор не идеализирует своего героя и не отделяет его от общественных исканий. И. Яковлеву приходилось нередко лавировать, вести дело просвещения чувашей в зависимости от реальных исторических условий.

Писатель рельефно изобразил представителей различных слоев общества, отличающихся своим социальным положением. Здесь и простые чувашские, русские, татарские крестьяне, и учащая молодежь, и интеллигенты. Автор не приукрашивает действительность и не возвышает своего героя до сказочного богатыря. На жизненном пути И. Яковлева встречалось много трудностей и препятствий, сложностей, порою даже неразрешимых проблем, но он, истинный сын своего народа, при помощи передовых людей того времени добивается великой цели — создает чувашскую школу и письменность. Недюжинный ум, сильная воля, целеустремленность позволили просветителю дать родному народу надежду и уверенность в завтрашнем дне.

Роман «Наследие» вошел в историю чувашской литературы как

одно из самобытных произведений, значительно обогативших литературу народов России.

Творчество М. Юхмы оказало определенное влияние на молодых литераторов страны. Это признают горномарийские, удмуртские, мордовские, якутские писатели. Произведения писателя также пользуются большой популярностью в Татарстане, Башкортостане, Азербайджане, Болгарии, Венгрии, Турции, Германии и других государствах.

М. Юхма шагнул в XXI в. не только как один из ведущих писателей Чувашии, но и как публицист, автор текстов многих популярных песен, как активный общественный деятель. На рубеже веков ему удалось написать и выпустить немало новых книг. К сожалению, чувашские литературоведы и критики в последние 10—15 лет почти не анализируют творчество современных писателей. Это частично связано с тем, что они растерялись в период демократического обновления общества. М. Юхма же сумел не только выстоять, но и раньше других осмыслить «неуютное» для литературы и искусства время и с удвоенной силой продолжал трудиться. Это оказалось непростым делом: душевные переживания по поводу потери великой страны, конфликты между бывшими дружественными народами порой выбивали и его из творческой колеи.

Следует особо подчеркнуть, что начало перестройки обозначило для писателя новый этап жизни и творчества. Он верил в обновление, был уверен в том, что на место тоталитарной системы придет истинная демократия. Однако жизнь сложилась совершенно по-другому: определенные силы старой системы попытались загнать писателя в угол. Началась травля, в которой участвовали некоторые ученые и коллеги по творческому цеху.

Следует подчеркнуть, что им не удалось сломать дух писателя. Закаленный в борьбе еще в годы советской власти, он сумел не только выстоять, но и стал одним из лидеров национального движения чувашского народа. Под его руководством в 1988 г. проводилась I Всечувашская конференция. Этот форум создал общенациональное общество (ЧНО). В декабре 1989 г. прошел II Всечувашский съезд, где создан Всечувашский общественно-культурный центр (ЧОКЦ). М. Юхма был избран его руководителем.

ЧОКЦ создал фольклорные ансамбли «Тарават», «Салам», «Чавашстан», театры «Термен» и «Пюрнеске», начал выпускать газету «Вучах» (Очаг), журналы «Пике» (Сударушка), «Путене» (Перепелочка). Однако эти издания недолго финансировались из федерального бюджета. Жестокое время растоптало добрые намерения писате-

М. Юхма
со своей супругой
Р. Шевлеби
в гостях у президента
Азербайджана
Г. Алиева. 2001 г.

ля — газеты и журналы перестали выходить, закрылись театры и ансамбли.

Надежда на грядущие перемены не оправдалась, усилились разочарование и отчаяние. Именно тогда М. Юхма написал публицистические очерки «Брошенное поле», «Отцовское письмо», «Свято верю в обновление», «Тяжелы вчерашние вериги», «Как жить дальше?..», «Вернуть ушедший мир нашим детям», которые были опубликованы в центральной прессе. Автор в них смело призывал бороться против всего того, что мешал свободно развиваться самобытной культуре народа. Во многих произведениях М. Юхма затрагивает тему долга перед малой родиной, народом, предками, ушедшими в мир иной. Размышления над этими проблемами мы находим в его статьях «Чувацкий реквием», «Круглый стол дружбы», «Солнцем бы стать мне», «Защитим доброе имя журналиста», «Верность истине», «Добро и зло» и др. С огромным интересом встретили читатели повесть «Шурсымга —

молодой волк», которая была написана в 1974 г. Писатель здесь разрабатывает тему взаимоотношения «независимой личности, у которой в груди кипит свобода», и общества, с одной стороны, и с высокопоставленными чиновниками — с другой. М. Юхма имел внутренние причины для того, чтобы в образ волка вложить много людского, поскольку данное произведение создавалось в те годы, когда писатель находился в опале.

За успехи в творческой деятельности М. Юхма удостоен различных премий: Союза писателей РСФСР, Союза писателей СССР им. М. Шагинян, им. А. Фадеева, В. Пикуля, К. Симонова, а также Всеудмуртской национальной премии им. К. Герда. Отмечен он и зарубежными наградами: азербайджанской премией им. С. Вургун, армянской премией им. П. Севака, германской премией «Новостройка». Он удостоен награды Турции «За заслуги перед тюркским миром». За успехи в развитии детской литературы он также удостоен Международной премии-диплома им. Г. Андерсена.

М. Юхма является заслуженным работником культуры Чувашской АССР, Республики Татарстан, Республики Марий Эл и Удмуртской Республики, ему присвоено звание «Народный писатель Чувашской Республики» (1993). В 2006 г. он награжден медалью ордена «За заслуги перед Чувашской Республикой».

В.Н. Пушкин

СОДЕРЖАНИЕ

В начале было слово	5
И детектив, и приключения, и сатира... (Л.Я. Агаков)	7
«Души поэта боль коснется...» (Ю.Г. Айдаш)	19
Поэт-воин (А.Е. Алга)	31
Живая вода из родника жизнелюбия (В.С. Алендей)	43
Вторжение в жизнь (А.С. Артемьев)	53
Солнечные ворота (П.В. Афанасьев)	65
Ветла, посаженная поэтом (А.А. Воробьев)	77
Дорогу осилит идущий (А.А. Галкин)	87
Свет родного слова (Д.В. Гордеев)	97
Улып песенной поэзии (В.И. Давыдов-Анатри)	105
Душа обязана трудиться (А.В. Емельянов)	117
«Пером не лгал я никогда...» (Г.А. Ефимов)	129
На гребне суровой эпохи (В.З. Иванов-Паймен)	139
Горьковатый привкус черного хлеба (Н.Ф. Ильбек)	149
Эмоциональный всплеск и мудрая сдержанность (Н.А. Исмуков)	159
Мастер острого сюжета (Д.А. Кибек)	169

От заметки до романа (Г.В. Краснов)	179
«Мой голос, закаленный болью...» (В.Е. Митта)	189
Век прожить — не поле перейти (Н.Ф. Мранька)	203
«Разное амплуа — разное счастье» (П.Н. Осипов)	213
«Стихи мои, душою не кривите...» (Ю.С. Семендер)	225
«Задача писателя — любить человека» (Ю.И. Скворцов)	235
Батыр из Батыр-яла (А.Ф. Талвир)	247
С любовью к простому человеку (Л.В. Таллеров)	259
Многоплановость, психологизм, драматургическая отточенность... (Н.Т. Терентьев)	269
«Советский гражданин не должен терпеть ложь и произвол...» (М.Д. Трубина)	279
На новой волне (В.В. Тургай)	291
В романах — судьба народа (К.С. Турхан)	299
«В старину писали не спеша...» (И.Е. Тхти)	309
Красота и сила материнского слова (Ф.Е. Уяр)	319
«Ежевика...» — пьеса-айсберг (Б.Б. Чиндыков)	333
Звонкий голос, искрометный юмор (С.А. Шавлы)	343
Негасимый огонь творчества (Н.И. Шелеби)	351
Звезда по имени Эльгер (С.В. Эльгер)	361
Могучий дуб на семи ветрах (Д.П. Юман)	373
Зов далеких предков (М.Н. Юхма)	385

*Библиотека
Президента Чувашской Республики*

Писатели

Иллюстрированное издание

Том 6

Научный редактор **Ю.М. Артемьев**

Редактор-составитель **В.Н. Алексеев**

Использованы фотографии и документы
из фондов Чувашского национального музея,
архива Чувашского государственного
института гуманитарных наук,
Чувашского книжного издательства,
личных архивов **В.П. Никитина**,
А.П. Хузангая, **С.Н. Михайловой** и др.

Художественный редактор **С.А. Бритвина**

Технический редактор **Л.К. Егорова**

Корректоры **Н.В. Вечеркина**, **З.И. Гаврилова**,

Р.И. Крысина, **Н.Г. Орлова**

Компьютерная верстка **М.В. Филипповой**

Компьютерная обработка иллюстраций

И.В. Добронравовой, **Д.В. Литаврина**

Общероссийский классификатор продукции ОК 005-93—95 3003.

Подписано к печати 03.12.08. Формат 60х84 1/16.

Бумага мелованная. Гарнитура Тип Таймс. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 23,25. Учетно-изд. л. 22,61.

Тираж 2000 экз. Заказ № 1673. Изд. № 72.

ГУП Чувашской Республики «Чувашское книжное издательство»

Минкультуры Чувашии,

428019, Чебоксары, пр. Ивана Яковлева, 13.

Отпечатано в ООО «Чебоксарская типография № 1»,

428019, Чебоксары, пр. Ивана Яковлева, 15.

П 34 **Писатели:** Очерки. Иллюстрированное издание, т. 6. — Че-
боксары: Чуваш. кн. изд-во, 2008. — 398 с.
ISBN 978-5-7670-1612-9

Представленные в данном сборнике очерков имена писателей создают целостный портрет чувашской литературы, передают сложную динамику историко-литературного процесса с его взлетами, творческими порывами, трагическими потерями и издержками. В книге частично представлена и так называемая «возвращенная литература». Лучшие творения писателей разных поколений прочно укоренились в сокровищнице общечеловеческих ценностей.

УДК 821.512.111.0
ББК 83.3 (2 Рос=Чув)

ISBN 978-5-7670-1612-9

Л.Я. Агаков
Ю.Г. Айдаш
А.Е. Алга
В.С. Алендей
А.С. Артемьев
П.В. Афанасьев
А.А. Воробьев
А.А. Галкин
Д.В. Гордеев
В.И. Давыдов-
Анатри
А.В. Емельянов
Г.А. Ефимов
В.З. Иванов-
Паймен
Н.Ф. Ильбек
Н.А. Исмуков
Д.А. Кибек
Г.В. Краснов
В.Е. Митта

Н.Ф. Мранька
(Мораньков)
П.Н. Осипов
Ю.С. Семендер
Ю.И. Скворцов
А.Ф. Талвир
Л.В. Таллеров
Н.Т. Терентьев
М.Д. Трубина
В.В. Тургай
К.С. Турхан
И.Е. Тхти
Ф.Е. Уяр
Б.Б. Чиндыков
С.А. Шавлы
Н.И. Шелеби
(Полоруссов)
С.В. Эльгер
Д.П. Юман
М.Н. Юхма